

Зарубежная

фантастика

Ф. Л. Уоллес
Необычный полёт

Флойд Ли Уоллес Необычный полёт

Сборник рассказов

Зарубежная фантастика

Клубное издание

экземпляр № ____.

16.02.1915 — 26.11.2004

Зарубежная

фантастика

Ф. Л. Уоллес

Необычный полёт

Перевод с английского
Сергея Самуйлова

Екатеринослав
«Аеростат»
2012

ББК 84.7 (США)
У 634

Необычный полёт

Кэмерон, нахмурившись, всматривался в крышку рабочего стола. Трудно сосредоточиться в таких обстоятельствах.

— Ваш запрос перенаправили в Медсовет, — сказал он. — После изучения ответ сообщат Солнечному Комитету.

Дочки подался вперед, и лицо его буквально засветилось.

Доктор Кэмерон упорно отводил взгляд — собеседник ставил его в чертовски неловкое положение.

— Вы же понимаете, что означает этот ответ. Четкий и недвусмысленный отказ, во всяком случае, пока.

Дочки выпрямился.

— Этого следовало ожидать, — устало произнес он.

— Дело не безнадежное. Такого рода решения всегда можно пересмотреть.

— Конечно, — вздохнул Дочки. — У нас же в запасе века. — Лицо его пылало или, точнее сказать, излучало сияние.

Кэмерон машинально понизил уровень освещения в комнате до минимума. И все равно, свет резал глаза. Дочки действовал ему на нервы.

— Но почему? Все знают, что мы можем это сделать. Почему они отказали?

Именно этого вопроса Кэмерон всячески старался избежать. Теперь ничего не оставалось, как дать жесткий, беспощадный ответ.

— Вы думали, что выберут вас? Или Нону, или Джордана, или Анти?

Дочки вздрогнул.

— Быть может, и нет. Но мы обещали вам, что будем придерживаться решения, которое вынесут эксперты. Нас здесь тысяча, неужели из тысячи нельзя набрать квалифицированный экипаж?

— Наверно, можно, — согласился Кэмерон и, включив свет, снова уперся взглядом в столешницу. — Большинство из вас — биокомпенсаторы. Думаю, процентов девяносто. Допускаю, что мы сможем собрать компетентную команду. — Он вздохнул. — Но вы теряете время, обсуждая вопрос со мной. Я не несу ответственности за принятие решения. И ничего не сделать могу.

Дочки встал. Бесцветное лицо ярко светилось.

Впервые за время разговора доктор Кэмерон посмотрел ему в глаза.

— Предлагаю успокоиться. Наберитесь терпения и ждите. Возможно, вам еще представится шанс.

— Сами ждите, — ответил Дочки. — А мы не намерены.

Дверь перед ним открылась, и Дочки вышел.

Кэмерон снова сосредоточил внимание на столешнице. Он и в самом деле пытался пронзить ее взглядом. Потом записал последовательность карточек, которые ожидал обнаружить в столе. Открыл выдвижной ящик, пристально рассмотрел содержимое и недовольно

скривился. Сколько бы раз он ни пробовал, результат никогда не превышал средних показателей. Может быть, в телепатии что-то и было; но он пока не разобрался.

Доктор выбросил эти мысли из головы. Такого рода попытки были его личной забавой, средством отстранения от ситуации, связанной с присутствием Дочки. Но теперь Дочка ушел, и ему, Кэмерону, надлежало услышать ответы на заданные вопросы. Настоящие ответы.

Он включил телеком.

— Дайте мне Медсоветника Тортон, — скомандовал Кэмерон роботу-оператору. — Напрямую, если можно. Если не получится, то по вспомогательному каналу. Я подожду.

На карте астероид с диаметром около тридцати миль именовался «Небесами для инвалидов». Его постоянные обитатели вынужденно мирились со второй частью названия, но никогда не использовали слово «небеса». Обходились другими названиями, не имеющими ничего общего с чем-то возвышенным.

Конечно, астероид являлся госпиталем, но в еще большей степени представлял собой заведение для выздоравливающих, существующее на постоянной основе. Здоровое и бодрое человечество создало его для тех, кому не повезло. Великодушный жест, но, как и многие прочие великодушные деяния, он привел к результатам, весьма далеким от первоначальных намерений.

Робот-оператор прервал его размышления.

— С вами будет говорить медсоветник Тортон.

На экране появилось старческое лицо.

— Нахожусь на пути к спутникам Юпитера, ближай-
шие полчаса буду в пределах прямой связи. — На таком
расстоянии передача и прием работали практически
одновременно. — Хотите поговорить со мной об ответе
Солнечного Комитета?

— Да. Несколько минут назад я уведомил Дочки.

— Как он отреагировал?

— Ответ ему не понравился. Вернее сказать, пришел в
бешенство.

— Такое поведение говорит о его психической не-
уравновешенности.

— Тем не менее, все они люди достаточно амбициоз-
ные, вот только их способности не находят применения,
— сказал доктор Кэмерон. — Признаюсь, я старался не
смотреть на него, хотя выглядел он весьма представи-
тельно. Даже симпатично, но и пугающе тоже.

Тортон кивнул.

— Представительно. Значит, прицепил руки?

— Ну, да. Это важно?

— Думаю, да. Он ожидал положительного ответа и хо-
тел выглядеть наилучшим образом. Как можно сильнее
походить на нормального человека.

— Неприятности?

— Пока не знаю, — неопределенно ответил медсовет-
ник. — Во всяком случае, не сейчас. Им потребуется не-
которое время, чтобы пережить шок, вызванный отка-
зом. На самом деле они ничего поделать не могут. По-
одиночке беспомощны, а все вместе взятые не дадут
конечностей и органов и для дюжины здоровых тел.

— Я просмотрел записи, — сказал доктор Кэмерон. — Никому из этих несчастных не нравится пребывание на «Небесах для инвалидов». Правда, наблюдения охватывают всего лишь несколько последних лет. Однако такого открытого недовольства, как теперь, никогда не отмечалось.

— Кто-то их организует. Выясните, кто, и установите постоянное наблюдение.

— Я знаю, кто. Дочки, Нона, Анти и Джордан. Но если просто следить за ними, толку не будет. Прошу вашего разрешения расколоть эту группу. Гуманными методами, конечно.

— Как вы предполагаете сделать это?

— Возьмем, к примеру, Дочки. С руками-протезами он выглядит физически нормальным, если не считать этого жуткого свечения. Оно отталкивает обычных людей. С медицинской точки зрения здесь мы бессильны, но с психологической — мы могли бы использовать это качество. Вы знаете, что «Глэнд опера» — самая популярная программа в Солнечной системе. Ее герои — те-

лепаты, телепорты и пиротики. Конечно, сплошная ложь — грим и искусство операторов. Но из Дочки можно сделать настоящую, живую звезду. Например, «Человек — Луч смерти! Когда его лицо сияет вспыхивает, люди падают замертво или теряют способность двигаться!». Он получит шанс вернуться в нормальное общество на условиях, психологически приемлемых для него.

— Приемлемых, возможно, для него, но не для общества, — возразил медсоветник. — Оригинальная идея, делающая честь вашим гуманным взглядам. Только она не сработает. У вас есть медицинская карта Дочки, но вы, скорее всего, не знаете всей его истории. Он был инженером-электрохимиком, специалистом по холодному освещению. Казалось, его ожидает блестящая карьера, но тут произошел пренеприятнейший случай. Детали не важны. Автоматизированный механизм жестото искалечил его и швырнул в емкость с раствором холодного свечения. Обнаружили его только через некоторое время.

В нем еще теплилась искра жизни, и нам удалось спасти его. Пришлось ампутировать руки и ребра практически до позвоночного столба. Вопрос регенерации оказался в тот раз не таким простым, как обычно. Мы сумели сотворить новую грудную клетку, но и только. В данном случае ручные протезы — не более, чем украшение. Их можно пристегнуть, и смотреться будет хорошо, но пользоваться ими Дочка не способен. У него нет спинных и плечевых мышц, к которым протезы подсоединяются.

И добавьте к этому изменения тела, которые произошли в емкости с раствором. Простейший раствор холодного свечения, как вам известно, полуорганический. Он пропитал все ткани его тела. К тому моменту, когда его нашли, раствор стал неотъемлемой частью его метаболизма. Полагаю, это еще одно подтверждение основ теории биокompенсации.

Медсоветник покачал головой и замолчал.

— Боюсь, ваша идея не годится, доктор Кэмерон. Не сомневаюсь, он добился бы успеха в упомянутой вами программе. Но есть вещи, которые производят на людей большее впечатление, чем успех. Вы можете представить себе гробовое молчание в зале, наполненном нормальными людьми, когда он появится?

— Понимаю, — ответил Кэмерон, хотя на самом деле не понял, во всяком случае, до конца. Но медсоветник был убежден в собственной правоте, и Кэмерон никоим образом не мог поколебать этой убежденности.

— Следующая, кого я имел в виду, Нона, — добавил он.

— Я так и думал. — Тортон бросил взгляд на солнечный хронометр. — У меня немного времени, но я лучше поясню. Вы новичок на этой должности, и, как мне кажется, еще не успели в достаточной степени разобраться в пациентах и их проблемах. Должен сказать, случай Ноны еще более сложный, чем у Дочки. Когда-то он был нормальным человеком. Она — никогда. Внешность у нее удовлетворительная; возможно, она даже достаточно хорошенькая, хотя вы должны помнить, что в данных обстоятельствах она может казаться более привлекательной, чем есть на самом деле.

Но́на не может ни слышать, ни говорить. И никогда не сможет. У нее отсутствует гортань, и даже если бы мы ее создали, это не помогло бы. Отсутствует система нервов, необходимая для речи и слуха. Структура ее мозга определенно ненормальная. Насколько мы смогли понять, эта ненормальность не связана с мутацией. Она больше похожа на аномалию. Некогда часто встречались случаи волчьей пасти, как результат дефектов внутриутробного, дородового развития или травм. Мы до сих пор сталкиваемся с ними, но теперь наши хирургические техники всегда побеждают недуг. Однако не в случае с Ноной.

Ее нельзя научить чтению и письму; мы уже пытались. Нами раскопаны старые методики Хелен Келлер; усовершенствовав, мы применили их — безрезультатно. Похоже, ее разум работает не по образцу человеческого. Возникает вопрос, работает ли его большая часть вообще.

— Это может послужить отправной точкой, — сказал Кэмерон. — Если ее мозг...

— В действующие лица «Глэнд-опера»? — оборвал его Тортон. — Или «Рейн-оперы», если мне будет позволено выдвинуть такое предложение? Мы подумали и об этом, но ничего не получилось. Мы проверили ее на все телепатические качества. И опять безрезультатно. Никакими особенными умственными способностями она не обладает. На всякий случай мы устраиваем ей периодические проверки. Последняя была не далее как в прошлом году.

Кэмерон озадаченно нахмурился.

— Значит, вы считаете, что она не сумеет выжить в нормальном обществе?

— Именно так, — жестко подытожил медсоветник. — Вы должны смотреть правде в глаза: ни от кого из них избавиться вам не удастся.

— С их помощью или без нее, я сумею справиться с обязанностями, — заявил Кэмерон.

— Уверен, что сумеете. — Взгляд медсоветника отнюдь не источал уверенности. — Конечно, если нуждаетесь в помощи, мы пришлем подкрепление.

Намек был достаточно прозрачным.

— Я уберегу их от опрометчивых поступков, — пообещал Кэмерон.

Изображение на экране начало меркнуть, голос — слабеть.

— Решать вам. Если станет очень трудно, связывайтесь с Медсоветом.

— Корабль вне пределов прямой связи, — прозвучал голос робота-оператора. — Если желаете продолжить разговор, нам придется воспользоваться ближайшей ретрансляционной станцией. В настоящее время это станция на Марсе.

Не говоря уже о значительном отставании по времени, Кэмерон вряд ли мог рассчитывать на более внятные ответы, чем те, до которых мог додуматься сам. Он покачал головой.

— Мы закончили, спасибо.

Кэмерон тяжело поднялся. Дело было вовсе не в психологической реакции на разговор. Он ощутил, что действительно стал весить больше, и взял это наблюдение на заметку. Надо будет разобраться.

В каком-то отношении они выглядели даже трогательными — лоскутные создания, мужчины и женщины, лишь на половину или на четверть оставшиеся людьми, составные организмы, замаскированные под людей и живущие в плену иллюзии, расставаться с которой смертельно трудно. На медицине и хирургии лежала лишь часть вины. Применяемые техники можно было считать удачными или не очень — в зависимости от точки зрения.

Очень удачными — потому что ужасно изувеченный человек, если он все еще жив был, оставался жить! И недостаточно продвинутыми, потому что часть искалеченных не удавалось вернуть обществу полностью выздоровевшей и телесно целой. Таких насчитывалось немного, но они существовали, и все находились на астероиде.

Он им не нравился. По крайней мере, им не нравилось жить прикованными к «Небесам для инвалидов». Не то чтобы они хотели вернуться в общество нормальных людей — они понимали, как нелепо будут смотреться среди множества красивых, здоровых соплеменников на разных планетах.

То, чего желали эти жертвы случая, казалось абсурдным. Они хотели, они надеялись, они просили о том, чтобы стать первыми в долгом и трудном путешествии к Альфе и Проксиме Центавра на космическом корабле. Для тех, кто полетит — славное свершение; для тех, кто не сможет — опосредованное участие в нем.

Нонсенс. Сломанные люди, без лиц, которые они могли бы назвать своими, с насосами вместо сердец, без рук, ног, органов — по крайней мере, очень многие из

них. Категории инвалидности, кажется, можно перечислять бесконечно.

Да, жертвы случая являлись квалифицированными специалистами. Фактически, из миллиардов граждан Солнечной системы только они могли совершить этот полет и вернуться. Но существовали факторы, исключаяющие их участие. Обсуждать с ними первый было небезопасно, тогда как второй надлежало разъяснить. Но для этого требовалась натура садиста, которой Кэмерон не обладал.

* * *

Дочки присел возле бассейна. Достаточно приятное место — пасторальный уголок, перенесенный с Земли. Небольшое деревце отбрасывало тень, расправив ветви над головой. По бортам плескались и булькали волны. В жидкости не нашлось бы ни растительной жизни, ни плавающих рыб. Она выглядела, как вода, но водой не являлась. Бассейн заполняла кислота. В ней плавало нечто, чудовищным образом напоминающее женщину.

— Они отвергли нас, Анти, — с горечью сказал Дочки.

— А ты не ожидал? — спросило существо из бассейна.

— Думаю, нет.

— Ты плохо знаешь Медсовет.

— Очевидно, совсем не знаю. — Он хмуро смотрел на голубоватую жидкость. — Почему они нас отвергли?

— Ты не знаешь?

— Ну ладно, знаю, — уступил он. — Они поразительно нерациональны.

— Конечно, нерациональны. Пусть такими и остаются, а мы не будем следовать их примеру.

— Хотел бы я знать, что делать, — сказал он. — Кэмерон предложил подождать.

— Биокompенсация, — проворчала Анти, не переставая плескаться. — Они всегда так говорят. До настоящего момента всегда срабатывало.

— Что еще мы можем сделать? — спросил Доччи. Он сердито пнул ногою пучок вялой травы. — Написать еще один запрос?

— Меморандум номер десять? Давай не будем наивными. В системе регистрации Медсовета документы так легко теряются.

— Или искажаются, — прорычал Доччи.

— Может, дадим Медсовету время передохнуть? Все равно они устали нас слушать.

— Понимаю, о чем ты, — сказал Доччи, поднимаясь.

— Лучше поговорить об этом с Джорданом.

— Как раз собираюсь. Мне потребуются руки.

— Хорошо. Увидимся, когда полетишь к далекому Центавру.

— Раньше, Анти. Гораздо раньше.

В небе уже мерцали звезды. Сумерки отбрасывали неясные тени и узоры от конструкции, поддерживающей прозрачный купол над их головами. Вскоре медленное, контролируемое вращение принесет тьму на эту сторону астероида.

Кэмерон откинулся на спинку кресла и задумчиво взглянул на инженера-гравитационщика Фогеля. Этот человек мог бы оказать ему значительное содействие, если бы захотел. Причин для отказа вроде бы и не было, но за каждым, кто добровольно оставался на «Небесах для инвалидов» столько же лет, сколько Фогель, закрепились сомнительная репутация.

— Обычно мы поддерживаем уровень около половины нормальной земной гравитации, — сказал Кэмерон.

— Это правильно?

Инженер Фогель кивнул.

— Неважно, почему установлены такие лимиты, — продолжал Кэмерон. — Возможно, так легче для тел ослабленных пациентов. Может, существуют экономические причины.

— Никаких особенных причин, кроме самих гравитационных установок, — сказал Фогель. — Теоретически нетрудно установить любой удобный вам уровень гравитации. Хотя на практике он колеблется от четверти до почти полной земной. Учтите флуктуации. Гравитационный компьютер настроен на пятьдесят процентов силы тяжести. Порой у нас пятьдесят процентов, порой — семьдесят пять. Каким бы ни был уровень, он просто существует, и мы должны довольствоваться этим.

Инженер, крупный мужчина, пожал плечами.

— Я слышал, наши установки разработаны специально для этого астероида, — продолжил он. — По какой-то причуде медиков. Вы говорите, этим несчастным легче переносить ослабленную гравитацию. Я не знаю. Пола-

гаю, разработчики не смогли справиться с заказом, а потом дело замяли.

Кэмерон старался скрыть раздражение. Он хотел информации, а не задушевных признаний.

— Все прикладники склонны опровергать то, чего хотели избежать, но не получилось. Медицина, думаю, здесь не исключение. — Он помолчал, задумавшись. — Сейчас на астероиде три самостоятельных гравитационных установки. Одна работает сорок пять минут, пока две другие отдыхают. Потом первая отключается, работает следующая. То есть они синхронизированы. Мне нет нужды вам рассказывать про это. Вы тоже чувствуете, что в какой-то момент ваш вес внезапно увеличивается. Что не так?

— Ничего, — ответил инженер. — Это связано с гравитацией.

— Хотите сказать, установки должны работать именно так? С накладками, когда в течение пяти минут гравитация возрастает до единицы земной или до полутора единиц, а потом исчезает?

— Они не должны так работать, — ответил Фогель. — Но еще никто не построил установку, которая функционирует лучше. — И обиженно добавил: — Конечно, если вы желаете, то можете проконсультироваться у компании, изготовившей эти установки.

— Я не пытаюсь усомниться в ваших знаниях и вовсе не желаю выглядеть глупцом. У меня есть все основания задавать подобные вопросы. Возможно, мы имеем дело с саботажем.

Инженер в ответ только ухмыльнулся.

— Хорошо, — устало бросил Кэмерон. — Полагаю, вы объясните мне, почему саботаж маловероятен.

— Что ж, значит, здесь должен жить кто-то, кому не нравится внезапное увеличение гравитации вдвое — втрое или ее полное отсутствие, — предположил инженер. — Но есть и другое объяснение. Возьмем гравитационную установку. Большинство людей именно так о ней и думают: просто установка. На самом деле все не так просто. Она состоит из трех частей.

Первая часть — силовая, и о ней достаточно сказать, что она большая. В нашем случае — это ядерный реактор, спрятанный в глубине астероида. Придется развалить «Небеса для инвалидов» на куски, чтобы добраться до него. Вторая — гравитационная катушка, которая, собственно, и создает силу тяжести; она проста и почти неразрушима. Третья часть — гравитационный контроль. Он рассчитывает соотношение между количеством энергии, текущей в гравитационной катушке, и силой создаваемого поля тяжести, и делает это каждую микросекунду. Контроль использует компьютерную связь для изменения количества энергии, которая поступает в катушку в течение следующей микросекунды, чтобы обеспечить прежний уровень гравитации. Не будет изменения — не будет гравитации. Думаю, можно называть контрольную часть установки просто компьютером, тем более, что их изготавливают для самых разных целей.

Инженер поскреб подбородок.

— Усталость, — пояснил он и продолжил: — Гравитационный контроль — очень сложный компьютер, который может устать. Вот почему он должен полтора ча-

са отдыхать, чтобы снова работать сорок пять минут. Естественно, они не хотят, чтобы кто-нибудь чинил его. Он не подлежит ремонту. Сломайте замок на портфеле, и он не будет работать. Но сначала вы должны открыть его. Обратите внимание, сделать это можно. Но я не стал бы пробовать без налаженной мощной лаборатории.

Если установки и не были абсолютно безопасными, то все равно они больше не казались Кэмерону источником возможных неприятностей.

— Значит, о гравитационных установках можно забыть, — сказал он, вставая. — А как насчет ручного оружия? Оно им доступно?

— Вы имеете в виду тостеры?

— Все, чем можно убить.

— Ничего. Даже ножей нет. Может, случайный брусок металла, штанга или что-нибудь в этом роде. — Фогель почесал в затылке. — Хотя кое-что опасное имеется. Опасное, если вы знаете, как за это взяться.

Кэмерон мгновенно насторожился.

— Что такое?

— Ну, сам астероид. Физически вы не сможете коснуться ни одной части гравитационной установки. Но если ухитриться и каким-то образом послать в компьютер импульс и изменить направление поля... — Фогель посерьезнел. — Вы сможете завладеть «Небесами для инвалидов» и забросить его куда хотите. Например, к Земле. Тридцать миль в диаметре — здоровенная скала.

Именно такую информацию искал Кэмерон, хотя инженер, похоже, рассматривал подобную возможность просто как вызов обществу.

— Существует ли хоть малейшая возможность, что такое случится? — спокойно спросил Кэмерон.

Инженер осклабился.

— Никогда не случалось, но власти готовы к тому, что такое может произойти с любой гравитационной установкой. У них повсюду станции слежения — на лунах Юпитера и Марса, на Земле и Венере.

Как только гравитационный компьютер начинает шалить, мониторинг перезагружает его. Если не получается, они посылают глушащий импульс и останавливают компьютер намертво. Он не заработает, пока ему не позволят.

Кэмерон вздохнул — полезной информации Фогель дал очень немного.

— Хорошо, — подытожил он. — Вы рассказали мне все, что я хотел знать.

Кэмерон смотрел, как инженер удаляется в свой бункер возле гравитационной установки, спрятанной в недрах астероида.

* * *

Назначение на «Небеса для инвалидов» вряд ли могло кого-то обрадовать; ни один нормальный человек не пожелал бы приобрести опыт работы таким путем. И все же служба здесь имела преимущество — скорость продвижения по карьерной лестнице напрямую зависела от специфики этого места.

От годичного срока осталось десять месяцев. Выдержав их и не запятнав репутации руководителя, Кэмерон оказался бы в списке претендентов на более заманчи-

вые назначения. Совершенно нежелательны самоубийства и любые другие неприятности, которые могут привлечь внимание внешнего мира к забытому астероиду.

Он щелкнул по панели монитора.

— Ракетный купол. Дайте мне пилота.

Когда робот, наконец, отозвался, ответ его озадачил.

— Извините. Никто не выходит на связь.

— Так найдите его, — бросил Кэмерон. — Если его нет в ракетном, то он в главном куполе. Я хочу, чтобы вы его немедленно нашли.

Последовали несколько мгновений молчания.

— Нет подтверждения, что пилот покидал ракетный купол.

У Кэмерона перехватило дыхание; он сделал усилие над собой, чтобы голос звучал спокойно.

— Просканируйте весь район. Поняли? Вы должны найти его.

— Сканирование невозможно. В данном районе система вышла из строя.

— Хорошо, — сказал Кэмерон, чувствуя, что его начинает бить дрожь. — Высылайте ремонтных роботов. — Они были эффективны в том смысле, что всегда выполняли работу, которую им поручали, хотя не всегда быстро.

— Как только система сканирования отказала, роботов выслали. Другие указания будут?

Кэмерон задумался. Ему требовалась помощь, причем очень серьезная. Фогель? Он не отказался бы и помог, но тогда установка, генерирующая силу тяжести, останется без присмотра. Лучше обойтись без него.

Кто еще? Старая сварливая медсестра, устроившаяся

сюда ради ранней пенсии? Или смазливая молодая, отважно попросившаяся добровольцем, потому что «ведь должен кто-то помогать этим несчастным беднягам»? Только не она, конечно же. У нее плохая привычка падать в обморок при виде крови. Возможно, поэтому и не получила должности в каком-нибудь крупном планетарном госпитале. Не оставалось никого, кроме роботов, от которых в подобных случаях мало проку. Роботы и еще пилот ракеты. По какой-то причине он не выходил на связь.

В этом проклятом месте не хватало людей. Всегда не хватало. Кроме слегка помешанных, бестолковых и ленивых, да еще самонадеянных молодых врачей, таких, как он сам, сюда никто не хотел лететь. Последнюю категорию Кэмерон мысленно ругал. Если здесь случится что-нибудь серьезное, такой молодой доктор закончит карьеру, бинтуя царапины малышам на детской площадке.

— Указания, — произнес он наконец. — Да. Отправьте сообщение Фогелю в генераторную. Пусть бросит все, кроме своих установок. Пусть наблюдает за ними.

— Это все?

— Не совсем. Отправьте шесть ронов — роботов общего назначения. Я встречу их у входа в ракетный купол.

— Ремонтные роботы уже там. Их недостаточно?

— Нет. Роны нужны мне для других целей. — Помощи от них действительно немного, но это лучшее, чем он располагал.

Дочки ждал у ракетного купола. Он не прятался, почти неразличимый в заботливо выращенном кустарнике, который, как считалось, создавал иллюзию земного пейзажа. Если у насаждений это и не очень получалось, то свой вклад в выработку кислорода на астероиде они вносили.

— Хорошая девочка, — сказал Дочки. — Эта Нона просто прелесть.

Джордан заметил, что его приятель расслабился.

— Обычное механическое чудо, — проворчал он. — Но мы можем поболтать об этом позже. Надо идти.

Дочки посмотрел вокруг и храбро шагнул в переход, который соединял главный купол с примыкающим к нему гораздо меньшим, ракетным. Обычно в населенной части астероида никогда не наступала полная тьма; модулированные сумерки считались более благоприятными для дремы. Но когда они подошли к ракетному куполу, в нем царила темнота, напоминающая межпланетное пространство.

Дочки остановился у воздушного шлюза, тяжелые очертания которого вырисовывались перед ними.

— Надеюсь, Ноне удалось обесточить его, — озадаченно произнес он.

— Но она же поняла задание, разве нет? — спросил Джордан. Он протянул руку, и толстая плита легко откатилась, скользя в пазах. — Твоя беда в том, что тебе не хватает уверенности.

Дочки не ответил; он хмурился, прислушиваясь к чему-то.

— Ага, я тоже слышу, — прошептал Джордан. — Нам лучше пройти дальше внутрь, прежде чем он нас догонит.

Дочки быстро зашагал во тьму ракетного купола. Лицо продолжало слабо светиться — то была часть его измененного метаболизма, которую он научился контролировать, если не находился под эмоциональным напряжением.

Сейчас он нервничал, но полностью контролировал себя. Света было достаточно света, чтобы его заметили, но не так много, чтобы рассмотреть внешность.

Шаги, сопровождаемые непрерывными ругательствами, приближались. Дочки позволил лицу вспыхнуть, и почти сразу снизил интенсивность свечения.

Шаги замерли.

— Дочки?

— Нет. Всего лишь одинокий маленький шарик света на вечерней прогулке.

Пилот ракеты, однако, засмеялся совсем не дружелюбно.

— Я знаю, это ты. Что здесь делаешь?

— Увидел, что в ракетном куполе погасли огни. Вход оказался открытым, поэтому я вошел. Думал, сумею помочь.

— Да, освещение отказало. Все. Даже резервная система. — Пилот подвинулся ближе. В руке он держал смертоносное оружие — маленький тостер. — Помочь мне ты не можешь. Лучше уходи. Оставаясь здесь, ты нарушаешь инструкции.

Дочки не обращал на оружие внимания.

— Что случилось? Метеорит ударил?

— Не похоже, — проворчал пилот. Он пристально рассматривал едва видимый силуэт Дочки. — Я смотрю, ты выглядишь посимпатичнее. Так бы и ходил все время. С этими руками тебе лучше, пусть они и бесполезны. Ты похож... — Он замялся.

— Ну да, похож на человека, — закончил за него Доччи. — Не просто пара ног и позвоночный столб с лампочкой наверху.

— Я этого не говорил. Значит, ты способен обижаться. Что ж, может ты и прав. В любом случае, тебе лучше уйти.

— Но я не хочу, — осторожно возразил Доччи. — Я не боюсь темноты. А ты?

— Прекрати эти дурацкие разговоры, Доччи. У тебя все системы работают, и ты это знаешь. А теперь убирайся, пока я не схватил тебя за фальшивую руку и не уволок отсюда.

— Теперь ты оскорбляешь мои чувства, — укоризненно заявил Доччи, проворно отступая в сторону.

— Ты сам этого хотел, — проворчал пилот, устремляясь за ним. То, что он схватил, оказалось не протезом, сделанным из пластика, а рукой из плоти и крови. Поэтому пилот успел закричать до того, как его подняли в воздух и затем ударили о грунт.

Сложившись вдвое, Доччи нагнулся. За его спиной, словно клинок из ножен, появилась темная фигура.

— Джор...

— Угу, — произнес Джордан.

Одной рукой он крепко держал пилота за горло, второй нащупывал тостер, который пленник все еще держал в руке. Вырвав его из ослабевших пальцев, Джор-

дан нанес рукояткой удар такой силы, чтобы оглушить пилота, но не разmozжить ему череп. Доччи стоял неподвижно, пока Джордан не закончил. Все, чем он мог помочь — легкий пинок, по-другому без участия рук не получалось.

Но он и не требовался.

— Да будет свет! — смеясь, скомандовал Джордан, и от Доччи полилось слабое мерцающее свечение.

Джордан балансировал на руках. Массивная голова, тяжелые сильные руки и плечи. Его тело заканчивалось ниже грудной клетки. Пищеварительная система размещалась в округлой металлической капсуле.

— Мертв? — Доччи посмотрел вниз, на пилота.

Джордан склонился ближе и приложил ухо к груди.

— Нет, — сообщил он. — Я вовремя вспомнил, что мы не можем позволить себе убивать кого-либо.

— Хорошо, — сказал Доччи и едва подавил крик, когда что-то обвилось вокруг его ног. Отреагировал он быстро, почти сразу сбросив щупальца.

— Ремонтный робот, — сказал Джордан, посмотрев кругом. — Место ими так и кишит.

Доччи хлопал глазами, оглядываясь, а робот тем временем подобрался поближе к нему.

— Дружелюбное создание, — заметил Джордан. — Предлагает исправить твою осветительную систему.

Не обращая внимания на приземистый механизм, Доччи рассматривал пилота.

— Что дальше? — спросил он.

— Согласен, он требует внимания, — сказал Джордан. — Несколько иного, чем то, которое я ему уделил. — Он взвесил в руке тостер и выжег дырку в корпусе малень-

кого самоходного чудовища. Из корпуса робота появились щупальца и принялись озабоченно шарить по поврежденному месту. Потом щупальца исчезли, показались вновь с небольшой горелкой и подвинулся ближе. В руке он держал смертоносное оружие — маленький тостер. — Помочь мне ты не можешь. Лучше уходи. Оставаясь здесь, ты нарушаешь инструкции.

Дочки не обращал на оружие внимания.

— Что случилось? Метеорит ударил?

— Не похоже, — проворчал пилот. Он пристально рассматривал едва видимый силуэт Дочки. — Я смотрю, ты выглядишь посимпатичнее. Так бы и ходил все время. С этими руками тебе лучше, пусть они и бесполезны. Ты похож... — Он замялся.

— Ну да, похож на человека, — закончил за него Дочки. — Не просто пара ног и позвоночный столб с лампочкой наверху.

— Я этого не говорил. Значит, ты способен обижаться. Что ж, может ты и прав. В любом случае, тебе лучше уйти.

— Но я не хочу, — осторожно возразил Дочки. — Я не боюсь темноты. А ты?

— Прекрати эти дурацкие разговоры, Дочки. У тебя все системы работают, и ты это знаешь. А теперь убирайся, пока я не схватил тебя за фальшивую руку и не уволок отсюда.

— Теперь ты оскорбляешь мои чувства, — укоризненно заявил Дочки, проворно отступая в сторону.

— Ты сам этого хотел, — проворчал пилот, устремляясь за ним. То, что он схватил, оказалось не протезом, сделанным из пластика, а рукой из плоти и крови. По-

этому пилот успел закричать до того, как его подняли в воздух и затем ударили о грунт.

Сложившись вдвое, Дочки нагнулся. За его спиной, словно клинок из ножен, появилась темная фигура.

— Джор...

— Угу, — произнес Джордан.

Одной рукой он крепко держал пилота за горло, второй нащупывал тостер, который пленник все еще держал в руке. Вырвав его из ослабевших пальцев, Джордан нанес рукояткой удар такой силы, чтобы оглушить пилота, но не разmozжить ему череп. Дочки стоял неподвижно, пока Джордан не закончил. Все, чем он мог помочь — легкий пинок, по-другому без участия рук не получалось.

Но он и не требовался.

— Да будет свет! — смеясь, скомандовал Джордан, и от Дочки полилось слабое мерцающее свечение.

Джордан балансировал на руках. Массивная голова, тяжелые сильные руки и плечи. Его тело заканчивалось ниже грудной клетки. Пищеварительная система размещалась в округлой металлической капсуле.

— Мертв? — Дочки посмотрел вниз, на пилота.

Джордан склонился ближе и приложил ухо к груди.

— Нет, — сообщил он. — Я вовремя вспомнил, что мы не можем позволить себе убивать кого-либо.

— Хорошо, — сказал Дочки и едва подавил крик, когда что-то обвилось вокруг его ног. Отреагировал он быстро, почти сразу сбросив щупальца.

— Ремонтный робот, — сказал Джордан, посмотрев кругом. — Место ими так и кишит.

Дочки хлопал глазами, оглядываясь, а робот тем вре-

менем подобрался поближе к нему.

— Дружелюбное создание, — заметил Джордан. — Предлагает исправить твою осветительную систему.

Не обращая внимания на приземистый механизм, Доччи рассматривал пилота.

— Что дальше? — спросил он.

— Согласен, он требует внимания, — сказал Джордан. — Несколько иного, чем то, которое я ему уделил. — Он взвесил в руке тостер и выжег дырку в корпусе маленького самоходного чудовища. Из корпуса робота появились щупальца и принялись озабоченно шарить по поврежденному месту. Потом щупальца исчезли, показались вновь с небольшой горелкой и занялись паечными работами.

Джордан подтащил бесчувственного пилота к роботу. Прислонившись к корпусу, он поднял безвольное тело над головой и осторожно уложил на верхнюю плоскую панель робота. Тот одним из щупалец обследовал новый для себя предмет. Используя тостер, Джордан припаял суставчатое щупальце к корпусу, перехлестнув его через тело пилота. Он повторил операцию трижды, пока надежно не закрепил страдальца на крышке механизма.

— Эта штука останется здесь и будет занята ремонтом, пока не приведет себя в порядок, — сказал Джордан. — Во всяком случае, это можно уладить. — Он переключил излучатель тостера на незначительную мощность, быстро вырезал на коробке управления круглое отверстие и удалил ненужный кусок металла. Потом засунул внутрь руку и вырвал провода. — Больше никакого самовосстановления, — весело сообщил он. — Теперь мне

потребуется твоя помощь. Учитывая фактор времени, думаю, неплохо будет заставить робота сделать несколько кругов по главному куполу, прежде чем он доставит пилота в госпиталь. Нет смысла давать им наводку на себя, пока мы не подготовились.

Дочки склонился над коробкой управления, и с его помощью они установили нужную последовательность электрических цепей. Механизм пришел в хаотичное движение и устремился прочь.

Дочки наблюдал, как робот удаляется.

— Пора двигаться дальше. — Он согнулся перед Джорданом, и тот обхватил его руками за шею, но не сделал попытки забраться на спину Дочки. В этот момент Дочки пережил приступ паники — он понял, что почувствовал пилот, когда сильные руки неожиданно для него появились из темноты и сомкнулись на горле.

Понял и постарался выбросить эту мысль из головы.

— Забирайся мне на спину.

— Ты устал, — возразил Джордан. — Половина гравитации или нет, но ты не сможешь нести меня дольше. — Он быстро заработал пальцами, и ременная сбруя, которую Дочки использовал для переноски, упала им под ноги. — Не шевелись! — вдруг велел Джордан. — Слушай!

Дочки прислушался.

— Роны!

— Да! — подтвердил Джордан. — Теперь давай к ракете.

— И что я буду делать, когда доберусь туда? Ты должен мне помочь.

— Когда надо будет, что-нибудь придумаешь. Торопись!

— Без тебя не пойду, — упрямо заявил Доччи, не двигаясь с места.

Огромная ладонь легла на затылок Доччи.

— Слушай меня, — неистово прошептал Джордан. — Вдвоем мы оказались более полноценным человеком, чем пилот, — твои ноги и мои руки. Теперь пришло время доказать, что и по одиночке мы не уступим Кэмерону и его ронам.

— Мы не стремимся что-нибудь доказать, — возразил Доччи.

Яркий свет прорезал темноту и метнулся по ракетному куполу.

— Может, и стремимся, — ответил Джордан. Опираясь руками о грунт и подтягивая тело, он несколько раз переместился, словно разминаясь. — Я, во всяком случае, стремлюсь.

— Что ты собираешься делать?

— Собираюсь вверх. Поскольку ног нет, туда мне и дорога.

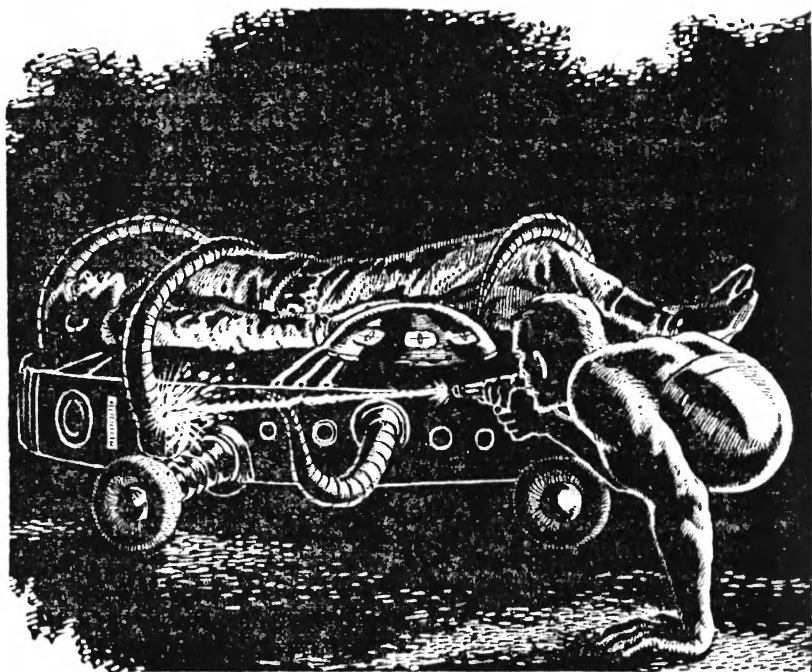
Сильными руками он ухватился за перекладину металлической конструкции и, пользуясь слабой гравитацией, начал быстро подниматься.

— Осторожно, — предупредил Доччи.

— Не время осторожничать, — донесся голос откуда-то сверху ажурной конструкции. Темнота не была больше непроглядной, огни приближались. Доччи решил, что Джордан сможет видеть, чем он будет заниматься.

То, что их обнаружили так скоро, стало неожиданно-стью. Но события пока развивались по задуманному плану. Дочки широко зашагал прочь от низкорослых ремонтных роботов, которые, казалось, сновали повсюду. Если Джордан не сдастся, то и он, Дочки, должен попробовать. Роны приближались, но их еще разделяло немалое расстояние.

* * *

Когда Доччи добрался до ракеты, времени оглядеться у него оставалось мало, но пока его хватало. Пассажирские и грузовые шлюзы корабля оказались закрыты. Нона либо не поняла все их инструкции, либо не сумела их выполнить. Вероятнее всего, первое. Она вывела из строя осветительную и сканирующую системы безо всяких инструментов, используя только свои руки. Только руки и свое сверхъестественное знание внутренних механизмов машин. Было бы наивно рассчитывать, что она подготовила корабль к отлету и уже ждет их.

Перед ним стояла задача — проникнуть в ракету. Будь у него тостер, отобранный у пилота, Доччи, возможно, сумел бы размягчить нужные места пассажирского шлюза. Но тостер остался у Джордана. Доччи не имел рук и оружием пользоваться не мог. Поэтому Джордан его и забрал.

Оставалось только обследовать окружающие ракету механические джунгли в надежде найти устройство внешнего контроля. Должен же быть какой-то вход, по крайней мере, в воздушный шлюз. Дальше все зависело от удачи — получится или нет заставить устройство сработать.

Однако приближающиеся огни подсказали Доччи, что эта альтернатива исключена. Если бы Кэмерон по пути сюда не взялся прочесывать пространство под ракетным куполом, то уже сейчас роны взяли бы корабль в плотное кольцо. Но Кэмерон совершил эту ошибку, и может совершить еще.

По всей вероятности, Джордана пока не поймали. Если бы поймали, вокруг бы уже все звенело. Наверное, он где-то рядом. Знает ли об этом Кэмерон? Может, и не знает.

Дочки опустил в неглубокую посадочную яму. Пока их обоих не поймали, у них остается шанс. Ему следовало спрятаться, но посадочная яма совершенно не подходила для этой цели.

Он прислонился к соплу одной из кормовых дюз и постарался собраться с мыслями. Металл больно давил на тонкую плоть, покрывавшую его позвоночник. В яме с гладкой, оплавленной поверхностью он нашел только одно место для укрытия — кормовые дюзы.

Согнувшись, он заглянул в них. Маленький мальчик смог бы залезть туда и ползти, пока не скроется из вида. Или взрослый — без рук и плеч, которые застрянут в тесной трубе.

В открытом космосе внутренний конец трубы закрывался крышкой сгорания, где воспламенялось топливо. Но под куполом, где корабль не использовался иногда месяцами...

Да, шанс оставался.

Он выбрал самое нижнее сопло. Лег на оплавленный грунт и засунул голову внутрь. Дочки извивался и проталкивался, напрягая ноги, пока не втиснулся полностью. Было темно и страшно, но времени на приступ клаустрофобии не оставалось.

На мгновение он замер и прислушался. Роны шумно спускались в посадочную яму. Отсутствие каких-либо других звуков говорило о том, что ими управляют по радио.

Хоть и очень медленно, Доччи продолжал ползти. Трудно было отталкиваться от полированных стенок трубы. Потом стало даже труднее — канал сужался. Неглубоко, но достаточно, чтобы усложнить продвижение.

Он снова остановился. Снаружи доносилось характерное шипение, словно что-то поджаривали, — такой звук издает тостер, когда режет металл. Затем раздался грохот.

— Хватайте его! — закричал Кэмерон. — Он наверху!

Значит, явился Джордан и подстрелил одного из ронов. Схватить его будет нелегко. А отвлекающий маневр поможет.

— Не использовать тепловые лучи, — скомандовал Кэмерон. — Наведите на него прожекторы. Ослепите. Загоните его в угол, а потом поднимайтесь и хватайте.

Доччи ошибся: роны управлялись не по радио, а голосом. Значит, когда он проникнет на корабль, его задача упростится. Если проникнет.

Похоже, получилось. Труба перестала сужаться. Что еще важнее, воздух не казался застоявшимся. Ему повезло — крышку камеры сгорания не закрыли. Ноги соскальзывали, но это не имело значения — он понемногу двигался вперед. Сердце бухало, отдаваясь шумом в ушах, а потом голова вдруг оказалась внутри ракеты.

Доччи увидел сдвинутую крышку в нескольких футах от себя. Будь у него руки, он ухватился бы за нее и вытащил себя из трубы. Но если бы у него были руки, он никогда бы не проник на корабль таким способом. Доччи извивался до тех пор, пока почти весь не вылез из трубы; в ней оставались только ноги. С усилием оттолкнувшись, он рухнул на пол.

Полежал, пока не прояснилось в голове, потом поднялся и побрел в отсек управления. Ракета оказалась в его распоряжении, но захватил ее Дочки не только для себя.

Он в задумчивости уставился на приборную панель, которую не видел уже много лет. Разобравшись в управлении, Дочки наклонился, прижался подбородком к круговой шкале гравитационной настройки, осторожно повернул ее и установил в нужное положение. Потом уселся и ударил ногой по выключателю. Корабль качнулся и оторвался от грунта на несколько дюймов.

В царящей снаружи неразберихе Кэмерон вполне мог и не заметить этого. А если все же заметил, у него оставалось тридцать секунд, чтобы остановить Дочки. Этого времени было слишком мало.

— Посадка ракеты, — громко произнес Дочки, когда тридцать секунд истекли. — Инструкция по чрезвычайным ситуациям. Инструкция по чрезвычайным ситуациям. Держитесь на расстоянии. — Строго говоря, в этом объявлении не было необходимости, потому что частота, которую он использовал для связи, предоставляла ему полный контроль над роботами.

— Все активированные роны привлекаются для помощи. Данное распоряжение отменяет все предыдущие приказы. Необходимо дополнительное снаряжение. — Перечислив все нужное, он откинулся назад и усмехнулся, включил коленом внешнее освещение, поднялся и пошел к пассажирскому шлюзу. Шлюз открылся, и Дочки выглянул наружу. Участок под ракетным куполом, примыкавший к кораблю, заливал свет прожекторов.

— Все нормально, Джордан, теперь можешь спускаться.

Свесившись с металлической балки, наверху показался Джордан. Раскачиваясь и переставляя руки, он двинулся по ней до колонны, по которой спустился вниз. Выбрасывая вперед руки и перенося тело с капсулой, двигаясь неуклюже, но проворно, Джордан достиг аппарели и посмотрел на Доччи.

— Ну что, чудовище, как ты это сделал?

— Сам ты чудовище, — парировал Доччи. — Сделал что?

— Я видел, как ты залез в сопло ракеты. Но что ты сделал, когда забрался внутрь?

— Кэмерон — врач, и в технике не разбирается, — пояснил Доччи. — Он забыл, что экстренная посадка ракеты отменяет любые устные приказы. Поэтому я приподнял корабль на несколько дюймов. Роны не очень умны, им хватило того, что я совершаю посадку. Кэмерону следовало создать угрозу одной из гравитационных установок, например, температурный всплеск, и в случае возникновения такой искусственной чрезвычайной ситуации он смог бы управлять ронами из пункта гравитационного контроля. Тогда его приказы, а не мои, имели бы наивысший приоритет.

— Но они умчались прочь и захватили с собою Кэмерона. — Джордан выглядел озадаченным.

— Естественно. Я сообщил ронам, что возникла опасность разрушения ракеты и всех людей необходимо удалить с прилегающей территории, желают они этого или нет. Тебя на территории не было, поэтому ты не подпадал под приказ. А Кэмерон находился на площад-

ке, поэтому его утащили.

— Итак, она наша! — выдохнул Джордан. — А как насчет Анти и Ноны?

— Об Анти позаботятся. Согласно указаниям, полученным от меня ронами, ее доставят вместе со снаряжением, которое я запросил в связи с экстренной посадкой. Они ее принесут. Нона должна ждать вместе с Анти. — Дочки нахмурился. — Если ее там нет, мы ничего не сможем поделать. Тебе тем временем лучше заняться подготовкой корабля к старту.

Раскачиваясь на руках, Джордан полез внутрь ракеты.

Дочки остался ждать у пассажирского шлюза. Через несколько секунд он сначала услышал, а затем и увидел ронов. Они появились в поле зрения с огромной прямоугольной емкостью, похожей на бак, и то ли тащили, то ли несли ее. Оказалось, что с неожиданной для ронов находчивостью, они взгромоздили посудину на спины четырех своих братьев, которые были поменьше и предназначались для переноски особо тяжелых грузов.

Емкость заполняла синеватая жидкость. С боков свисали перекрученные шланги; роботы выдрали бассейн из грунта астероида, подняли и унесли. На верхней крышке еще оставались прилипшие сломанные растения, на боках — комья влажной почвы. Пять ронов поддерживали и подталкивали бак, спеша к кораблю и не обращая внимания на растрепанного орущего человека, который насккивал на них с кулаками.

— Джордан, открывай грузовой шлюз.

Корабль в ответ приподнялся на несколько дюймов и завис, подрагивая. Участок обшивки вывалился наружу

и вниз, формируя погрузочную аппарель. Ракета приготавливалась принимать груз на борт.

Дочки оставался на своем посту. Этому дураку Кэмерону следовало оставаться в главном куполе, куда его доставили роны. Его присутствие вело к нежелательным осложнениям. И все же, когда настанет срок, от него можно довольно легко отделаться.

Вот Нона действительно беспокоила его. Ее нигде не было видно. Он в нерешительности шагнул по трапу вперед, потом вернулся на место, покачал головой. Отправляться на ее поиски, как бы ему ни хотелось, было уже невозможно.

Емкость с кислотой достигла корабля. Несколько футов ее корпуса уже лежали на аппарели. Роны остановились; они упустили инерцию движения тяжелого груза. Казалось, роботы растерялись.

Бак начал соскальзывать назад. Роны зажужжали, зашумелись и принялись посматривать по сторонам, в основном на Дочки. Выжидать он больше не мог и бросился внутрь корабля.

— Закрыть пассажирский шлюз! — крикнул он.

Джордан поднял голову от панели приборов и вопросительно посмотрел на Дочки.

— Это Фогель, инженер, — пояснил Дочки. — Должно быть, засек ронов, когда они появились в главном куполе. Пытается сделать то, до чего не додумался Кэмерон.

За его спиной с тяжеловесным ударом захлопнулся пассажирский шлюз.

— Что теперь? — обеспокоенно спросил Джордан.

— Во-первых, давай посмотрим, что можно увидеть по телекому, — сказал Доччи.

Угол для обзора был неподходящий — мешал корабль, но они сумели найти на экране изображение одного угла емкости. Похоже, бак остался там же, где его видел в последний раз Доччи, хотя судить было трудно из-за закругления огромного корпуса ракеты.

— Может, нам лучше отсюда убраться? — нервно спросил Джордан.

— Без бака? Ни в коем случае. Фогель еще не полностью контролирует их. — Это походило на правду. Роны, словно парализованные, почти не двигались.

— Что мне делать? — поинтересовался Джордан.

— Дай полную мощность по радиосвязи, — ответил Доччи. — Если потребуется, пусть радиоприборы сгорят. Надеюсь, инженер находится под невыгодным углом к роботам, чтобы транслировать им сигнал повышенной мощности. Кроме того, расположенные между ним и ронами металлические конструкции поглощают большую часть его сигнала.

Доччи подождал, пока Джордан выполнит его указания, и скомандовал:

— Емкость должна быть доставлена внутрь корабля!

Роны не умели анализировать противоречивые приказы примерно равной важности. При слабой способности к мышлению они имели достаточно сложное механическое устройство и в этом отношении напоминали людей — решения в пограничных ситуациях им давались трудно.

— Добавь мощности, — прошипел Доччи.

Обливавшийся потом Джордан повиновался.

Марионетки. Каждая ниточка отвечает за определенное действие. Какая-то из них, по сути своей, не менее важная, чем остальные, вдруг ослабевает, и подергивание за нее приводит к неожиданным результатам. В электронных мозгах выгорают схемы. Начинают барахлить микро-реле, не выдерживая стресса.

Выбор...

Роны неуклюже задвигались и взялись за бак. В данном случае, приняв решение, они действовали скованно, но неуклонно. Дюйм за дюймом емкость вползала на аппаратель.

— Когда окажется на аппарели полностью, поднимай ее, — едва слышно прошептал Доччи Джордану.

Один из ронов потерял равновесие, упал на грунт и остался лежать неподвижно. Оставшиеся четверо уже почти втащили бак на аппаратель.

— Давай, — произнес Доччи.

Грузовой трап начал подниматься. Огромная емкость с жидкостью, набирая скорость, вкатилась внутрь корабля.

— Роны, спасайтесь! — закричал Доччи.

Роботы принялись спрыгивать с аппарели.

Джордан перевел дух.

— Думаю, теперь они нас не остановят.

Доччи кивнул.

— Дай мне связь «корабль-астероид», если радио еще работает.

— Работает, — ответил Джордан и покрутил ручку настройки.

— Фогель, мы улетаем. Обеспечь нам беспрепятственный взлет, чтобы не причинить вред куполу.

Ответа не последовало.

— Пытается блефовать, — сказал Джордан. — Ему известно, что воздушные шлюзы главного купола закроются автоматически, если мы попробуем прорваться.

— Конечно, — согласился Доччи. — Все, кто находится в главном куполе, будут в безопасности. Если там все. Фогель, мы даем вам время подумать над этим.

Джордан согласился подождать, хотя ему не терпелось взлететь. А пока он включил телеком и обследовал ракетный купол. Никакого движения, ронов нигде не видно. Доччи тоже с интересом смотрел на экран. Догадаться по лицу, о чем он думает, было невозможно.

Фогель не отвечал.

— Ладно, — негромко, но твердо произнес Доччи. — Джордан, взлетай. Пробей покрытие носом ракеты.

Грозно вибрируя, корабль прорвался через внешние покровы грандиозного купола. Самый страшный звук остался неслышим — шипение воздуха, вырывающегося из огромной дыры в открытый космос.

Джордан сидел у приборной панели, сжимая рукоятки управления.

— Затрудняюсь сказать наверняка, потому что для меня все произошло слишком быстро, — заговорил он не спеша, — но, может быть, Фогель убрал с нашего пути внутреннюю оболочку купола. В этом случае все будет в порядке, потому что она немедленно закроется. Предполагается, что внешнее покрытие самовосстанавливается, но я сомневаюсь, что оно справится с таким большим изъяном.

Он взял штурвал на себя, и корабль рванулся вперед.

— За Кэмерона я не волнуюсь. У него было достаточно времени, чтобы убраться, если пожелает. Но я не перестаю думать, что и Нона могла оказаться там.

Дочки прятал глаза. В его лице совсем не осталось света. Он молча вышел.

Джордан подвигался по отсеку вперед-назад. Полусфера, на которой покоилось то, что осталось от его тела, очень хорошо подходила для перемещения на руках. Он включил автопилот и ограничил гравитацию одной четвертью от нормальной земной. Крепко ухватившись за металлическую направляющую, предназначенную для перемещения в условиях невесомости, он проворно согнул крепкие руки в локтях и поднял тело с капсулой в воздух. Надо бы пойти вместе с Дочки. Но не сейчас. Ему плохо, пусть побудет один.

И тут Джордан заметил на двери одной из кают отблеск света. Прежде всего следовало выяснить, что это значит.

* * *

Джордан догнал Дочки еще до того, как тот достиг грузового отсека. В условиях пониженной гравитации Джордан чувствовал себя, как дома.

Обернувшись, Дочки подождал его. Джордан все еще таскал при себе оружие, отобранное у пилота. Он закрепил его на мешковатом одеянии, которое свисало с могучих плеч, прикрывая среднюю часть тела, то есть грудь, Джордана. Он неся по коридору, легко перебирая руками по направляющей, хотя сила тяжести на корабле менялась также внезапно, как и на астероиде.

Дочки почувствовал зависть. Он не мог передвигаться так легко.

Остановившись возле приятеля, Джордан повис на одной руке.

— У нас пассажир.

— Какой? — Дочки напрягся.

— Могу ее описать, — сказал Джордан. — Только зачем, если имени вполне достаточно?

— Нона! — воскликнул Дочки. От неожиданности он обессилено привалился к стене. — Как она попала на корабль?

— Хороший вопрос, — заметил Джордан. — Напомни мне спросить у нее, когда она сможет ответить. Поскольку ответа я не знаю, придется использовать воображение. Предполагаю, что, выведя из строя освещение и систему сканирования в ракетном куполе, она пошла к ракете и три раза постучала в пассажирский шлюз в нужном месте, или сделала еще что-нибудь невероятное. Так или иначе, но шлюз открылся, чтобы впустить ее.

— Что ж, объяснение не хуже любого другого, — согласился Дочки.

— Мы можем завершить предполагаемую картину. Оказавшись внутри, она ощутила усталость. Нашла удобную каюту и легла спать. Нона спала, пока мы суетились с роботами.

— Она заслужила отдых, — сказал Дочки.

— Конечно. Но если бы она воздержалась от сна всего на несколько минут, тебе не пришлось бы забираться в корабль через трубопровод.

— Нона выполнила свою часть задания и даже пере-

выполнила, — не согласился Дочки. — Мы слишком многого ожидаем от нее. Рассчитываем, что она лично отправит нас к звездам. — Он выпрямился. — Пойдем. Нас ждет Анти.

Грузовой отсек оказался вместительным. В нем свободно поместился помятый и слегка искореженный огромный бак. Сброшенное со стеллажей оборудование валялось кучами на полу.

— Анти! — позвал Дочки.

— Я здесь.

— Тебе не сильно досталось?

— Вообще ничего не почувствовала, — последовал радостный ответ.

* * *

Джордан полез на боковую стенку емкости. Оказавшись наверху, заглянул внутрь.

— Кажется, с ней все в порядке, — сообщил он. — Часть кислоты расплескалась, и больше никакого урона.

И этого вполне достаточно, подумал Дочки. Для Анти кислота являлась вопросом жизни и смерти. Там, где кислота выплеснулась из емкости на пол, металл быстро поддавался коррозии. Стенку, о которую бак ударился во время погрузки, погнуло и частично проело насквозь. Повода для паники не возникало — система очистки корабля справлялась с кислотой. Оставался другой серьезный вопрос: что можно сделать для Анти?

— Я варила в этом бульоне годами, — пожаловалась она. — Вытащите меня отсюда.

— Как?

— Если бы вы не были такими же тупыми, как наши врачи, то поняли бы, как. Конечно же, уберите гравитацию. У меня больше мускулов, чем вы думаете. Я смогу ходить, и мои кости не поломаются от веса.

Отсутствие гравитации не подходило для Дочки — в невесомости без рук он стал бы совершенно беспомощным. Его ужасала перспектива свободного плавания без всякой возможности ухватиться за что-либо.

— Постараемся побыстрее это устроить, — пообещал он, подавляя свои страхи. — Сначала нам надо слить кислоты и обеспечить ее хранение.

Джордан уже догадался, что следует делать. Спустившись с бака, он выпускал воду из вспомогательного резервуара в открытый космос. Опустошив резервуар, подсоединил шланг от него к баку.

Заработали насосы, и уровень кислоты в емкости с Анти начал быстро понижаться.

Дочки ощутил, что корабль внезапно накренился.

— Быстрее! — крикнул он Джордану

Зашалила гравитационная установка. Вероятно, она собиралась отключиться. Если такое произойдет, то свободно плавающий в невесомости шар кислоты окажется на корабль и его экипаж такое же разрушительное воздействие, как и метеоритный рой, несущийся на неимоверной скорости.

Джордан повернул рукоять насоса до предела и держал в таком положении.

— Готово, — наконец сказал он, отсоединил шланг, и тот исчез в стене. Джордан успел вовремя; гравитационная установка перестала работать минуту спустя.

Как только наступила невесомость, Анти поднялась из своего бака.

За все время, пока Дочки ее знал, он не видел ничего, кроме лица в обрамлении кислоты. Периодические хирургические вмешательства, необходимые время от времени, совсем лишили это лицо плоти. Все остальное тело существовало погруженным в едкую жидкость, которая разрушала неуправляемо разрастающиеся ткани с той же скоростью, с какой они возникали. Или почти с той же.

Дочки отвел взгляд.

— Ну, старьевщик, взгляни на настоящее чудовище, — бросила Анти.

* * *

Человеческое существо не должно вырастать до таких размеров. Дочки не то чтобы испытывал отвращение, он просто не мог поверить своим глазам. Юпитер, этот разбухший гигант среди планет, не вызывал отталкивающих ощущений, он ошеломлял, и точно также ошеломляла Анти.

— Как ты будешь жить без кислоты? — пролепетал Дочки.

— До чего же некоторые люди ненаблюдательны, — высокомерно произнесла Анти. — Я обдумывала наше небольшое путешествие и приготовилась к нему. Если посмотришь внимательно, то увидишь, что на мне специальный хирургический балахон. Это единственный наряд в Солнечной системе, который мне подходит. Он изготовлен из материала, подобного губке, и удержива-

ет достаточно кислоты, которой мне хватит примерно на тридцать шесть часов.

Она ухватила за направляющую и стала перемещаться в коридор. Вообще, проход был достаточно просторным, но она в нем еле уместилась.

За ней последовали ее спутники — один светящийся, второй — свисающий с направляющей и раскачивающийся по эксцентрической орбите.

* * *

Когда они вернулись в отсек управления, Нона уже стояла перед приборной панелью. Ее не интересовал весь впечатляющий ряд круговых шкал, светящихся диодов и выключателей. Все внимание Нона сосредоточила на небольшой шкале, расположенной особняком от других приборов. Казалось, она озабочена тем, что видит, или тем, чего не может увидеть. Да и трудно было сказать, обеспокоена она или взволнована.

Анти остановилась.

— Вы только посмотрите. Если бы я не знала, что она такой же урод, как и все мы — хотя такой и родилась, — то возненавидела бы ее, настолько возмутительно нормальной она выглядит.

Нормальной? И да, и нет. Хирургические техники, способные разять тело на части, а затем сложить его заново, словно речь идет не о живом существе, а о механизме, давно сделали внешнюю красоту обыденным явлением. Не встречались больше дряблые мускулы и морщины, даже пожилые люди оставались привлекательны и моложавы до конца своих дней. Никаких

деформированных конечностей, никаких искривленных тел. Все красивы или, по меньшей мере, симпатичны. Без исключения.

Кроме тех, конечно, о ком не принято вспоминать.

Само собой, отверженные не входили в состав красивого человечества. Но в другие эпохи их вообще поместили бы в банки с формальдегидом или выставили в кунсткамерах.

Нона не подпадала под эту категорию; она не являлась образцом восстановительной хирургии. Но стоило

посмотреть на нее пристальней — почему бы и нет? — как становилось понятно, что, несмотря на естественную внешность, она так же далека от критериев нормальности, как и Анти, но по-своему.

— Почему она уставилась на эту маленькую шкалу? — спросила Анти, когда остальные протиснулись мимо нее в отсек управления. — С ней что-нибудь не так? — Анти пожала плечами. — Меня бы больше привлекли циферблаты. Те, что с разноцветными лампочками.

— Это же Нона, — улыбнулся Доччи. — Уверен, нико-

гда прежде она не попадала в отсеки управления, и все же сразу пошла напрямик к самому любопытному из приборов. Она смотрит на индикатор гравитации. Прямо за ним расположена гравитационная установка.

— Откуда ты знаешь? Прибор сам тебе сказал?

— Нет. Надо учиться, чтобы разбираться в таких вещах, или просто быть Ноной.

Анти пропустила намек мимо ушей.

— Чего ты ждешь? Сам знаешь, она нас не слышит. Иди, стань перед ней.

— И как я туда попаду? — Дочки плавал в нескольких дюймах от пола, потому что Джордан больше не держал его.

— Хороший инженер сообразил бы, что надо надеть магнитные тапки. Нона надела. — Анти взялась за его жилет. Непонятно было, как она умудрялась двигаться. Казалось, такое обилие плоти исключает любую возможность самостоятельного перемещения. Тем не менее, она выплыла на середину отсека, увлекая за собой Дочки.

Нона обернулась еще до того, как они приблизились.

— Бедный мальчик, — вздохнула Анти. — У тебя очень плохо получается, если сейчас ты пытаешься спрятать свои эмоции. В любом случае, прекрати сиять, как радуга, и скажи что-нибудь.

— Привет, — выдавил Дочки.

Нона улыбнулась ему, но направилась к Анти.

— Нет, не так близко, дитя. Не трогай этот балахон, если не хочешь, чтобы кожа с твоего милого личика слезла, как оберточная пленка.

Нона остановилась, но продолжала молчать.

Анти безнадежно покачала головой.

— Хотела бы я, чтобы ты научилась читать по губам или, по крайней мере, понимать написанные слова. Так трудно с тобой общаться!

— Думаю, она понимает выражение лица и мимику, — сказал Доччи. — Нона хорошо разбирается в эмоциях. Слова ей совершенно чужды.

— Другие идеи есть? — с сомнением спросила Анти.

— Возможно, математические взаимосвязи, — ответил Доччи. — Хотя вряд ли. Они ее тестировали по данному вопросу. — Он помрачнел. — Не знаю, какими категориями она мыслит. Но хотел бы знать.

— Отбрось свои домыслы и сосредоточься на текущем моменте, — посоветовала Анти. — Объект твоих воздыханий поглощен чем-то другим.

Она была права. Нона вернулась к приборной панели и снова уставилась на индикатор силы тяжести. Оставалось только гадать, что привлекло ее внимание.

В каком-то смысле она казалась беззащитной, как ребенок. Неизбежно возникал вопрос: чей ребенок? Не в прямом смысле, конечно. Ее родители, заурядные техники-механики, являлись продолжателями длинного ряда поколений техников и механиков. Доччи давно задавал себе вопрос: какому миру она принадлежит и как с ним связана? И не находил ответа.

Сделав над собой усилие, он вернулся к действительности.

— Мы обратились к Медсовету. Попросили корабль, чтобы долететь до ближайшей звезды. Естественно, нам требовалась ракета. Даже если бы нам предоставили наилучшую разработку из имеющихся, полет занял

бы длительное время — лет сорок-пятьдесят туда и столько же обратно. Для нормального человека это слишком много, но для биокомпенсатора не имеет значения.

— Почему именно ракета? — перебил его Джордан. — Почему не какой-нибудь корабль на гравитационной тяге?

— Мысль привлекательная, — согласился Доччи. — Теоретически, скорость корабля на гравитационной тяге ограничена только скоростью света, и даже этот постулат не бесспорен. В этом случае влияние временного фактора на полет может быть сведено до минимума. Но опыт последних двадцати лет полетов подтвердил, что гравитационные двигатели за пределами Солнечной системы вообще перестают работать. Даже когда корабль оказывается за орбитой Юпитера, они уже работают очень слабо.

— Я думал, гравитационный двигатель на корабле — почти то же самое, что гравитационная установка на астероиде, — сказал Джордан. — Почему это он не будет работать?

— Я не знаю, почему, — нетерпеливо бросил Доччи. — Если бы знал, не сидел бы на «Небесах инвалидов». С руками или без них, но, даже будучи биокомпенсатором, я стал бы самым авторитетным ученым Земли.

— И множество хороших женщин соревновались бы за твоё внимание, — добавила Анти.

— Думаю, ему хватило бы одной. Определенно хватило бы, — вставил Джордан.

— Бедный, впечатлительный мальчик. — начала Анти. — Когда я была молода...

— Мы уже слышали о годах твоей молодости, — перебил ее Джордан.

— И молодость, и любовь равно далеки от вас обоих. Если хотите, поговорим о них в приватной обстановке, только не сейчас, — Доччи рассердился так, что начал светиться. — В любом случае гравитационный двигатель отпадает, — подвел он итог. — Когда-то он внушал большие надежды, но то время прошло. Он не сможет обеспечить движение нашего корабля. В действительности его единственная функция — создание искусственной силы тяжести на корабле для удобства пассажиров. Значит, ракета. Ее мы и просили. Медсовет отказал. Поэтому мы обратимся к властям высшей инстанции.

— Прекрасно, — сказала Анти. — Каким образом?

— Мы это обсуждали, — ответил Доччи. — В конечном счете, Медсовет ответственен перед Солнечным правительством. А оно, в свою очередь...

— Ладно, я «за», — перебила Анти. — Просто хотела услышать.

— Марс ближе, — продолжил Доччи. — Но правительство находится на Земле. Как только мы туда доберемся... — Он вдруг замолчал и прислушался.

Анти тоже насторожилась и молчала, пока ей стало невтерпех.

— Что случилось? — спросила она. — Я ничего не слышу.

Джордан со своего сидения наклонился вперед, обзревая приборную панель.

— В том-то и беда, Анти. Ты и не должна ничего слышать. Но тебе следовало бы ощущать вибрацию от активной тяги корабля, пока она есть.

— Но я и не чувствую ничего.

— Вот именно, — сказал Джордан и посмотрел на Дочки. — У нас была уйма топлива.

* * *

Конечно, когда двигатели остановились, ракета не прекратила движения. Она продолжала лететь, хотя не очень быстро и не в том направлении, которое им требовалось. Дочки осторожно вставил ноги в магнитные тапки; он больше не чувствовал себя беспомощным в невесомости, однако двигался неловко. Он пристально рассматривал приборную панель, словно хотел проникнуть взглядом в секреты, хранимые электронным устройством, — все напрасно.

— Это какая-то механическая неисправность, — с беспокойством сказал он. — Есть только один способ узнать.

Прежде чем он двинулся с места, Анти оказалась в коридоре, ведущем из отсека управления.

— Оставайся здесь, Анти, — сказал Дочки. — Я посмотрю, что случилось.

Она занимала почти весь проход от пола до потолка, оставляя считанные дюймы свободного пространства по сторонам своего тела. Перемещаться она могла довольно легко, а вот поворачиваться — нет. Анти поворачиваться не стала.

— Послушай, милый, — донесся ее голос. — Вы доставили меня на корабль и взяли в полет. Но мне этого мало. Я хочу отработать стоимость проезда. Это ты оставайся и управляй кораблем, потому что ты умеешь, а я — нет. Я сама узнаю, что произошло.

— Но ты не поймешь, что делать, Анти, — возразил Доччи. Ответа не последовало. — Ладно, — уступил он. — Мы оба пойдем. Джордан, оставайся в отсеке управления.

Анти двигалась первой, потому что Доччи не мог обогнать ее. Он медленно, но упорно шаркал сзади. С магнитными тапками существовала одна хитрость, о которой он почти забыл. Но постепенно вспоминал: надо не шагать, а скользить, не отрывая ног от пола.

Коридор был под стать выдавшему виды кораблю — грязный и с тусклым освещением. Определенно, «Небеса для инвалидов» не заслуживали лучшего из имеющегося оборудования. С одной стороны тянулся корпус ракеты, с другой — перегородка, за которой размещались маленькие каюты. Никто их не занимал. Анти остановилась. Проход заканчивался выходом в следующий коридор, ведущий в другой конец корабля.

— Надо проверить кормовые дюзы, — сказал Доччи, который не мог ничего видеть из-за Анти. — Открой кормовой отсек, посмотрим.

— Не могу, — отвечала Анти. — Здесь есть ручки, но дверь не открывается. И красная лампочка горит. Это что-нибудь значит?

У Доччи екнуло сердце.

— Да. Не пытайся открыть. С твоей силой и на нашу беду это может получиться.

— Что ты за человек, — серьезно сказала Анти. — Сначала говоришь открыть, а потом хочешь, чтобы я не открывала.

— Там вакуум. Крышка зажигания сдвинута. Это единственное, из-за чего мог загореться предупредительный сигнал. Ты умрешь через несколько секунд, если каким-то образом сумеешь взломать замок ракетного отсека.

— Чего же мы ждем? Давай займемся и поставим крышку на место.

— Как же, поставим. Понимаешь, Анти, такое не могло случиться само по себе. Кто-то или что-то сделало это.

— Кто?

— Ты кого-нибудь видела, когда мы грузили твой бак на корабль?

— Ничего я не видела. Слышала, как кричит Кэмерон, было много шума. Я могла видеть только то, что находилось прямо надо мной. А какое это имеет отношение к случившемуся?

— Полагаю, это связано с каким-нибудь роном. Я думал, они все попрыгали вниз. Возможно, один остался.

— Причем здесь рон? — озадаченно спросила Анти.

— Прежде всего, у человека не хватит сил, чтобы сдвинуть крышку зажигания. Но даже если он приложит сверхчеловеческие усилия, то, как только крышка сдвинется и откроются трубы, ракетный двигатель перестанет работать. Воздух из отсека устремится в космос, и всякий, кто окажется внутри, погибнет.

— Значит, внутри у насдохлый рон.

— Роны не умирают. Они даже не деактивируются;

им не нужен воздух. — Дочки старался осмыслить ситуацию. — И не только это: рон мог убраться из отсека. Замок закрылся, как только давление упало. А рон...

Анти сварливо перебила его:

— Значит, у нас потерявшийся рон, нацеленный на саботаж?

— Боюсь, что так, — мрачно подтвердил Дочки.

— Зачем тогда мы здесь стоим? Надо вернуться в отсек управления и найти этого робота по радиосвязи. То, что он натворил, можно исправить. — Она отчасти повернулась назад и посмотрела в лицо Дочки. — Не отвечай. Я могла сама догадаться. Внутри корабля сигнал не работает.

Дочки кивнул.

— Не работает. На борту никогда не используют роботов, поэтому управление настроено на носовую антенну, а сам корабль, конечно, изолирован.

— Что же, — весело сказала Анти, — значит, нас ожидает охота на робота.

— Правильно. Только охотиться придется с голыми руками.

— О, давай пойдем! Это не самое страшное. Послушай, рон вернулся сюда, когда двигатели остановились. Мог он пробраться мимо отсека управления так, чтобы мы не заметили?

— Не мог. Из отсека ведут два коридора, каждый в одну из сторон корабля.

— Вот о чем я подумала. Мы прошли по одному коридору, и рона там не встретили. Значит, он находится в другом. Если бы он зашел в одну из кают, то снаружи загорелся бы свет. Он никак не мог от нас спрятаться.

— Конечно, мы его найдем. А что мы с ним станем делать, когда найдем?

— Я об этом подумала, — сказала Анти. — Можешь ты протиснуться мимо меня, когда я вот так стою?

— Не могу.

— И рон не сможет. Все, что мне нужно, — это тостер, или что-нибудь похожее на него, тогда я смогу вытеснить робота в отсек управления, где его перехватит Джордан. — Она решительно двинулась в сторону коридора, ведущего в противоположный конец ракеты. — Быстрее возвращайся к Джордану и расскажи ему, что мы задумали. На корабле должен быть еще один тостер. Вероятно, где-то в отсеке управления. Принеси его мне.

Дочки закусил губу и уставился в спину гигантской женщины.

— Ладно. Но оставайся на месте. Ничего не предпринимай, пока я не вернусь.

Анти рассмеялась.

— Я высоко ценю свое большое жирное тело, — сообщила она. Анти ценила кое-что еще, но больше ничего не сказала.

Дочки двигался настолько быстро, насколько позволяли магнитные тапки, поэтому получалось не сильно быстро. Стратегию они выработали простую, но это не значило, что она правильная, — один тостер у Джордана, другой у Анти — при условии, что его удастся найти.

Анти блокирует коридор. Рон может пройти сквозь нее, но ни за что не сумеет протиснуться мимо. Ему придется разбежаться. Если он направится на Анти, она сумеет сжечь его. Но ей предстоит стрелять прямо в сторону кормового отсека. Если Анти хоть немного

промажет...

Ситуация оказывалась непростой.

Ничего хорошего не выйдет и в том случае, если у Джордана появится шанс подстрелить робота. Анти окажется на линии огня. Нет, это тоже не подходит. Надо придумать что-то другое.

— Джордан, — позвал Дочки, заходя в отсек управления. Джордан куда-то вышел. В отсеке находилась только Нона, все так же невозмутимо смотревшая на индикатор гравитации.

Свет из коридора падал на дальнюю стену отсека. Дочки поспешил туда. Джордана он увидел недалеко от входа; тот одной рукой крепко сжимал тостер, а с помощью другой перемещал свое усеченное тело по коридору в направлении кормового отсека.

На другом конце коридора заняла позицию Анти — безоружная, невероятно толстая Анти. Она почти не двигалась, скорее, колыхалась, словно разбухшее мягкотелое морское чудовище, медленно плывущее в пространстве. Потом, оттолкнувшись ластами от стенок коридора и устремившись вперед, чудовище зловеще завопило:

— Расплавь его!

Дочки не сразу рассмотрел рона, очертания которого отдаленно напоминали человеческие. Мощное металлическое тело терялось на фоне интерьеров корабля, словно робот маскировался, хотя сам об этом и не знал. Он скорчился у порога одной из кают; оказавшись меж двух огней, рон явно находился в затруднении.

Джордан поднял оружие и тут же опустил его.

— Уйди с дороги, — крикнул он Анти.

Уходить ей было некуда. Спрятаться в каюте не позволяли размеры, настолько впечатляющие, что рон не мог протиснуться мимо нее, даже если бы она захотела.

— Не обращай внимания. Уничтожь его, — скомандовала Анти.

Даже по сравнению с другими роботами рон не отличался большим умом. Ему это и не требовалось. Жар означает смерть; человеческое тело — хрупкая вещь. Это он знал. Рон бросился в сторону Анти. В отличие от человека, ему не требовались магнитные тапки. На своих намагниченных металлических ногах он мог двигаться быстро, что и сделал.

Доччи хотел бы закрыть глаза, но не мог. Приходилось смотреть. Рон врезался в Анти. И отлетел назад. Относительная масса у женщины-монстра оказалась больше.

Электронные мозги следовали первоначальным инструкциям, какими бы они ни были. Робот поднялся на ноги и снова кинулся на Анти. С поразительной скоростью он выбросил металлические руки вперед и ударил ими о распухшую плоть противника. Доччи слышал глухой удар. Ни один нормальный человек не пережил бы подобной атаки.

Анти не являлась нормальной; даже биокompенсаторам она казалась очень странной, и жила в глубине своей разбухшей плоти, как в доспехах. Возможно, она даже не почувствовала сокрушительной силы удара. Удивительно, но она схватила робота и прижала к себе. И рон сразу потерял то преимущество, которое давали ему руки-рычаги. Они больше не могли двигаться с той же

скоростью и смертоносной силой.

— Гравитацию! — закричала Анти. — Всю, какую сможете! — И навалилась на сопротивляющуюся машину.

Гравитация. С этим он справится. Дочки повернулся, но не успел сделать и двух шагов, как его ударила гравитационная волна. Тяжесть накатывалась, как морские валы, в последовательности которых он не мог разобраться. От первой волны Дочки пошатнулся; после второй подогнулись колени, и он осел на пол. Потом по барабанным перепонкам резанула боль. Казалось, ему передалась дрожь самого корабля. Дочки смутно осознал, что искусственное поле тяжести такой мощности создать невозможно, но эта мысль никоим образом не помогала двигаться.

А потом оно исчезло — также внезапно, как и появилось. Он почувствовал боль, когда легкие получили возможность расправиться. Все тело стонало. Дочки поднялся на ноги и, шатаясь, прошел мимо Джордана.

Вопреки ожиданиям, никакой груды изувеченной плоти он не обнаружил. Анти уже колыхалась на прежнем месте.

— Уф! — выдохнула она и с удовлетворением посмотрела на искореженный металлический остов возле своих ног. Электронный мозг размозжен, корпус сплюснен.

— Ты не пострадала? — тихо спросил перепуганный Дочки.

Она помахала конечностями своего тела.

— Ничуть. Ничего, похоже, сломалось, — изрекла она. Потом отодвинулась, чтобы лучше рассмотреть то, что осталось от робота. — Я бы назвала это разбрасыванием

собственного веса. В нужный момент, конечно. Весь секрет в том, чтобы правильно выбрать время. И должна сказать, что ты включил поле тяжести как раз в нужный момент. — Радостный смех Анти прокатился по всему кораблю.

— Это не я, — возразил Доччи.

— Джордан? Нет, он только поднимается. Тогда кто?

— Нона, — ответил Доччи. — Остается только она. Нона увидела, что нужно сделать, и сделала. Но как она получила такой уровень гравитации...

— Спроси у нее, — с ласковой иронией посоветовала Анти.

Доччи поморщился и похромал назад, в отсек управления; за ним последовали Джордан и Анти. Нона с довольным, как у ребенка, лицом стояла возле гравитационного прибора.

— Гравитацию можно включать и выключать, — озадаченно проговорил Доччи, стараясь найти на лице у Ноны хоть какую-то подсказку. — И регулировать в рамках ограниченного лимита. Но ты каким-то образом удвоила и утроила нормальный уровень. Каким?

Нона вопросительно улыбнулась

— Инженеры тоже захотели бы узнать, — заметил Джордан.

— Всем хотелось бы, — раздраженно бросил Доччи, — кроме меня. Может, я чересчур прагматичен, но хочу знать, когда мы запустим ракетные двигатели и ляжем на курс?

— Все не так просто, — вздохнул Джордан. — Сдвинутая во время полета крышка зажигания обычно означает по крайней мере одну выгоревшую трубу. — Он при-

двинулся к приборной панели и мрачно взглянул на нее. — Три.

— Это серьезно, — кивнул Дочки. — Но я не перестаю думать о роботе.

— Интересная тема, без сомнения. А что насчет него? — нетерпеливо спросила Анти.

— Откуда он получил инструкции? Радиосвязи нет, корпус корабля изолирован от любого излучения. В последнем мы уверены, это под нашим контролем.

— Ну, хорошо, и все-таки, откуда?

— Голос, — ответил Дочки. — Если говорить точнее, голос Кэмерона.

— Но он остался в ракетном куполе, — возразил Джордан.

— Вернись мысленно к тому моменту, когда мы грузили емкость с Анти. Нам приходилось наблюдать через телеком, а угол обзора был плохой. Большую часть грузового шлюза мы не видели. Анти видела только то, что находилось сверху. Кэмерон с роном проникли внутрь, а мы и не заметили.

Джордан взял оружие наизготовку.

— Похоже, нам предстоит еще одна охота. На этот раз — нормальный упитанный врач.

— Держи наготове, — велел Дочки, поглядывая на тостер. — Но используй осторожно. Всего одно убийство — и можно забыть о наших планах. Думаю, он готов сдаться. Корабль временно неуправляем; он решит, что причинил достаточно вреда.

* * *

Джордан обнаружил доктора в носовом отсеке корабля. Кэмерон не стал спорить с вооруженным оппонентом. Через несколько минут он уже стоял в отсеке управления.

— Теперь, когда вы меня нашли, что собираетесь со мной делать? — спросил он.

Дочки повернулся к нему от панели приборов.

— Конечно, я не рассчитываю на активное сотрудничество, но хотел бы надеяться, что вы дадите слово с этого момента не мешать нам.

Кэмерон свирепо уставился на него.

— Ничего подобного я обещать не намерен.

— Можно приковать его к Анти, — предложил Джордан. — Это убережет его от необдуманных поступков.

— Чтобы водить на поводке, как пуделя? Ну уж нет, — возмутилась Анти. — У девушки должна быть возможность остаться наедине с собой.

— Не надо морщиться, Кэмерон, — заметил Дочки. — Она действительно когда-то была девушкой. И привлекательной.

— Давайте оденем его в скафандр, а руки свяжем за спиной, — предложил Джордан. — Получится что-то вроде смиренной рубашки, как в старину.

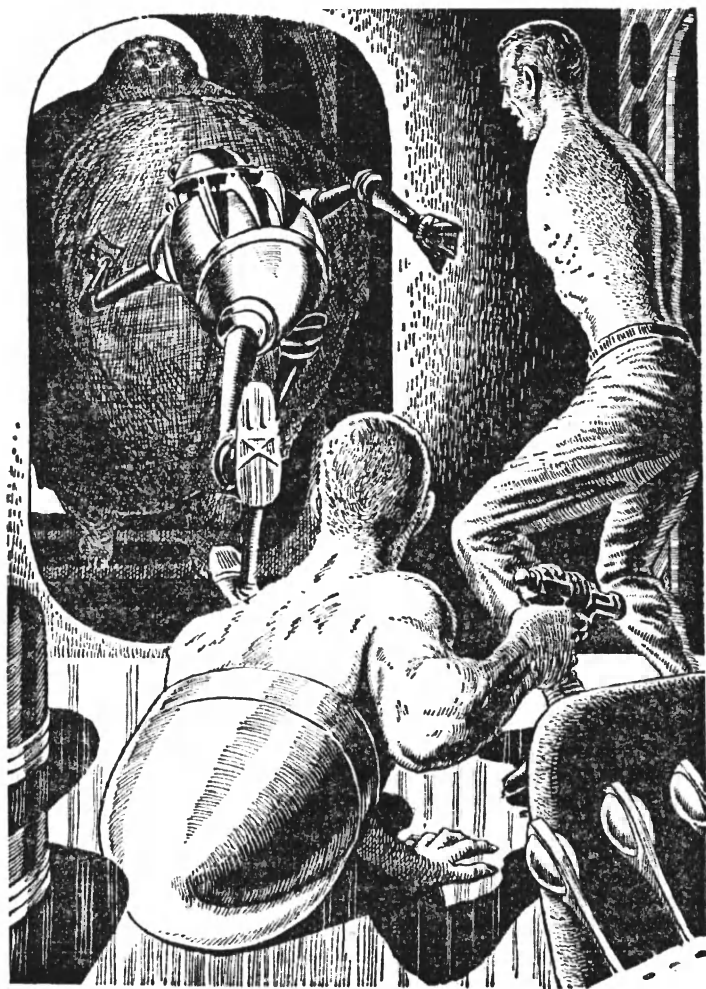
Кэмерон рассмеялся.

— Нет, это не гуманно, — отверг Дочки.

Джордан поиграл тостером.

— Этим можно паять. Закроем его в каюте, дверь запаяем. Вырежем щель для передачи пищи. Очень узкую щель.

— Отлично. Кажется, ты нашел выход. Так и сделаем, пока доктор Кэмерон не изменит свои намерения.

Кэмерон пожал плечами.

— Вас через день, а может, и раньше, поймают. Полагаю, что не скомпрометирую себя, приняв ваши условия.

— Хорошо.

— Слово доктора ни чем не хуже клятвы, — провозгласила Анти. — В том числе и гиппократовой, как бы лицемерна она ни была.

— Хватит, Анти, не надо быть такой циничной. Врачи, как и все мы, разбираются в экономике, — мрачно сказал Доччи. Он повернулся к Кэмерону. — Видите ли, когда Анти выросла слишком массивной для своего скелета, доктора решили, что ей будет удобнее всего в условиях отсутствия гравитации. Это случилось давно, еще до того, как удалось построить гравитационные установки для космических кораблей. Они определили ее на межпланетный корабль и, если требовалась посадка, перемещали на другой борт, остающийся в космическом пространстве.

Но такой способ показал себя слишком хлопотным и дорогим. Они нашли новое решение: астероид и емкость с кислотой. Не будучи по природе своей водяной тварью, Анти негодовала по поводу такой перемены. И негодует до сих пор.

— Я ничего об этом не знал, — поспешил выступить в свою защиту Кэмерон.

— Это случилось до вас. — Доччи, нахмурившись, разглядывал Кэмерона. — Скажите, почему вы рассмеялись, когда Джордан упомянул про скафандр?

Кэмерон ухмыльнулся.

— Пока вы охотились за роботом, я как раз ими и занимался.

— Занимались чем? Джордан...

Но Джордан уже выскочил из отсека. Некоторое время он отсутствовал.

— Ну? — спросил Доччи, когда коллега вернулся. Вопрос оказался излишним, мрачное лицо Джордана говорило лучше слов.

— Изорваны в клочья.

— Все?

— Каждый. Ремонту не подлежат.

— О чем беспокоиться? — вмешалась Анти. — Скафандры нам не потребуются, если только с кораблем ничего не случится, и не придется выходить в открытый космос.

— Вот именно, Анти. Как ты собираешься менять дефектные трубы? Только выйдя из корабля, конечно. Испортив скафандры, Кэмерон сделал замену труб невозможной.

Анти от удивления открыла рот и тут же сердито закрыла его и со злостью уставилась на доктора.

— Мы все еще в поясе астероидов, — сказал Кэмерон. — Само по себе это не опасно. Но если нет возможности уклониться от блуждающей, случайной глыбы, опасность возрастает многократно. Советую вам связаться с Медсоветом. Они пошлют корабль и отбуксируют нас назад.

— Нет, спасибо. Мне «Небеса для инвалидов» не нравятся, в отличие от вас. — Анти бесцеремонно отвергла подобное предложение. Она повернулась к Доччи. — Может, я задаю глупый вопрос, но что именно смер-

тельного в нахождении в космосе без скафандра?

— Холод. Отсутствие воздушного давления. Отсутствие кислорода.

— И все? Больше ничего?

Он рассмеялся преувеличенно громко.

— Разве этого недостаточно?

— Я хочу быть уверена, — ответила Анти.

Она кивнула Ноне, стоявшей рядом. Вместе они вышли и направились в помещение, где находились скафандры.

Кэмерон озабоченно нахмурился и собрался идти за ними, но Джордан помахал передним тостером.

— Ладно, — сказал доктор, останавливаясь. Он поскреб подбородок. — Что она задумала?

— Понятия не имею, — ответил Доччи. — В технике Анти не разбирается, если это вас интересует. Но у нее хорошая смекалка, да и тело когда-то было неплохим.

— И насколько неплохим?

— Мы об этом не говорим, — отрезал Доччи.

* * *

Прошло немало времени, прежде чем женщины вернулись, — если то странное существо, которое всплыло вслед за Ноной в отсек управления, являлось Анти.

Кэмерон присмотрелся и, содрогнувшись, понял, что это она.

— Вам требуется сеанс с психокомпьютером, — сказал он. — Когда вернемся, первым делом займемся этим. Как вы не можете понять...

— Спокойно, — прорычал Джордан. — Теперь, Анти, объясни, что ты с собой сделала?

— Когда речь идет о наружных покровах тела, подойдет любое давление, — ответила Анти, откидывая шлем. — Механическое давление ничем не хуже воздушного. Я заставила Нону разрезать скафандры на полосы и плотно обмотать меня. Потом нашла шлем, который подошел мне по размеру, и удалила поврежденную часть. Он не удержит высокого воздушного давления, потому что почти касается кожи. Но если подавать чистый кислород...

— Возможно, это сработает, — допустил Доччи. — Но температура?

— Ты думаешь, меня заботит холод? — спросила Анти. — Меня? В толще всей этой плоти?

— Выслушайте меня, — процедил Кэмерон сквозь зубы. — Вы уже создали серьезную угрозу моей карьере всеми этими детскими выходками. Я не позволю вам разрушить ее полностью намеренным самоубийством.

— Пошел ты со своей вонючей карьерой, — устало бросил Джордан. — Твоего разрешения нам не требуется. — Он отвернулся от доктора. — Анти, ты понимаешь весь риск? Возможно, этот наряд тебя вовсе не спасет.

— Я об этом подумала, — ответила Анти твердым голосом. — А еще подумала об астероиде.

— Ладно, — сказал Джордан. Доччи кивнул. Нона вскинула голову. Вряд ли она понимала, на что выражает согласие.

— Давайте посмотрим, что у нас с камерами наблюдения, — сказал Доччи. — Одна прямо на корме, по од-

ной с каждой стороны корпуса. Мы должны видеть, что происходит.

Джордан подошел к приборной панели и пощелкал переключателем. — Камеры выдвинуты и включены, — доложил он, наблюдая за экраном. — Теперь, Анти, двигайся к грузовому шлюзу. Надевай шлем и жди. Я медленно наполню шлюз воздухом. Давление будет меняться постепенно. Если что-то пойдет не так, дай мне знать по шлемофону, и я немедленно выдерну тебя. Когда выйдешь из корабля, получишь дальнейшие инструкции. Инструменты и запчасти в отделении, которое открывается снаружи.

Анти поковыляла прочь.

Джордан посмотрел вниз, на свое безногое тело.

— Думаю, надо быть реалистами...

— Будем, — перебил его Доччи. — Анти единственная из нас, кто может сделать дело и остаться в живых.

Джордан коснулся ручки настройки.

— Это Кэмерон виноват в случившемся. Если Анти не вернется, можешь быть уверен — я выброшу его к ней в открытый космос.

— Не грози, пожалуйста, — попросил Доччи. — Когда ты намерен ее выпустить?

— Она уже там, — ответил Джордан. Он специально отвлек внимание Доччи и принял на себя весь груз эмоционального напряжения.

Доччи быстро перевел взгляд на телеком. Анти висела в пространстве, обмотанная полосками материи от приведенных в негодность скафандров; кроме этой защиты ее покрывал такой слой плоти, какого не носил ни один человек. Шлем лихо сидел на ее голове, баллон

с кислородом удерживали на ее спине ленты материи. Пока что с ней ничего не случилось.

— Как она там? — поинтересовался Доччи, не знавший о том, что микрофон включен.

— Прекрасно, — слышался негромкий, но бодрый голос Анти. — Воздуху маловато, но это чистый кислород.

— Холодно? — спросил Доччи.

— Холод пока не проник. Во всяком случае, не хуже, чем в кислоте. Что мне делать?

Джордан передал указания. Остальные наблюдали. Требовалось достать инструменты, обследовать трубы на предмет повреждения, высвободить их из патрубков, удалить и пустить в свободное плавание в космосе. Еще труднее было установить новые, хотя работа проводилась в невесомости, а Анти притягивали к корпусу магнитные захваты.

Но для стороннего наблюдателя Анти не просто занималась сложной работой. Кэмерону, следившему за изображением на экране, пришла в голову странная мысль: в ее отдаленном прошлом, о котором он ничего не знал, Анти уже делала что-то подобное. Глупость, конечно. Хотя в движениях этого бесформенного гигантского монстра, кости которого не выдержали бы и половины земной силы тяжести, чувствовался ритм. Ритм, целенаправленность, систематичность и неопишуемая гаргантюанская грация.

Кит, разрезающий волны, грациозен; иначе и быть не может, ведь он находится в естественной среде обитания. Человеческая раса неожиданно для себя произвела одного необычного представителя, для которого меж-

планетное пространство не являлось чуждым. По крайней мере, сейчас Анти находилась в своей стихии.

— Теперь, — сказал Джордан, стараясь не выдать волнения, — возвращайся назад к отделению с инструментами. Найди рычаг. Потяни на себя. Крышка камеры зажигания встанет на место.

— Готово, — сообщила Анти через несколько минут.

— Теперь все. Можешь возвращаться.

— Все? Но я не замерзла. Холод даже не дошел до нервных окончаний.

— Возвращайся, — повторил Джордан сердито; он уже начал тревожиться.

Она медленно перевалила через обвод корпуса к грузовому шлюзу, а Джордан тем временем убрал камеры видеонаблюдения. Не успел еще шлюз заполниться шипящим воздухом, как Джордан уже был возле него и собирался открыть внутреннюю перегородку.

— С тобой все в порядке? — сразу спросил он.

Анти откинула шлем. Ее брови подернулись инеем, а нос стал ярко-красным.

— Конечно, даже руки не замерзли. — Она стянула утепленные перчатки и пошевелила пальцами.

— Не может быть! — вскричал Кэмерон. — Ты должна была окоченеть!

— Почему? — спросила Анти, смеясь. — Это вопрос изоляции, а у меня ее больше чем достаточно.

Кэмерон повернулся к Доччи.

— В детстве я видел фильм про танцовщицу. Она занималась постановкой балета, кажется, он назывался «Жизнь на холодных планетах». Странно, но это мне пришлось на ум сейчас, когда я наблюдал за Анти в кос-

мосе. А о фильме не вспоминал долгие годы.

Он озабоченно потер лоб ладонью.

— Когда я посмотрел его впервые, фильм поразил меня. Я постоянно думал о нем. Повзрослев, раскопал рассказ о трагическом случае, постигшем танцовщицу. Она полетела на экскурсию на Венеру, а потом корабль пропал. Конечно, выслали поисковые партии. Ее нашли после того, как она провела целую неделю на равнине, покрытой грибковой плесенью. Вы понимаете, что это значит. Великая балерина превратилась в питательную среду для развивающихся спор.

— Заткнись, — прорычал Джордан.

Похоже, Кэмерон его не услышал.

— Само собой, она умерла. Не могу вспомнить ее имени, но всегда помнил о постановке, которой она занималась. Забавно, что воспоминания о ней пришли мне в голову сейчас, когда Анти вышла в открытый космос...

В лицо Кэмерона врезался кулак. Если бы Джордан мог вложить в удар не только плечи и остаток корпуса, то челюсть сломалась бы. А так доктор просто пролетел через отсек и стукнулся о стену.

Поднявшись на ноги, Кэмерон гневно произнес:

— Я дал слово, что не причиню вреда. Очевидно, приглашение не распространяется на обе стороны. — Он многозначительно посмотрел на оружие Джордана. — Возможно, вам имеет смысл держать его постоянно под рукой.

— Я сказал тебе заткнуться, — бросил Джордан и после этого перестал обращать внимание на доктора. Ограниченные физические возможности не позволяли

исполнить полноценный поклон, но он сумел изобразить нечто похожее. — Безупречное исполнение, Антуанетта. Одно из твоих лучших.

— Ты так думаешь? — вздохнула Анти. Иней на ее бровях подтаял и каплями стекал по щекам. Вместе с Джорданом она покинула отсек.

Кэмерон остался один. Потрогал челюсть. Все его надежды рухнули. Теперь он понимал, что с мечтами об успешной карьере можно проститься. После бегства отверженных с «Небес инвалидов» надеяться уже не на что. Что ж, всегда можно заняться врачебной практикой где-нибудь в Солнечной системе. Он старался изо всех сил и на астероиде, и здесь, на корабле, и в обоих случаях оказался в полной заднице.

Балерина на самом деле не умерла, как он думал. Хотя лучше бы ей умереть. Теперь Кэмерон вспомнил имя. Ее звали Антуанетта.

Сейчас она стала Анти. Он мог бы получить эти сведения, просмотрев историю болезни, если на «Небесах для инвалидов» есть файл с ее медкартой. Возможно, его не существует, успокоил себя доктор. Зачем хранить истории безнадёжных случаев.

* * *

— Приближаемся к линиям регулярного сообщения, — сообщил Доччи. — Думаю, мы где-то рядом. У них нет оснований подозревать, что мы направляемся к Земле. Логичнее считать пунктом назначения Марс, одну из лун Юпитера или какой-нибудь астероид.

— Мне это не нравится, — забеспокоился Джордан. —

Они схватят нас еще до того, как мы успеем что-нибудь сказать.

— Но нас невозможно отличить от обычной ракеты Земля — Марс. На борту есть реестр космических кораблей. Выберем любой номер и позывной, который соответствует ракете нашего класса. И с этого момента станем тем кораблем. Если, конечно, система слежения нас заметит, а этого может и не произойти, пока мы не попытаемся совершить посадку. Надо держать номер с позывным наготове. Что-нибудь вроде: «Я двадцать первый свист треск девять докладываю. Связь включена. Не слышим вас, диспетчер». Только не перестарайся со статическими эффектами, просто повторяй с подходящими вариациями, тогда, думаю, они нас не потревожат.

С сомнением покачивая головой, Джордан выплыл из отсека в сторону ремонтной мастерской.

— Похоже, ты беспокоишься, — заметила Анти.

Дочки повернулся к ней.

— Да.

— У нас получится?

— Конечно. Мы все ближе к Земле. Здесь нас не ждут. Даже не знают, зачем мы на самом деле угнали ракету. Вот почему не могут вычислить, куда мы направляемся.

Дочки выглядел измученным, и даже в глазах залегла усталость.

— Но дело не в этом. Из-за нас подняты по тревоге все полицейские силы Солнечной системы.

— И это значит?..

— Слушай. Мы планировали обойти Медсовет и обратиться напрямую к Солнечному правительству. Судя по

сеансам радиосвязи, они не горят желанием общаться с нами и не похоже, что проявят сочувствие. Если Солнечное правительство вообще нас не поддержит, другого шанса нам не представится.

— Ну и?.. — спросила Анти. Она казалась уверенной и бодрой. — Чего мы ждем? Давай сначала сделаем следующий шаг.

Он поднял голову.

— Солнечному правительству наша идея не понравится.

— Не понравится, но они ничего не смогут с нами поделать.

— Думаю, смогут — нас просто собьют. Мы украли корабль, а значит, автоматически переместились в разряд преступников.

— Об этом мы знали заранее.

— Оно того стоит?

— Полагаю, да, — сказала Анти.

— В таком случае мне нужно время, чтобы подготовиться.

Анти внимательно посмотрела на него.

— Может, мы сумеем привести тебя в порядок.

— С помощью фальшивых рук и грима? Нет. Пусть принимают нас такими, какие мы есть.

— Хорошая мысль. Я не подумала о сострадании.

— Дело не в сострадании, а в действительности. Я не хочу, чтобы о нас думали, как о симпатичных инвалидах, а потом поменяли мнение, увидев, какие мы на самом деле.

Анти посмотрела на него с сомнением, но оставила свои мысли при себе и, колыхаясь, направилась к выходу из отсека.

Дочки сидел молча и смотрел ей вслед. По крайней мере, Анти выгадала хоть что-то. Похоже, доктор Кэмерон не заметил, что пребывание на экстремальном холоде подавляет неуправляемый рост ее тканей даже сильнее, чем кислотная ванна. Она никогда снова не станет нормальной, это очевидно. Но когда-нибудь, если надлежащим образом изучить лечение холодом, сможет переносить гравитацию.

Он бросил взгляд на экран телекома. Корабль приближался к цели. Земля выглядела уже не как яркая световая точка, а четко очерченный диск. Он мог рассмотреть контуры океанов и материков, мог представить живущих там людей.

Вошел Джордан.

— Позывной я подобрал, хотя он и не пригодится. У нас появился приятель. Официальный попутчик.

— Он нас вызывал?

— Пока нет. Просто висит на хвосте.

— Нагоняет?

— Наверное, ему хотелось бы.

— Не позволяй ему это делать.

— Вряд ли получится на нашем драндулете.

— Пусть развалится на части, если надо, — нетерпеливо огрызнулся Дочки. — Как быстро мы достигнем орбиты широкого вещания?

— Думаешь, это наша последняя надежда?

— Правильно. Для меня и Анти наверняка. Аргументы против?

— Ни одного, насколько я понимаю, — ответил Джордан. — Какие могут быть аргументы, если нас нагоняет тяжелый крейсер?

* * *

Все собрались в отсеке управления.

— Я не хочу, чтобы камера фокусировалась исключительно на мне, — говорил Доччи. — Миру совершенно нормальных людей я могу показаться чуждым, но и семейной фотографии надо избежать.

— Продемонстрировать образцы, — подсказала Анти.

— В каком-то смысле — да. Многое зависит от того, примут ли они эти образцы.

Только теперь доктор Кэмерон начал понимать, что они задумали.

— Погодите! — воскликнул он. — Вы должны выслушать меня!

— Мы не собираемся ждать, и вас уже достаточно слушали, — отрезал Доччи. — Джордан, проследи, чтобы доктор не попал в сектор охвата камеры и не вмешивался. Мы слишком далеко зашли, сейчас не до него.

— Обязательно, — твердо пообещал Джордан. — Если он хотя бы пикнет, я ему все зубы выбью. — Он держал тостер сбоку, пряча от камеры, но целился в голову Кэмерону.

Доктор затрясся от нетерпения, но промолчал.

— Готовы? — спросил Доччи.

— Жми на включатель, а мы будем готовы ко всему, что случится. Если они нас не услышат, значит, не хотят.

Ракета свернула с околоземных трасс и по крутой траектории пошла на сближение с Землей. Кормовые дюзы пульсировали ярким реактивным выбросом.

— Граждане Солнечной системы! — начал Доччи. — Все жители Земли! Это незапланированная передача, не санкционированное властями обращение. Мы используем частоту экстренной связи, потому что у нас сложилась чрезвычайная ситуация. Кто мы такие? Конечно же, жертвы несчастных случаев, как вы можете видеть, которые превратились в изгоев. Понимаю, зрелище неприятное, но мы считаем, что есть вещи более важные, чем внешний вид. Например, великие свершения. Вклад в прогресс, осуществленный способами, недоступными для нормальных людей.

Нас заперли на «Небесах для инвалидов» и лишили этого права. Все, на что мы там способны — существовать в тоске и отчаянии; в нас поддерживают жизнь, не спрашивая, хотим мы этого или нет... И все же мы способны сделать гигантский вклад в общечеловеческий прогресс, если нам позволят покинуть Солнечную систему и полететь к Альфе Центавра! Сейчас вы не можете лететь к звездам, хотя наверняка этот день наступит.

Должно быть, вы озадачены, потому что знаете, насколько медленно движутся современные ракеты. Ни один нормальный человек не сможет совершить путешествие туда и обратно; он просто умрет от старости! Но мы, отверженные, сможем! Мы наверняка не умрем от старости! Медсовет знает, что это правда... и все-таки не позволяет нам лететь!

Кэмерон, стоявший в сторонке, открыл было рот, чтобы возразить, но Джордан выразительно посмотрел

на него и тут же, незаметно для камеры, угрожающе помахал оружием. Доктор проглотил язык и безропотно подчинился.

— Биокompенсация, — продолжил Доччи ровным голосом. — Вы могли слышать о ней, но, поскольку информация перекрывается, позвольте объяснить: принципы биокompенсации долгое время оставались в области предположений. Только в последние сто лет медицинские технологии продвинулись достаточно, чтобы проверить догадки научным исследованием. Каждая клетка, каждый организм стремятся к выживанию — как индивидуальному, так и к сохранению вида. Повредите их, и они станут бороться за выживание с той степенью активности, которая соответствует характеру повреждения. Нас, отверженных, изуродовало и искалечило до степени почти невероятной.

Наши организмы получили поддержку от научной медицины. По-настоящему научной медицины. По мере необходимости нас снабжали кровью, машины дышали за нас, нам заменили почки, предоставили сердца, синтетические вещества поставлялись в необходимых объемах, нервная и мускульная системы подверглись регенерации. И в итоге этих органичных усилий наши тела очистили почти от всего смертного.

Пот ручьями тек по лицу Доччи. Вот только вытереть его без рук он не мог.

— Большая часть отверженных почти бессмертна. Правда, не совсем — все мы умрем лет через четыреста или пятьсот. Тем не менее, не существует причин, по которым нам нельзя покидать Солнечную систему. Ракеты летят медленно; вы умрете, так и не вернувшись с

Альфы Центавра. А мы не умрем. Время для нас ничего не значит.

Возможно, после нашего отбытия будут изобретены более скоростные, улучшенные ракеты. Вы сможете добраться туда раньше нас. Нам все равно. Мы просто хотим сделать посильный вклад в прогресс, и это полностью нас удовлетворит.

Дочки через силу улыбнулся. И сразу почувствовал, что допустил ошибку, которую уже не исправить. Он и сам понял, что его улыбка сейчас больше похожа на звериный оскал.

— Вы знаете, где нас держат. Из вежливости не стану употреблять слово «тюрьма». Мы не называем это место «Небеса для инвалидов»; у нас в ходу выражение «мусорная куча». Себя мы окрестили старьевщиками. Теперь вы понимаете, что мы чувствуем?

Не представляю, что придется сделать, чтобы заставить Медсовет дать разрешение. Мы обращаемся к вам, как к последней нашей надежде. Мы испробовали все способы и потерпели неудачу. На кону наше будущее как человеческих существ. Возможно, если мы получим то, что хотим, в чем нуждаемся, вы сможете жить в ладу со своей совестью.

Он выключил радиосвязь и сел.

Лицо его посерело.

— Не хочется тебя беспокоить, — сказал Джордан, — но что мы будем с ними делать?

Дочки глянул на телеком. «Они» оказались пугающе близко, и их стало значительно больше, чем в последний раз, когда он смотрел на экран.

— Выполни маневр уклонения, — посоветовал он сла-

бым голосом. — Нырни к Земле и используй гравитацию планеты, чтобы придать нам ускорение. Нам нельзя попадать им в руки, пока люди не ответят на обращение, а на это требуется время.

— Думаю, вам следует знать... — начал Кэмерон. Голос его звучал странно.

— Оставьте на потом, — попросил Дочки. — Я собираюсь поспать. — Он сел на пол. — Джордан, разбуди меня, если случится что-нибудь важное. И помните, что вы не должны слушать этого парня, если сами не захотите.

Джордан кивнул и засел за панель приборов. Нона, прислонившись к гравитационной установке, вообще ни на что не обращала внимания. Казалось, она прислушивается к звуку, который остальные не слышали. В ее поведении не было ничего нового, но всякий раз эта картина разбивала ему сердце. Покидая отсек управления, он не вздыхал, а, скорее, всхлипывал.

* * *

Гонка продолжалась. Декорациями служили планеты, звезды, тьма космоса. Крапинки света, становившиеся все ближе, похоже, не радовали Джордана. Губы его сжались в тонкую напряженную линию. Он слышал, как за его спиной в отсек вошел Дочки.

— Прекрасная речь, — сказал Кэмерон.

— Да. — Дочки посмотрел на телеком. Изображение на экране в комментариях не нуждалось.

— В том то и беда, что это всего лишь речь. Пользы вам от нее никакой. Мой совет — отказаться от затеи,

пока они не приняли радикальных мер.

— Пусть принимают.

Кэмерон стоял у порога.

— И еще могу сказать вам, — произнес он неохотно. — Я уже пытался говорить перед сеансом связи, когда понял, что вы собираетесь сделать. Но вы не захотели слушать.

Он вошел в отсек управления. Нона съежилась в кресле — неподвижная и бесстрастная. Анти еще не вернулась.

— Вы знаете, почему Медсовет не отпустил вас в полет?

— Конечно, — ответил Доччи.

— Общий метаболизм отверженных отстоит от нормального дальше, чем метаболизм тварей, которых мы поднимаем со дна моря. Добавьте к этому невероятную продолжительность жизни, и вы должны понять мотивы Медсовета.

— Ближе к делу!

— Посмотрите на это следующим образом, — едва ли не с отчаянием продолжил Кэмерон. — В системе Центавра немало планет. Космология подсказывает нам, что разумная жизнь там, вероятно, существует и распространена в большей или меньшей степени. Вы станете там нашими представителями. Как выглядят они — неважно, это их забота. Но наши посланцы должны соответствовать определенным минимальным стандартам. Они, по крайней мере... Черт побери, неужели вы не понимаете, что они, по крайней мере, должны быть похожи на людей?

— Я знал, что ты именно так к нам относишься, — с ледяным презрением сказал Джордан.

— Речь не обо мне, — возразил Кэмерон. — Я — врач. И медицинские советники врачи. Мы пересаживаем или регенерируем руки, ноги и глаза. Мы работаем с кровью, костями и кишками. Мы знаем, какая тонкая линия отделяет нормальных людей от ... от вас.

Неужели вы не понимаете? Они совершенны, возможно, даже слишком. Они нетерпимы к малейшим изъянам. Они бегут к нам с такими вещами, как заусенцы, прыщи и простая перхоть. Здоровье — или, вернее, здоровая внешность — стала для них фетишем. Они могут думать, что страдают вам, а на деле будут чувствовать нечто иное.

— Ты к чему ведешь? — прошептал Джордан.

— Вот к чему: если бы дело зависело от Медсовета, вы уже летели бы к системе Центавра. Но дело не в нем. Принятие окончательного решения всегда предоставляется всей Солнечной системе. И Медсовет не может пойти против массового общественного мнения.

Дочки отвернулся — слышать такое было омерзительно.

— Можете мне не верить, — сказал Кэмерон. — Вы не очень далеко от Земли. Хотите узнать реакцию на ваше обращение по каналам широкого вещания?

Джордан обеспокоенно посмотрел на Дочки.

— Можно и узнать, — согласился Дочки. — Так или иначе, теперь уже все равно.

Они принялись перебирать диапазоны волн. Везде одно и то же. Рядовые граждане и выдающиеся, мужчины и женщины — все говорили о том, как им жаль

инвалидов, но...

— Выключи, — сказал, наконец, Доччи.

— Что теперь? — спросил оцепеневший Джордан.

— У вас нет выбора, — заявил доктор.

— Нет выбора, — глухо повторил Доччи. — Никакого выбора, кроме как отказаться. Мы переоценили своих союзников.

— Мы знали, что так случится, — сказал Кэмерон. — Мы решили: пусть они тешат себя иллюзией, пока находятся на астероиде. Там вы еще могли на что-то надеяться. И вы не чувствовали себя забытыми. К несчастью, вы сумели зайти дальше, чем мы рассчитывали.

— И у нас получилось, — заметил Доччи. Казалось, он начал потихоньку выходить из оцепенения. — И нет причин останавливаться теперь. Джордан, свяжись с кораблями, преследующими нас. Скажи, что у нас на борту Кэмерон. В качестве заложника. Представь его героем. По существу, он не с теми, кто против нас.

В отсек управления всплыла Анти. Улыбка на ее лице сразу померкла.

— Что случилось? — спросила она.

— Джордан тебе объяснит. Мне надо подумать.

Доччи закрыл глаза. Корабль слегка вздрагивал, хотя интенсивность вибраций от работающих двигателей не менялась. Повода для беспокойства не возникало, полет корабля никогда не бывает совершенно ровным. Доччи не обратил внимания на вибрацию корпуса.

Наконец он открыл глаза.

— Будь у нас полные топливные баки и запас провизии, — проговорил он без всякой надежды, — я бы проголосовал за то, чтобы мы вчетвером полетели к Альфе

или Проксима. Может, даже к Сириусу. Не имеет значения, куда, раз мы не намерены возвращаться. Но с нашим скромным запасом горючего это невозможно. Оторвись мы от преследователей, можно было бы прятаться, пока не украдем необходимое количество топлива и пищи.

— Что мы сделаем с доком? — спросил Джордан.

— Нам придется захватить какой-нибудь неохраняемый аванпост, конечно. Возможно, маленький астероид, на котором добывают полезные ископаемые. Оставим его там.

— Что ж, хорошая мысль, — согласился Джордан. — Если удастся оторваться от персонального эскорта, ют этих ищеек. Пока не похоже, что у нас получится. Они не приблизились после того, как я сообщил им про док, но и не отстали...

Он замолчал и посмотрел на экран. Заморгал и сощурился, не веря своим глазам.

— Они исчезли! — восторженно воскликнул Джордан.

И почти сразу Доччи оказался возле него.

— Нет, — поправил он. — Еще летят за нами, но они очень сильно отстают. — Пока они наблюдали за изображением на экране, расстояние до преследователей заметно увеличилось.

— Какая у нас относительная скорость? — спросил Джордан. Она сам посмотрел на приборы, нахмурился и постучал по циферблатам пальцами, словно стрелки сошли с ума.

— Ты что сделал с двигателями? — спросил Доччи.

— Ничего! Я ничего и не мог сделать. Мы и так шли на предельной скорости.

— Мы ее превысили. Очень сильно превысили. Как?

Объяснить поразительную скорость корабля было нечем. Кэмерон, Анти и Джордан находились в отсеке управления. Нона все так же сидела, съежившись в кресле и крепко охватив ладонями голову. Объяснения не было, но, как показывал индикатор, долгое время остававшийся без дела и поэтому бесполезный, в гравитационную установку потоком лилась энергия.

— Работает гравитационная тяга, — тупо произнес Доччи, показывая на индикатор.

— Ерунда, — возразила Анти. — Я не чувствую никакой тяжести.

— Не чувствуешь, потому что не должна, — ответил Доччи. — Гравитационную установку первоначально планировали для того, чтобы обеспечить движение корабля. Когда оказалось, что она работает неудовлетворительно, ее перенастроили. Разница едва заметная, но важная. Рассеянное постоянное поле создает эффект тяжести внутри корабля. Это для удобства пассажиров. Направленное поле снаружи корабля приводит к его движению. Можно использовать либо первый эффект, либо второй, но не оба сразу.

— Но я не включал гравитационную тягу, — вступил в разговор озадаченный Джордан. — И не смог бы, даже если бы захотел. Она отсоединена.

— Я бы согласился с тобой, если бы не одно «но». Она работает. — Доччи посмотрел на Нону, сидевшую с закрытыми глазами. — Привлеките ее внимание, — попросил он.

Джордан мягко коснулся плеча Ноны. Та открыла глаза. На панели приборов стрелка индикатора грави-

тации сразу же скакнула вверх-вниз.

— Что с нашей бедняжкой? — забеспокоилась Анти. — Она вся дрожит.

— Оставьте ее в покое, — велел Доччи.

Никто не двигался. Никто не говорил ни слова. Шли минуты, а древний корабль, скрипя и постанывая, ух-дил от самых быстрых ракет в Солнечной системе.

— Кажется, я понял, — сказал наконец Доччи, все еще хмурясь. — Представьте себе установку, генерирующую силу тяжести. Ее составной частью будет электронный компьютер, способный выполнять необходимые расчеты и определять объемы энергии, требующейся для создания либо направленного, либо рассеянного поля тяжести. Другими словами, это был мозг, сложный искусственный интеллект. С точки зрения данного интеллекта, с какой стати ему заниматься сложной, но бессмысленной рутинной? Он не понимает, с какой, а поскольку не понимает, то и отказывается ею заниматься. Очень просто.

Теперь посмотрите на Нону. Она глуха, не может говорить и общаться. В каком-то смысле она похожа на гравитационный компьютер. И, подобно ему, она обладает интеллектом с высоким потенциалом. Подобно ему, испытывает трудности в оценке окружающей ее действительности. Но, в отличие от него, она кое-чему научилась. Не знаю, многому или нет, но, очевидно, гораздо большему, чем ожидали от нее психологи Медсовета.

— Ну хорошо, — неуверенно произнес Джордан, — а что происходит сейчас?

— Если бы речь шла о двух людях, то можно было бы

назвать это телепатией, — предположил Доччи. Он старался сформулировать концепцию, которую нащупал, но никак не мог ухватить. — Один интеллект электронный, другой — органический. Вам придется подобрать новое определение, потому что единственное известное мне — электронное восприятие, но оно вопиюще нелепо. Разве не так?

Джордан улыбнулся и всплеснул руками. Под мешковатым одеянием заиграли мышцы.

— Нет, конечно, — возразил он. — Энергия присутствовала, но только мы поняли, как ее использовать. Вернее, Нона поняла.

— Энергия? — повторила Анти, величественно поднимаясь. — Можете поберечь ее. Мне необходимо ровно столько, чтобы добраться до Центавра.

— Думаю, ты ее получишь, — пообещал Доччи. — Теперь многие вещи стали понятнее. Например, почему в прошлом гравитационные установки переставали давать тягу на значительном удалении от Солнца? Фактически, мощность любой установки оказывалась обратно пропорциональной квадрату расстояния между ней и Солнцем.

Гравитационный компьютер — это глухой и слепой мозг, чувствительный только к массе вещества. Главный факт его существования — наличие Солнца, крупнейшего средоточия вещества в Солнечной системе. Для такого мозга покинуть Солнечную систему — все равно, что обитателю плоского мира, не подозревающему о существовании звезд, выйти за его пределы.

Теперь, когда он знает о Галактике, двигатель будет работать, где угодно. С Ноной у пульта управления для нас даже Сириус не очень далек.

— Док, — беззаботно крикнул Джордан, — вам лучше подумать, как убраться с корабля. Помните, мы летим с такой скоростью, с какой раньше не летал ни один человек. — Он хохотнул. — Если, конечно, вам до сих пор не нравится наша компания, и вы хотели бы удалиться.

— Нам требуется произвести кое-какие расчеты, — вмешался Доччи. — Например, куда мы сейчас направляемся.

— Правильная мысль, — согласился Джордан. Он сразу занялся картами и вычислениями. Но вскоре бегущие по клавиатуре пальцы стали двигаться медленнее. Он склонился над приборами. Потом выпрямился и сложил руки на груди.

— Куда? — спросил Доччи.

— Туда. — Джордан ударил кулаком по селектору телекома, и на экране появилось четкое изображение. В его центре мерцал крошечный мирок, осколок давным-давно взорвавшейся планеты. Они легко опознали пункт своего назначения.

Корабль летел к «Небесам для инвалидов».

— Зачем мы решили лететь туда? — спросила Анти. Она удивленно смотрела на Доччи.

— Мы летим не по своей воле. — Голос его звучал вяло и устало. — Направляемся туда, куда хочет Медсовет. Мы забыли о системе слежения. Когда Нона активировала гравитационную установку, этот факт отметили на какой-то центральной станции. Медсовету оставалось только использовать систему слежения для перехвата

управления у Ноны.

— Мы думали, что убегаем от кораблей, которые за нами гонятся, а сами всего лишь обогнали их на обратном пути к мусорной куче? — поняла Анти.

Дочки кивнул.

— Что ж, все кончено. Мы сделали, что могли. Плакать бесполезно, — сказала Анти и все-таки заплакала. Проходя мимо Ноны, она ласково похлопала ее. — Все нормально, дорогая. Ты попробовала.

Джордан покинул отсек следом за Анти. Кэмерон остался и подошел к Доччи.

— Ничего не потеряно, — начал он неловко. — Вы возвращаетесь туда, откуда начали; по крайней мере, Нона осталась в выигрыше.

— В выигрыше? — спросил Доччи. — Кто-то выиграет, но не Нона.

— Вы ошибаетесь. Теперь, когда она оказалась важной движущей силой...

— То есть особым экспериментальным устройством? Очень ценным? Не думаю, что ей понравилась бы подобная классификация.

Наступило молчание. Доктор Кэмерон отвернулся.

— Это ваше призрачное свечение, когда вы сердитесь, всегда меня пугало. Я вернусь, когда оно ослабеет.

Доччи проводил его взглядом. Кэмерон был единственным из нормальных людей, знающим о том, что Нона управляла гравитационной установкой. Весь внешний мир может узнать, что она заработала так, как и должна была работать по первоначальному замыслу, хотя никогда не использовалась для этой цели. Если бы удалось уговорить Кэмерона...

Он покачал головой. Это ничего не даст. Он может обманывать их какое-то время. Они решат, что причина кроется в нем, Доччи. В конце концов, все выйдет наружу. Нона не способна даже на малейшую ложь, она не понимает, что такое тесты.

Доччи подошел к ней. Когда-то он мечтал... Теперь это не имело значения.

Она подняла глаза, улыбнулась. Нона имела на это право. Ни одно слово никогда не звучало в тишине ее разума, но теперь она общалась посредством чего-то неведомого, и электронный мозг говорил ей что-то. Конечно, она не понимала, что разговор ведется между двумя невольниками — ею и гравитационным компьютером.

Внезапно Доччи развернулся, занял место перед панелью управления и принялся методично молотить ее ногами. Экраны и циферблаты разлетались в пыль. Аппарат экстренной связи он разбил на мелкие куски.

Система гравитационного слежения крепко держала корабль в своих лапах. И он ничего не мог с этим поделать. Все, что оставалось — как можно дольше защищать Нону от пытливых умов.

Она не слышала грохота и не обращала на него внимания. Просто сидела, обхватив ладонями голову, и спокойно улыбалась.

* * *

Внешняя оболочка ракетного купола распахнулась, а потом закрылась за ними. Джордан перевел уцелевшие приборы в нейтральное положение и поднял руки,

бормоча что-то себе под нос. Они мягко опускались через проем во внутреннем покрытии.

Возвращались домой.

— Веселей, — беззаботно сказал Кэмерон. — В самом деле, вы же не заключенные, сами знаете.

Нона, в отличие от Джордана, казалась довольной. Дочка ничего не ответила, его лицо совсем прекратило светиться. Анти с ними не было: она плавала в емкости с кислотой. На астероиде с его силой тяжести она не могла без нее обойтись.

Корабль легонько скрипнул — они сели. Джордан потянул рукоять, и шлюзы, пассажирский и грузовой, открылись.

— Идемте, — сказал доктор Кэмерон. — Полагаю, вас ожидает официальная встреча.

Он не ошибся. В небольшой ракетный купол набилось столько кораблей, сколько обычно прилетало за год. Сразу бросалась в глаза полная неразбериха, столь характерная для тех мест, в которых появляются люди в военной форме. Вооруженная охрана выстроилась по обеим сторонам посадочной аппарели, и путешественники начали спускаться.

Внизу к их прибытию приготовили большую телекоммуникационную установку. Если размер имел значение, то, видно, кто-то решил, что случай особенный. С огромного экрана на прибывших по-отечески смотрел медсоветник Тортон.

Процессия замерла перед экраном.

— Хорошая работа, доктор Кэмерон, — произнес медсоветник. — Нас крайне удивило бегство четырех пациентов и ваше исчезновение, совпавшее с ним. Насколь-

ко мы смогли понять, вы намеренно последовали за ними. Великолепный образчик быстрого мышления, доктор. Вы заслуживаете признания.

— Благодарю вас, — сказал Кэмерон.

— Мне жаль, что не могу присутствовать и поздравить вас лично, но вскоре мы встретимся. — Медсоветник сделал едва заметную паузу. — Поначалу случился скандал. Просто ужасный. Но мы решили, что неразумно скрывать столь значительное происшествие. Тем более что несанкционированное вещание сделало это невозможным. К счастью, в очень подходящий момент система отследила запуск гравитационной установки. Не побоюсь сказать, что, в конечном счете, мы оказались в выигрыше.

— Я рассчитывал на это, — сказал Кэмерон. — Нона...

— Вы уже говорили о ней раньше. — Медсоветник нахмурился. — Обсудим это позже. А пока проследите, чтобы она и остальные пациенты вернулись на свои обычные места. И сразу отведите Доччи в свой кабинет. Я хочу допросить его с глазу на глаз.

Кэмерон смотрел на Тортону озадаченно.

— Но я думал, что...

— Никаких возражений, доктор, — резко оборвал Тортон. — Вас ждут влиятельные лица. Все. — Экран потемнел.

— Думаю, вы слышали, что он сказал, доктор Кэмерон? — Стоявший рядом офицер держался вежливо. Он мог позволить себе учтивость — его чин на погонах обозначали три большие планеты.

— Очень отчетливо, — ответил Кэмерон. — Но как начальник на астероиде, я требую, чтобы вы приставили

охрану к девушке.

— Начальник? — переспросил офицер. — Забавно; у меня на руках приказ, гласящий, что начальник — это я, вплоть до дальнейших распоряжений. Пока я их не получал. — Он посмотрел на своих подчиненных и поманил кого-то пальцем. — Лейтенант, проследите, чтобы этого малого — кажется, его имя Джордан — доставили назад в главный купол. И можете проводить симпатичную леди в ее комнату. Или где она там живет. — Он свысока улыбнулся Кэмерону. — Все, что хотите, только бы угодить еще одному начальнику.

* * *

Когда они вошли в кабинет Кэмерона, медсоветник Тортон уже с нетерпением ждал на экране телекома.

— Мы прилетим примерно через два часа, — сообщил он. — Когда я говорю «мы», то имею в виду большую группу правительственных чиновников и ученых. А пока давайте продолжим эту тему с гравитацией. — Он поймал взгляд старшего офицера. — Генерал Джадд, это технический вопрос. Думаю, вам будет неинтересно.

— Очень хорошо, сэр. Я подожду снаружи.

Медсоветник хранил молчание, пока за генералом Джаддом не закрылась дверь.

— Садитесь, Доччи, — с неожиданной добротой в голосе предложил он. Потом помедлил, наблюдая за реакцией на свои слова. — Сочувствую вам. До цели оставалось рукой подать. И после всего вернуться на «Небеса для инвалидов»... Что ж, понимаю ваши чувства. Но поскольку вы вернулись, думаю, мы сможем для вас

что-нибудь устроить.

Дочки уставился на человека на экране. На его щеке начало расплываться световое пятно, которое быстро охватило все лицо.

— Конечно, — произнес он небрежно. — Но против меня могут выдвинуть обвинения.

— Формальность, — бросил медсоветник. — С таким козырем, как открытие — или открытие заново — гравитационной тяги никто и не подумает поднимать шум из-за вашего несанкционированного отлета с астероида.

Медсоветник Тортона выглядел довольным.

— Не хочу вводить вас в заблуждение. В медицинском отношении мы не можем сделать для вас больше, чем уже сделали. Тем не менее, вы окажетесь в гуще более адекватной социальной жизни. Друзья, работа — все, что хотите. Естественно, взамен мы ожидаем полной готовности к сотрудничеству с вашей стороны.

— Естественно. — Дочки подмигнул собеседнику и поднялся на ноги. — Звучит интересно. Мне надо минутку подумать.

Кэмерон встал прямо перед экраном.

— Может, я чего-то не понимаю. Думаю, вы велели привести не того человека.

Тортона побагровел.

— Доктор Кэмерон! Пожалуйста, объяснитесь!

— Ошибиться было легко, — начал Кэмерон. — Отсоединенная гравитационная установка начала работать и давать тягу. Как? Почему? И, главное, кто это сделал? Вы знаете, что не я. Ведь я врач, а не физик. И не Джордан, его конек — механика. Значит, это Дочки,

ведь он инженер. Он мог заставить ее работать. Но это сделал не Доччи. Он не имел никакого отношения к...

— Осторожней! — закричал Тортон, но слишком поздно.

Кэмерон рухнул на колени. Та же нога, которая сделала подсечку, врезалась ему в подбородок. Голова доктора дернулась назад, и он растянулся на полу. По лицу бежала кровь.

— Доччи! — крикнул Тортон с экрана.

Но Доччи не ответил. Он с разбегу ударил в дверь. Генерал скучал, прислонившись к стене. Наклонив голову, Доччи ринулся на него. С ремня Джадда упал тостер. Почти не замедляя хода, Доччи наступил на него и побежал прочь.

Офицер поднялся и подобрал оружие. Потом неуверенно навел его на удаляющуюся фигуру, но тут какая-то мысль пришла ему в голову, и он опустил тостер. Осмотрел поврежденный механизм, потом осторожно убрал его в карман мундира.

Из кабинета Кэмерона доносились сдавленные крики. Генерал бросился туда.

С экрана на него смотрел медсоветник.

— Вижу, вы позволили ему бежать.

Расстроенный офицер оправил мундир.

— Извините, сэр. Я немедленно подниму людей.

— Сейчас это неважно. Приведите в чувство этого человека.

Генерал не привык оживлять людей — это был не его профиль. Тем не менее, через несколько минут Кэмерон пришел в себя, хотя и сильно ошарашенный.

— Итак, доктор, если это не Дочки, то кто же столь неожиданно привел в действие гравитационную тягу?

Кэмерон с радостью поведал все. Он не ошибся в девушке. Слушая его рассказ об умственных способностях Ноны, генерал совсем запутался, как это иногда бывает с генералами.

— Понимаю, — покивал головой медсоветник. — Мы совсем упустили из виду такую возможность. Не механический гений инженера. Вместо него — странные телепатические способности девушки. Это переводит проблему совсем в другую плоскость.

— Именно. — Кэмерон ощупал ушибленную челюсть. — Она не может рассказать, как делает это. Придется экспериментировать. К счастью, никакой угрозы не возникает. С системой слежения мы всегда сможем взять под свое управление гравитационную установку.

Медсоветник резко откинулся на спинку своего кресла.

— Вы ошибаетесь. Предполагалось, что так и должно быть, но ничего не вышло. Мы пытались. На какую-то долю секунды система слежения перехватила управление, но гравитационный компьютер оказался умнее, чем мы думали, если это компьютер нашел способ изменения состояния поля. Он изыскал возможность отсечь сигнал системы слежения и вообще на него не реагировал.

У Кэмерона отвисла челюсть.

— Если не вы вели ракету назад, то как же она вернулась?

— Про это знает Доччи, — проворчал медсоветник. — Он понял все, пока находился в этом кабинете. Поэтому и убежал. — Тортон забарабанил по столу нервными пальцами. — Она в состоянии направить корабль куда угодно, и мы не можем помешать. Но поскольку Нона добровольно вернулась, ясно, что она хочет захватить астероид!

Медсоветник Тортон придвинул лицо так близко к экрану, словно хотел пролезть через поверхность монитора в кабинет.

— Вы еще не поняли, генерал? Не существует никакой принципиальной разницы между гравитационными установками разных размеров и мощностей. То, что она делала с кораблем, можно легко повторить с астероидом. — Он сердито ткнул пальцем в сторону офицера. — Не стойте здесь, генерал Джадд. Найдите эту девушку!

Но приказы опоздали. Бесчисленные соединения гигантского купола над их головами задвигались и за-

скрипели. Маленький мирок содрогнулся и закричал, словно слишком долго дремал на орбите, и пришел в движение.

* * *

Смутные тени перемещались, ползли и, если могли, шли. На встречу собрались фантастические и полуфантастические создания. Огромные и крошечные, на своих ногах или полученных взамен, они шли и шли — с лицами, с руками или без таковых. Слова передавались голосом, движением губ, знаковыми сигналами всех видов.

— Запомните, пройдут часы, может быть, дни, пока мы окажемся в безопасности, — говорил Доччи. Голос его звучал хрипло. — От нас зависит, получит ли Нона столько времени, сколько ей требуется.

— Где она прячется? — раздался голос из толпы.

— Я не знаю. А если бы и знал, не сказал бы. Наша задача — не дать им обнаружить ее.

— Каким образом? — спросил кто-то из передних рядов. — Сражаться с охранниками?

— Не в открытую, — пояснил Доччи. — Нам нечем, в том смысле, что у нас нет оружия. У многих просто нет рук. Весь расчет на то, чтобы препятствовать поискам Ноны. Пока не появится предложение получше, мой план таков:

Мне потребуются все мужчины, пожилые женщины и совсем молоденькие девушки — кроме отобранных, а кого отберу — поясню позже. Охранники появятся здесь не раньше, чем через полчаса, им нужно время, чтобы

собраться и получить указания, которые сейчас должен разрабатывать Медсовет. Когда они покажутся, встаньте у них на пути.

Что вы будете делать — оставляю на ваше усмотрение. Взывайте к их состраданию, пока слушают. Создавайте угрозы для себя. Они следуют нормам нравственности и поначалу проявят склонность к милосердию. Пока будут оказывать помощь, старайтесь украсть у них оружие. До последнего избегайте физического насилия. Мы не ставим целью вызвать ответные меры. Выжмите все из особенностей их поведения на этой стадии сопротивления. Долго она не продлится.

Дочки помолчал и оглядел толпу.

— Каждый из вас сам должен решить, когда надо отказаться от таких методов и прибегнуть к активным формам борьбы. Мы можем, например, повредить осветительную, сканирующую и вентиляционную системы. Им придется заняться их восстановлением. Возможно, они выделят людей для охраны этих стратегических узлов. Тем лучше для нас, меньше охранников будут заниматься поисками Ноны.

— Что насчет меня? — донесся женский голос из задних рядов. — Что мне делать?

— В трудную минуту ты понадобишься, — пообещал Доччи. — Джериан здесь?

Локтями прокладывая себе дорогу, из толпы выступила женщина.

— Джериан — внешне нормальная хорошенькая женщина, — объяснил Доччи отверженным. — Однако у нее отсутствует пищеварительная система. Без инъекций пищи и воды она может прожить максимум десять

часов. Поэтому оказалась здесь.

Дочки снова посмотрел на собравшихся.

— Мне нужен косметолог со всем своим снаряжением.

Вперед выдвинулась безногая женщина. Дочки переговаривались с ней. Женщина сначала изумилась, потом согласилась выполнить просьбу. Под ее умелыми руками Джериан преобразилась в Нону.

— Эту Нону они найдут первой, — пояснил Дочки. — Она сумеет достаточно долго ускользать. Я думаю — и надеюсь — что, задержав Джериан, они на несколько часов прекратят поиски, пока не обследуют ее. Конечно, рано или поздно они поймут, что их провели. В случае с Джериан отпечатки пальцев и рентген выявят, кто она такая. Но дойдет до них не сразу. Как вы знаете, Нона не может отвечать на вопросы, а Джериан будет вести себя в точности, как Нона.

— Когда они поймут, что Джериан не Нона, то перестанут вести себя вежливо, если можно так выразиться. Охранникам могут даже поколотить задержанную, особенно если решат, что это поспособствует поимке Ноны. Не поможет, конечно. Но время мы выиграем, а нам только это и нужно.

Все молчали, никто не двигался. Женщины с пониманием смотрели друг на друга.

— Идем, — угрюмо скомандовал Джордан.

— Подожди, — остановил его Дочки. — У меня один доброволец на роль Ноны. А нужно полсотни. Не имеет значения, здоровы вы физически или нет — мы захватили лабораторию пластической хирургии. Если вы считаете, что вас можно загримировать под Нону, — выходите вперед.

Медленно, по одной, по двое-трое женщины начали выбираться из толпы. Очень немногие могли обойтись без серьезной работы косметолога.

Все остальные пошли за Джорданом.

Массовый выпуск отдельно взятой личности. Неидеальный в каждом случае, но в среднем вполне приемлемый. Дочки с одобрением наблюдали за процессом, подсказывали, куда положить лишний мазок.

— Она не может ни говорить, ни слышать, — подсказывал он женщинам. — Помните об этом постоянно, что бы они ни делали. Прячьтесь в самых неожиданных местах. Когда поймают Джериан, поиски прекратятся, потом их возобновят, и вот тогда позвольте им находить вас — но поодиночке. Всякий раз охранник будет уводить одну из вас для опознания, а значит, не сможет принимать участия в облаве. У них нет выбора — или поскорее найти Нону, или убираться с астероида.

Уже несколько косметологов трудились, не покладая рук. Одна из них подняла голову.

— Убираться? Почему?

— Солнце становится все меньше.

— Меньше? — воскликнула женщина.

Дочки кивнул.

— «Небеса для инвалидов» покидают Солнечную систему.

Ее пальцы порхали, лепя прелестный очерк подбородка, которого вовсе не существовало. Потом она взялась прилаживать пластиковые губы.

Вскоре Нона пряталась в полусотне мест.

И в еще одном...

Орбита Нептуна осталась далеко позади, а астероид продолжал набирать скорость. В недрах «Небес для инвалидов» на полную мощность трудились две гравитационные установки. Третья зажала изолированный мирок в тиски повышенной гравитации. Накапливавшаяся физическая усталость казалась невыносимой и вела к полному истощению сил. Из часов уже набежал целый день, а установки работали без перебоев.

— Вы произвели расчеты с достаточной точностью? — ненавязчиво поинтересовался Доччи. — Мы удаляемся от Солнца на высокой скорости. Вам придется превысить ее, чтобы отправиться в обратный путь.

Генерал сделал вид, что не замечает Доччи.

— Если бы вы смогли выключить эти проклятые установки!

Инженер Фогель беспомощно пожал плечами.

— Попробуйте сами, — предложил он. — Только мне не хотелось бы находиться поблизости, когда вы станете пробовать. Легко сказать — «проклятые установки». Не забывайте, в каждой из них значительный ядерный заряд.

— Сам знаю, — огрызнулся генерал, сердито вглядываясь в черноту космоса. — С другой стороны, можно взлететь и с расстояния разнести эту скалу на куски.

— И отказаться от надежды найти ее? — поддразнил Доччи.

— Она все равно для нас потеряна, — кисло заметил Кэмерон.

— Все не так плохо, как кажется, — успокоил Доччи.

— Теперь, когда вам известно, в чем проблема, вы всегда сможете создать другой компьютер и заложить в него дополнительную информацию. Например, сведения по основам астрономии.

С осторожностью, учитывая повышенную силу тяжести, он переместил свое тело.

— Есть и другое решение, хотя оно может вам не понравиться. Я не верю, что Нона — абсолютный уникал. Должны быть другие, похожие на нее. Так называемые «прирожденные» механики, у которых понимание техники, возможно, переросло в форму эмпатии, о которой мы и не подозреваем. Поищите хорошенько и, может быть, найдете — вероятно, в самых неожиданных и, возможно, отвратительных облициях.

— Если бы я думал, что вы знаете, где она... — устало проворчал генерал Джадд.

— Можете попробовать, — предложил Дочки, непроизвольно вспыхивая.

— Хватит истерик, генерал, — недовольно бросил Кэмерон. — Мы его тщательно допросили. В любом случае мы столкнулись бы с сопротивлением. Он несет ответственность только за то, что сделал его более эффективным, чем мы ожидали.

И, помолчав, медленно добавил:

— Похоже, в настоящий момент он пытается подорвать наш моральный дух. Зря старается. Ситуация настолько плоха, что кажется безнадежной. Не могу придумать ничего, что нам поможет.

Высоко в центре купола висело Солнце. Солнце? Оно больше походило на очень яркую звезду, которая не отбрасывала теней. А прожектора под куполом отбрасы-

вали. Они помигивали и постоянно отключались. Генерал все время бессильно ругался, пока их чинили.

Подошел охранник с задержанной.

— Кажется, я нашел ее, сэр.

Кэмерон уныло посмотрел на него.

— Скажите, чем вы руководствуетесь?

— Приказами, сэр, — ответил тот.

— Какими приказами?

— Вашими, сэр. Вы сказали, что тело у нее здоровое. Откуда мне еще знать, она это или не она?

Кэмерон ощерился и глубоко вонзил скальпель в бедро девушки. Она повернула к нему лицо с высыхающими слезами, но ни один мускул не дрогнул на нем.

— Любой дурак способен заметить, что это пластик, — упрямо бросил доктор.

Охранник, похоже, обиделся и повел пленницу прочь.

— Отпустите ее, — крикнул Кэмерон. — Так будет лучше для вас обоих, я думаю.

Девушка убежала. Охранник шел за ней, дрожа и пряча виноватые глаза. Кэмерон подумал, что потребуются немалые усилия психиатров, чтобы снять с бедняги стресс.

Дочки улыбнулся.

— Я хочу выдвинуть требование.

— Валяйте, выдвигайте, — фыркнул генерал. — Похоже, мы вынуждены предоставлять вам все, чего вы пожелаете.

— Вероятно, вам придется. Очевидно, вы улетите без нее. И очень скоро. Не забирайте все ваши корабли. Нам понадобятся штуки три, когда мы достигнем другой солнечной системы.

У генерала Джадда от негодования раскрылся рот.

— Не говорите ничего, о чем потом пожалеете, — предупредил Доччи. — Что вы доложите начальству, когда вернетесь? Скажете, что спокойно покинули астероид, когда еще оставалось время на поиски? Или им больше понравится, когда они узнают, что вы оставались до последнего момента? И так запоздали, что вынужденно бросили несколько кораблей?

Генерал захлопнул рот и пошел прочь, печатая шаг. Кэмерон молча потащился за ним.

* * *

Взлетел последний корабль; в непроглядной тьме растаяли реактивные выхлопы. Солнце давно старалось затеряться среди остальных звезд, и наконец у него это получилось. Астероид больше не являлся мусорной кучей. Маленький мир превратился в быстрый космический корабль.

— Мы сможем выжить, — сказал Доччи. — Энергии и кислорода хватает, пищу будем выращивать и синтезировать.

Он сидел возле бассейна с Анти, установленного на прежнее место. Деревце качало ветками над его головой под порывами искусственного ветра. Вокруг царил относительный покой. Нона пока не появлялась.

— Мы освободим тебя от этого корыта, — пообещал Доччи. — Когда она вернется, создадим местечко без гравитации. И продолжим терапию холодом.

— Могу подождать, — ответила Анти. — В этом мире я нормальная.

Дочки окинул окрестности беззащитным взглядом. Та, которую он так ждал, все не шла.

— Если беспокоишься о Ноне, прекрати, — посоветовала Анти. — Охранники довольно грубо обращались с женщинами, но пластику не больно. Они ее не нашли.

— Откуда ты знаешь?

— Послушай, — сказала Анти. По грунту шли вибрации от работающих гравитационных установок. — Они работают, а ты все переживаешь?

— Будь я полностью уверен...

— Можешь отбросить все сомнения прямо сейчас, — сказал Джордан. — Для начала встань и обернись.

Дочки вскочил на ноги. К нему шла Нона.

Он постарался не выдать напряжения. Если не считать слегка испачканных нежных щечек, она словно только что вышла из салона красоты. Бесспорно, это была самая красивая женщина в мире. В этом мире, конечно, хотя она могла бы считаться таковой в любом из миров, умей она общаться с людьми также хорошо, как с машинами.

— Ты где пряталась? — спросил Дочки, хотя и не ждал ответа.

Она улыбнулась. В состоянии ли машина оценить эту очаровательную улыбку, подумал он, или они улыбаются друг другу как-то по-иному.

— Жалко, что не могу обнять тебя, — горько сказал он.

— Это не так трудно, как кажется, — заметила Анти, выглядывая из кислоты. — У тебя нет рук, зато у нее целых две. Ты можешь слышать и говорить, а она — нет. Вместе вы составляете полноценную пару.

— Если не считать того, что она никогда не поймет этой истины, — с горечью ответил он.

Перемещаясь на руках, Джордан подвинулся к Доччи и испытующе посмотрел снизу вверх.

— Я вроде нее. Говорят, я прирожденный механик: дай мне гаечный ключ, и я сделаю с машиной что угодно. Я словно чувствую: машина желает, чтобы с ней сделали то или другое. Естественно, не до такой степени, как это чувствует Нона. Можно сказать, у меня все наоборот: она слышит, а я только читаю по губам.

— Значит, ты бормочешь не просто так, — догадался Доччи. — У тебя в голове что-то происходит.

Джордан заколебался.

— Не знаю, глупо это или нет. Я думал о знаковом языке для общения с машинами. Понимаешь, начинать надо с чего-то очень простого, вроде часов, и наблюдать, что они для нее значат. Поскольку это простенькое устройство, то и реакции у нее будут достаточно простые. А дальше — только вопрос времени...

— Не стоит углубляться, — взволнованно перебил его Доччи. — Это отлично подойдет для выявления простейших реакций, но я не могу таскать с собой механическую мастерскую; это не практично. Требуется устройство расширенного диапазона применения, переносное и способное донести до нее различные значения.

— Электронный осциллятор?

В бассейне с кислотой нетерпеливо зашевелилась Анти, и волны с плеском ударились о борта.

— Может, два мощных разума обсудят это в лаборатории? А когда разберетесь с этой проблемой, найдется

множество других, чтобы занять вас, пока мы летим к звездам. Например, Джордан и я. Какое у девушки будущее, если она не может выйти замуж?

— Правильно, — сказал Доччи. — У меня появилась уверенность, что мы добьемся большего, чем нормальные доктора. Мы сами жертвы случаев, а потому не останемся, пока не достигнем успеха. К тому же в запасе у нас сотни лет.

Буквально сияя от радости, он наклонился, чтобы Джордан забрался к нему на спину. Потом поцеловал Нону и направился к лаборатории.

Нона улыбнулась и пошла за ним.

— Есть вещи, которые можно выразить без слов и без помощи машин, — крикнула Анти ей вслед. — Запомни это, ладно?

Она удовлетворенно погрузилась в кислоту. Над куполом ярко светились звезды, приветствуя маленький мерцающий мирок, несущийся в межзвездном пространстве.

Повторное посещение

Земля находилась так далеко, что оставалась невидимой. Даже Солнце казалось всего лишь искоркой. Но это огромное расстояние не означало, что корабль и дальше будет пребывать в изоляции. Бортовые приборы перехватили сначала радиосигнал, а через час и телевизионные передачи. Машины задействовали словари и грамматики и начали перевод с многочисленных языков. По мере накопления фактов выстраивалась картина исторического развития планеты.

Курс корабля слегка изменился; чтобы пройти поближе к Земле, больших усилий прилагать не требовалось. Несколько дней двое находившихся в корабле слушали и смотрели, почти не комментируя полученную информацию. Вскоре им пришлось принимать решение.

— Выбор простой: продолжить или прервать полет, — сказал первый инопланетянин.

— Ты знаешь, за что я проголосую, — ответил второй.

— Могу догадаться, — согласился первый; его звали Этаниель. — У них полный хаос. Они никогда ничем не занимались, кроме как воевали друг с другом и совершенствовали оружие.

— И они с этим еще не закончили, — заметил Бэл, второй инопланетянин. — Но, похоже, с этой большой бомбой скоро всему наступит конец.

— Еще одна причина, чтобы прервать полет, — сказал Этаниель. — Большая бомба их уничтожит. Без нашей помощи они способны только на это.

— Хочу напомнить, что через два месяца и двадцать девять дней мы должны высадиться на Уиллафорсе. Могу сказать, не заглядывая в карты, что нам предстоит пролететь еще сотню световых лет.

— Одна неделя. Мы проведем здесь всего неделю и успеем вовремя.

— Неделю? — воскликнул Бэл. — За одну неделю решить их проблемы? Они за одно поколение устроили две мировых войны и сейчас готовят третью и последнюю; это же видно по всему, что они делают.

— Для такого рода исхода больших усилий не требуется, — сказал Этаниель. — Один неверный дипломатический шаг, один случайно нажавший на гашетку солдат могут запустить катастрофу. И сделано это будет ненамеренно. Появится метеоритный рой, а их неуклюжая техника интерпретирует его как массированное вражеское нападение.

— Очень плохо, — подвел итог Бэл. — Нам придется просто забыть, что когда-то существовала такая планета — Земля.

— А ты сможешь? Сможешь забыть всех этих людей?

— Постараюсь, — ответил Бэл. — Только дай им немного времени — от них здесь и следа не останется, и некому будет напоминать, что у меня есть совесть.

— Моя память не такая покладистая, — возразил Этаниель. — Прощу тебя, давай посмотрим на них.

Бэл принялся листать картинки на экране.

— Очень похожи на нас, — сказал он, наконец. — Возможно, несколько ниже и, по большей части, несовершенно. Очень странно, но, если не обращать внимания на один серьезный недостаток, они выглядят в точности такими же, как мы. Ты хотел, чтобы я произнес именно эти слова?

— Да. Меня трогает то факт, что они являются несовершенной версией нас самих. Они действительно кажутся беззащитными, хотя, полагаю, это не так.

— Тяжелый случай, — вздохнул Бэл. — Мы ничего не можем поделать.

— Можем. Мы в состоянии подарить им неделю.

— За одну неделю мы не перечеркнем всю их историю. Не сумеем изменить их отношения к большой бомбе.

— Наверняка знать невозможно, — возразил Этаниель. — Мы должны ознакомиться с ситуацией.

— И что потом? Какие у нас полномочия?

— Очень небольшие, — согласился Этаниель. — Два младших чина на пути к Уиллафорсу лоб в лоб сталкиваются с проблемой, о которой никто не подозревает.

— А когда достигнем Уиллафорса, будем заняты. Пройдет много времени, пока кто-нибудь прилетит сюда снова.

— Очень много. В этом районе космоса нет ничего полезного для нашей расы. Сколько еще протянет Земля? Десять лет? Десять месяцев? Напряжение растет с каждым часом.

— Что сказать. Полагаю, мы можем сделать остановку и посмотреть, что к чему. Мы не вмешиваемся, просто наблюдаем.

Вот с такими намерениями они и направились к Земле. Целый день летали вокруг планеты, избегая излучения радаров, что не составило труда, проводя тестирования и отбирая пробы. Наконец, Этаниель оторвал взгляд от монитора.

— И к каким заключениям ты пришел?

— О чем тут говорить? Все гораздо хуже, чем я предполагал.

— В каком смысле?

— Ну, нам известно, что у них есть большая бомба. Атмосферный анализ подтверждает это, как мы и ожидали.

— Знаю.

— Еще нам известно, что они умеют доставлять ее, предположительно, с помощью самолета.

— Это почти наверняка. Они не смогут использовать бомбу без самолета.

— Что еще хуже, сейчас я обнаружил, что у них есть еще и ракеты, дальностью в тысячу миль и больше. И они уже совершают примитивные путешествия в космос или вот-вот начнут их.

— Плохо. Сидим здесь и рассуждаем, когда она рванет. У кого-нибудь из них не выдержат нервы, и начнется...

— Возможно, и ракеты только усугубят ситуацию, — согласился Бэл. — А тебе что удалось обнаружить?

— Ничего стоящего. Пока ты исследовал их вооружение, я изучал людей.

— Должно быть, что-то пришло тебе на ум.

— Не знаю, что и думать. Так мало времени, — ответил Этаниель. — Язык не проблема. Наши машины легко переводят их языки, и я уже усвоил краткий курс двух или трех из них. Но недостаточно посмотреть несколько спектаклей, послушать пару концертов или выпусков новостей. Надо бы спуститься и пожить среди них, почитать книги, поговорить с учеными, поработать с ними, поиграть.

— Можно этим заняться, и тогда мы их узнаем по-настоящему. Но это потребует времени, а его у нас нет.

— Понимаю.

— Говори прямо, согласен или нет.

— Нет, — заявил Этаниель. — Мы не можем им помочь, ничего не можем с ними поделать, но мы обязаны попробовать.

— Ну конечно, я знал это с самого начала, — сказал Бэл. — Такое уже случалось. Мы брали на себя труд узнать, как дела у той или иной расы, а когда не могли им помочь, ужасно переживали. Похоже, все повторяется. — Он встал и потянулся. — Ладно, дай мне часок подумать, как взяться за это дело.

Но, прежде чем они встретились, времени прошло гораздо больше. Корабль еще ближе подошел к Земле. Им уже не требовались приборы, чтобы разглядывать ее. Планета вращалась прямо за стеклами иллюминаторов. Зеленые южные равнины, прорезанные руслами рек, синие океаны, сверкающие снега северного полушария проплывали перед их глазами. Полосы покрывали рваные облака; над регионами, расположенными в

средних широтах северного полушария, в атмосфере висела грязная пелена.

— Мне и в голову не приходило такое великолепие, — сказал Этиниель.

— Мне тоже, — согласился Бэл. — Надо приготовить-ся к тому, что там будет холодно. Мы замерзнем.

— Да. Это их зима.

— У меня идея, — сообщил Бэл. — Как насчет того, чтобы выдать себя за сверхъестественные существа?

— Вряд ли получится, — усомнился Этаниель. — Лет сто назад могло бы сработать. Сегодня они уже запускают спутники. Это больше не дикари.

— Думаю, ты прав, — согласился Бэл. — Я собирался использовать преимущества нашего телосложения.

— Если бы у нас получилось, я был бы только «за». Но это люди грубые и отчаянные. Их так просто не одурачишь..

— Ладно, давай свои предложения.

— Хорошо, — сказал Этаниель. — Ты берешь одну сторону планеты, а я другую. Говорим им напрямую, что надо делать, если они хотят выжить, как им сохранить планету в целости, чтобы и дальше существовать на ней.

— Слишком общо. Советы всегда страдают этим.

— Ничего не поделаешь. На большее у нас нет времени.

— Особые указания?

— Никаких. Оставляем корабль здесь и спускаемся каждый на своем посадочном катере. Ты можешь связаться со мной в любое время, но не делай этого без необходимости.

— Они не сумеют перехватить частоты, которые мы используем.

— Согласен, и даже если бы сумели, ничего не смогли бы поделаться с нашим языком. Я хочу, чтобы они думали, будто нам не требуется обсуждать подобные вопросы.

— Понял. Пусть думают, что мы совершеннее, чем есть на самом деле. Они решат, что мы точно знаем, чем занимаемся, хоть это и не так.

— Если нам повезет, пусть так и думают.

Бэл посмотрел в иллюминатор на планету.

— В месте моей высадки, должно быть, холодно. И в твоём тоже. Уверен, что не нужно изменить план и высадиться где-нибудь в южном полушарии? Там сейчас лето.

— Боюсь, что нет. Великие державы расположены на севере. Мы должны оказаться там, чтобы осуществить свой замысел.

— Все так, но я подумал о празднике, о котором ты упомянул. Мы окажемся в гуще праздничной суеты. Она нам только помешает.

— Понимаю, им не понравится, если кто-то помешает празднику. Ничего не поделаешь. Мы не можем ждать, пока он кончится.

— Это мне известно, — произнес Бэл. — Расскажи про этот праздник все, что я должен знать. Возможно, первоначально он являлся религиозным? Правильно?

— Давным-давно был религиозным, — подтвердил Этаниель. — Из радио и телепередач ничего не удалось узнать наверняка. Кажется, сейчас это главным образом

повод поесть, провести вечеринку в офисе и устроить распродажу.

— Ага. Он превратился в деловой праздник.

— Удачное определение. В деталях, как хотелось бы, я не разобрался. Занимался в основном изучением людей, а их трудно постичь.

— Ясно. Я подумал, нельзя ли нас как-то увязать с этим праздником. Заставить его на нас поработать.

— Если даже и можно, я об этом не подумал.

— А следовало бы. Это ты знакомился с их праздниками. — Бэл глянул вниз, на планету. Облака начали стучаться в сумеречный полог. — Очень не хочется спускаться и оставлять корабль без присмотра.

— Им до него не добраться. Как бы развиты они ни были, в ближайшие сто лет им не проникнуть в такой корабль и не повредить его.

— Я и сам так думаю. Тогда давай спускаться.

— Я буду с тобой. Там, на другом краю Земли.

— Не слишком-то близко. Я бы предпочел, чтобы в корабле кто-то остался и быстро посадил его, если дело обернется плохо. Они не очень бережно относятся друг к другу. Не думаю, что станут вести себя лучше с инопланетянами.

— Они способны проявить враждебность, — признал Этаниель. Он включил приемник и принялся увеличивать изображение, пока на экране не появился склон горы. Шел снег, люди лазали по сутробам и срезали маленькие зеленые деревца. — Я придумал один трюк.

— Если он спасет мою шею, я — за.

— Ничего не могу гарантировать. Вот о чем я подумал: вместо того, чтобы прятать корабль напротив

солнца, где его вряд ли заметят, давай сделаем так, чтобы они его видели. Отведем его на ночную сторону планеты и включим освещение.

— Это ты хорошо придумал, — согласился Бэл.

— Им и в голову не придет, что мы подсвечиваем необитаемый корабль, — продолжал Этаниель. — А если придет, то проверить они не смогут. Кроме того, они не захотят причинять нам вреда, когда корабль будет сиять прямо над ними.

— Надо думать, — проворчал Бэл, подходя к пульту управления. — Я направлю его в место, где он будет виден лучше всего, и включу все огни.

— Не трать зря энергию.

— Об этом не волнуйся. Они его заметят. Каждый житель Земли заметит.

Позже, когда корабль вышел на позицию и пульсировал световыми волнами, разгоняя тьму космоса, Бэл сказал:

— Ты знаешь, я чувствую себя гораздо уверенней. У нас может получиться. Возможно, сияющий корабль как раз то, что нам поможет.

— Это не нам нужна помощь, а людям Земли, — правил Этаниель. — Увидимся через пять дней. — С этими словами он вошел в маленький посадочный катер, который, оставляя едва заметный сияющий след, устремился к Земле. Немного выждав из соображений безопасности, Бэл покинул корабль на другом катере, направляясь к обратной стороне планеты.

Космический корабль плыл по орбите вокруг Земли — необитаемый, сияющий и пульсирующий яркими огнями. Ни одна звезда в зимнем ночном небе планеты

не могла сравниться с ним в яркости. Один раз рукотворный спутник людей оказался поблизости, но светился он тускло, и оставался невидимым для обитателей Земли. В дневное время корабль воспринимался как яркое световое пятно. По вечерам пылал, затмевая краски заката.

Корабль плыл, сверкал, сиял и казался кусочком, взятым из самой сердцевины какой-то звезды и приколотым к земному небу, чтобы осветить мир людей. Никогда — вернее, почти никогда — Земля не видала ничего похожего.

Через пять дней два маленьких космических катера поднялись с поверхности планеты и достигли орбиты, по которой плыл большой корабль. Катера скользнули внутрь корпуса, и переборки шлюзов закрылись за ними. Немного времени спустя инопланетяне встретились снова.

— Мы сделали это! — с ликованием вскричал Бэл, едва войдя в отсек. — Сам не знаю как, и мне уже казалось, что нас ждет провал, когда в самую последнюю минуту до них дошло.

Этаниель улыбнулся.

— Я устал, — признался он.

— Я тоже, но больше замерз, — сообщил Бэл, дрожа. — Снег. Там, где я оказался, нет ничего, кроме снега. Ужасный климат. И ты еще заставил меня идти на прогулку после того, первого, дня.

— Исходя из моего собственного опыта, мысль показалась мне неплохой, — объяснил Этаниель. — Я заметил, что после того, как в один из дней сходил на прогулку, власти на следующий оказались более готовыми

к сотрудничеству. Я решил, что если это помогло мне, то поможет и тебе.

— Помогло. Не понимаю, почему, но помогло, — подтвердил Бэл. — Соглашение, которое они заключили, конечно, не самое лучшее, но, думаю, оно удержит их от самоуничтожения.

— Это как раз то, на что мы рассчитывали, — сказал Этаниель. — Теперь они могут устраивать маленькие войны, но большую — никогда. Лет через пятьдесят или сто надо будет вернуться и посмотреть, чему они научились.

— Не уверен, что мне захочется, — возразил Бэл. — Слушай, что такое «ангел»?

— Почему ты спрашиваешь?

— Когда я отправлялся гулять, люди начинали отстраняться и глазеть на меня. Некоторые опускались на колени прямо в снег и называли меня ангелом.

— Со мной происходило то же самое, — сообщил Этаниель.

— Я ничего не понял, но решил не подавать вида, — рассказывал Бэл. — Улыбался им и шел по своим делам. — Он снова поежился. — И всегда стоял холод. Выходил я обычно пешком, но назад иногда приходилось лететь. Надеюсь, в этом нет ничего страшного.

Бэл расправил свои огромные крылья. Художники эпохи Возрождения никогда его не видели, но точно знали, как он выглядит. Они изобразили его на своих бесчисленных полотнах.

— Не думаю, что твои полеты могут нам как-то повредить, — сказал Этаниель. — Я сам временами летал.

— Значит, ты не знаешь, что такое ангел?

— Нет. У меня не было времени узнать. Полагаю, некое существо из их фольклора. Заметь, если не считать крыльев, они очень похожи на нас. Их предания должны напоминать наши.

— Конечно, — согласился Бэл. — Так или иначе, на Земле теперь мир.

Невозможное путешествие домой

— Ожидаемая продолжительность космической жизни возросла до двадцати пяти месяцев и шести дней, — сказал Марлоу, директор подготовительного центра. — Мы прибавили целый месяц.

— *Вполне здоровый мальчонка, — констатировал Итан, находившийся в миллионах миль от Земли.*

Демарест повертел в руках пресс-папье в форме кораблика. Кораблик сломался.

— Это кое-что. Вы выиграли за счет блока наследственности. Каков главный фактор?

— Антирадиационная одежда. Но сделать ее достаточно эффективной пока еще не удается.

Где-то в космосе, на далеком Марсе, Аманта потянулась рукой к снимку.

— И ты еще будешь говорить, что он не чахлый? Без очков же видно.

Итан вскинулся.

— Разве он не сын Джимми? Наши дети всегда были здоровенькими, особенно младшие. Есть основания полагать, что их дети будут еще лучше.

— Опять ты со своей забывчивостью. Они постоянно время от времени болели. И именно я заботилась о них. А ты всегда находил способ уклониться. — Аманта коснулась переключателя на подлокотнике кресла.

Планеты вращались вокруг Солнца. Земля обгоняла Марс, Венера оставляла позади Землю. В зависимости от пункта назначения корабля его старт либо откладывался, либо производился в обычном или ускоренном режиме.

— Месяц выиграли, — сказал Демарест. — Но когда же это закончится? Невозможно полностью защитить человека, но даже если удастся, остаются еще воздух, которым он дышит, и пища, которую он ест. Радиация в космосе пронизывает все, в чем нуждается человеческое тело. И часть радиации найдет лазейку к репродуктивной системе.

Марлоу не требовалось смотреть на графики, он и так знал, что кривая начинает выравниваться. Можно математически определить, когда она совсем перестанет подниматься. Согласно расчетам, когда-нибудь человек сможет выносить рассеянную в космосе радиацию на протяжении трех лет, если, конечно, срок пребывания под излучением разбить интервалами на временные отрезки.

Но все это — в будущем.

— Вы еще многое можете сделать, — сказал он Демаресту. — Подумайте о защите реакторов.

— Мы работаем над этим, — возразил Демарест. — Но каждая унция, добавленная в конструкцию, уменьшает полезный груз. Наилучший вариант — осуществлять полет корабля из точки в точку как можно быстрее. В космосе негативный эффект зависит именно от времени. Чем короче период воздействия облучения, тем больше полетов совершит экипаж, прежде чем его отправят в отставку. Все сводится к одному.

На Марсе Аманта любовалась фотографией.

— Симпатичная. Но какая-то ненастоящая. — Она отложила снимок.

Итан покосился на него.

— Я тебе помогу. Пусть снимок увеличат и сделают объемную фигуру. Мягкую, размером с ребенка. И ты сможешь держать его на коленях.

— От кукол я отвыкла много лет назад. — Аманта подрегулировала выключатель на кресле, но укачивающие движения ей не понравились.

Итан перевернул снимок лицом вниз.

— Точно. Не буду спорить с тобой, Манта, это не одно и то же. Ничто не сравнится с ребенком, писающим, орущим и смеющимся, капризным и упрямым, когда не просишь, ласковым и послушным, когда не ждешь. Роботизированной куклой не обманешь человека, который держал в руках живого ребенка.

Во временном интервале Земля уносилась вперед. Разрыв между двумя планетами увеличивался.

— Еще одно заблуждение, — возразил директор. — Тело способно вынести только определенное ускорение. Мы приближаемся к пределу. Какая польза от кораблей, которые станут летать еще быстрее?

— Это ваша проблема, — возразил Демарест. — Дайте мне экипажи повыносливее. Дайте молодых, ничего не боящихся, способных выдержать.

В это все и упиралось: дайте помоложе, повыносливее, дайте лучших представителей расы — но и они никогда не бывали достаточно хороши. А после нескольких лет подготовки они могли работать космонавтами всего двадцать пять месяцев. Полетное время дорожало и дорожало; и ученые старались сократить по возможности каждый полет.

Сближение планет — решающий момент для тех, кто между ними путешествует.

Именно блок наследственности не отпускал человека, придавливал и приковывал его к Земле, Марсу и Венере, не позволял перейти к более далеким полетам. Блок наследственности являлся важнейшим параметром расы, но очень многое зависело не только от количества, но и от качества зародышевой плазмы. Экипажи и пассажиры получали максимально возможную защиту от радиации, рассеянной в космосе и выделяемой корабельными двигателями. Но защита не являлась достаточной. Продолжительное воздействие космических лучей вело к обычным последствиям — стерилизации или появлению деформирующих мутаций.

Человек — продукт эволюции родной планеты. Он не мог выйти в открытый космос, не заплатив за это.

Радиация, повреждавшая гены, хромосомы и их

мельчайшие составные части, наносила удар и по нервным клеткам. Поражение атома вело к его распаду и переходу в другое элементарное качество. Процесс был сложным. Результаты — нет: нервные клетки стимулировались напрямую, порождая слуховые и зрительные галлюцинации.

Обычно галлюцинации прекращались. Но по мере накопления радиации в теле усиливались и видения. Они подавляли сознание. Внешний мир отступал на второй план.

Галлюцинации приобретали только одну форму: красивая женщина за пределами корабля, нагая и зовущая.

Этот образ порождался угасающей способностью к воспроизводству; человек не мог больше иметь детей.

Определить, почему происходило именно, так не удалось. Психологи провели исследования и узнали только, что такое явление неизбежно случается после длительного воздействия радиации. И еще одно удалось узнать. Вернее, это открытие сделали еще раньше. Именно оно и подтолкнуло начать исследования.

В Солнечной системе самым большим источником радиации, в том числе жесткого излучения, является Солнце. Естественно, образ манящей сирены сильнее всего проявлялся в этом направлении, удалялся и звал за собой. Из погони за иллюзорной соблазнительницей не вернулся никто, а вот связаться с устремившимися за ней кораблями удалось несколько дней назад. Они летели к Солнцу.

Блок наследственности подчинялся только себе.

Человечеству удавалось выжить, возможно, потому, что некто свыше следил за сохранением расы. Марлоу

не знал точно, какой фактор действует, но в его влиянии не сомневался.

— Думаю, вы на неверном пути, — сказал он. — Защитите корабль полностью, и длительность полета потеряет значение. Экипажи смогут работать в безопасности.

Демарест хмыкнул.

— Настанет день, когда у нас появятся безынерционные двигатели, и масса не будет играть роли. Но сейчас играет. Наши разработки построены на компромиссе. Мы оба работаем с тем, что имеем, а не с мечтами. Я построю свой корабль; вы подберете для него правильный экипаж.

Марлоу вернулся к своим графикам. Машины изменить можно, но человеческое тело упорно придерживается старого шаблона. Невозможно набирать в экипажи совсем молодых людей, но что, если существуют расовые типы, более устойчивые к радиации? Где? Он таких мест не знал. Возможно, биологи могли бы продуцировать такой тип, размышлял с надеждой Марлоу, понимая, что обманывает сам себя. Человеческие существа не дрозофилы; к тому времени, когда сменится достаточное количество поколений и вид обретет настоящую устойчивость к радиации, которая позволит избыточному населению свободно совершать космические полеты, он давно уже умрет, а проблема будет решена.

И лучшие представители человечества тоже умрут, а их дети так и не появятся из-за стерилизации.

Или Солнечная система будет населена чудовищными мутантами.

В далеком далеке Итан, которого эта проблема нисколько не волновала, покорно пожал плечами.

— Полагаю, надо свыкнуться с мыслью, что мы просто не увидим его, пока не вырастет, если, конечно, еще будем живы.

— У тебя впереди годы и годы и ни одного дела, которым стоило бы заняться! — в сердцах бросила Аманта.

— Черт возьми, — уныло вздохнул Итан. — так бы хотелось его понянчить.

— Когда вырастет и прилетит сюда, уже не понянчишь, — сказала Аманта. — Тут я с тобой согласна. И на что это на меня нашло?

— Может, удастся попасть на следующий тихоход? Их отправляют время от времени для людей с больным сердцем. — Он задумался. — Хотя неизвестно, отпустят ли нас Дом пенсионеров.

— Дом пенсионеров! — презрительно фыркнула Аманта и отшвырнула салфетку. — Они думают, мы не понимаем, что это всего лишь приют для престарелых! Как полагаешь, отпустят?

— Если нас что-то и остановит, то уж наверняка не они. У нас с тобой сердце не в порядке и космического времени почти не осталось. Зря летали на Венеру.

— Но ведь надо было повидаться с Эдит и Эдом и их детишками, а потом возвращаться на Марс, поближе к Джону, Перл и Рэю. Давай не будем сожалеть о своих поступках. — Она вцепилась в подлокотник. — Мы ведь здесь уже давно, так?

Итан кивнул.

— Может, они уже забыли, что у нас осталось всего по месяцу? — с надеждой спросила она.

- Уверена, что по месяцу?
- Сам посчитай. Полеты всегда продолжались дольше, чем мы рассчитывали.
- Тогда бесполезно. Нам разрешат сесть только на тихход, но и в него вряд ли пустят, потому что полет займет больше месяца.
- Не могут же они помнить каждую минуту, проведенную нами в космосе.
- Могут, — заявил он. — У них записи.
- Вдруг они их потеряли?
- Послушай, у нас есть дети и внуки. Они прилетят и повидаются с нами. Неужели обязательно лететь на Землю, тем более, что это противозаконно?
- В том-то и дело, — возразила она. — Мы видели всех остальных наших внуков. Неужели не увидим самого младшего? Откуда нам известно, как его жена заботится о ребенке? Я ночами не сплю, все думаю об этом.
- Попробуй дремать днем, как я.
- Аманта нажала на кнопку, и автоматическое кресло замерло.
- Ты собираешься доставать билеты или нет?
- Я об этом думаю. Давай качайся дальше.
- Не буду, — капризно заявила она. — Не буду, даже если бы это кресло раскачивал ты. Я думала, что выхожу замуж за человека, который сделает меня счастливой.
- Я всегда старался изо всех сил. Ну же, качайся.
- А ты попробуешь добыть билеты?

Итан послушно кивнул и почувствовал облегчение, когда кресло закачалось вперед-назад. Житья нет от женщины, которая не знает покоя.

Аманта лежала в постели, прислушивалась. Временами она слышала очень хорошо, совсем, как раньше. Порой не слышала почти ничего. Эти повторяющиеся приступы глухоты напоминали о годах молодости, когда она задавалась вопросом: почему это старики туго на ухо? Теперь она, даже лежа рядом с Итаном, она порой не слышала, как он храпит. Впрочем, сегодня ночью слышала хорошо.

Из прихожей доносились шаги, скрипы и шорохи, какие производит всякий, кто старается не наделать шуму. Она часто не спала по ночам и слушала, как он возвращается домой. Знала, кто пришел, и поэтому никак не реагировала. У Дома пенсионеров были свои правила.

Осторожнее, — мысленно подсказывала Аманта. — Там есть слабое место, где пол тонок и прогибается под ногой. Потом, когда поднимаешь стопу, покрытие щелкает. Разучились правильно строить. Все манкируют и стараются экономить.

Но щелчка не последовало. Итон обошел предательский участок. Тут Аманта вспомнила, что у него поразительно хорошо развит навык перемещения в темноте, который доводится до совершенства только практикой.

Итан завозился у двери, и она забыла о подозрениях. Выскользнула из постели и распахнула дверь. Он столкнулся с ней нос к носу.

— Манта, они надо мной посмеялись...
— Ты что-нибудь съел? — перебила она.
— Выпил чашку этого марсианского кофе. Но...
— Не болтай, пока не перекусишь. Пустое брюхо — пустая голова.

— Не могу есть эту дрянь, которая вываливается из стены. Подожду до завтрака.

Она включила слабый свет и стукнула по селектору. Достала из-под кровати светящуюся пластину и положила на стол. Когда появилась еда, она разогрела ее на пластине и добавила специй.

— Вот. Это не настоящая еда, но можешь вообразить, что настоящая.

Итан вообразил, не оставил ни крошки, вытер губы и посмотрел на нее.

Она кивнула.

— Теперь можешь говорить, только потише. Не разбуди никого.

Итан потянулся и хрустнул суставами.

— Ходил вниз, в офис межпланетчиков; они со мной и говорить не стали. Сказали, в ближайшие шесть месяцев никаких рейсов не будет, а заранее билеты они не продают. Стал их теребить — вышли из себя. Посмотрели наши записи и заявили, что мы вообще никуда лететь не можем, если только на скоростном корабле, но, учитывая наш возраст, они сомневаются, что нам разрешат. Я не унимался, и тогда мне сказали, что мы можем попробовать договориться с одним из пилотов. Наверное, хотели отделаться от меня. Во всяком случае, послали побеседовать с каким-нибудь пилотом.

Аманте мысль понравилась. Пойти прямо к ответственному за полет человеку. Настойчивость может привести к желаемому результату.

— Сначала он был очень любезен, — продолжил Итан. — Объяснил, что не является владельцем корабля и не имеет права брать на борт кого попало. Я, зная, как тебе хочется лететь, предложил деньги, которые мы накопили.

— Все деньги, Итан?

— Не сходи с ума. Я решил, что оно того стоит.

— Я и не беспокоюсь, что мы переплатим, — задумчиво сказала она. — Ты сказал ему, что мы можем занять еще, если не хватит?

— Не успел. Он принялся хохотать и приговаривать, мол, как я не понимаю, что он получает плату не за каждый отдельный рейс, а за все отработанные годы, и не сейчас, а когда использует свое космическое время, уйдет на покой и перестанет заниматься тем единственным, что умеет. Сказал, что не пойдет на такой риск ни за какие деньги, и что я идиот, если думаю иначе. — Итан содрогнулся.

— Не бери в голову. Он просто старый дурак.

— Он моложе Джимми.

— Некоторым молодым людям не мешало бы поумнеть.

Итан утрумо опустился в кресло.

— Если бы Джимми не совершил свой последний полет, то женился бы здесь, и его детки сейчас жили бы рядом. И нам не пришлось бы волноваться о них.

— Думаю, что так, но ему все равно повезло. Они узнали, что Джимми недостаточно крепок, чтобы лететь

обратно. — Она начала вытирать посуду. — А как им удалось узнать, что ему нельзя возвращаться?

— Они проходят тесты. Перед каждым полетом.

Могла бы и сама догадаться. Они проходят тестирование. Благодаря тестам Джимми жив, хотя и далеко. Она села.

— Устал, — зевнул Итан. — Давай ложиться спать.

— Ложись. Я думаю.

Итан разделся и лег, а она все сидела и думала. Иногда это давалось непросто, вещи перестали быть такими ясными, как прежде. Однако в эту ночь думалось без труда. Женщина, нарожавшая детей, должна уметь разбираться с трудностями. Наконец она сказала:

— Завтра займусь выпечкой.

Итан пошевелился в постели.

— Бесполезно. Я тебе не говорил, но видел там девушку; она разговаривала с пилотом, когда я пришел. Она рыдала и умоляла взять ее в следующий рейс. Говорила, сделает что угодно, если он согласится.

— Как ей не стыдно! — воскликнула Аманта. — И что, помогло?

— Такая молодая, хорошенькая, а он даже внимания на нее не обратил, — ответил Итан. — Ну, какие у тебя шансы?

— Завтра я собираюсь печь. Утром пойдем на прогулку. Возьмем большую корзину. Помнишь старый канал, к которому никто больше не ходит?

Итан не ответил. Он спал. Определившись с тем, что делать, Аманта легла рядом с ним.

Охранник съежился в своей будке, изолированной и снабжавшейся кислородом, совсем как космический скафандр. Слишком большая для скафандра, она становилась тесной внутри после долгих часов непрерывного дежурства. Но работа имела свои преимущества — ничего не надо делать. Если не считать таких моментов, как сейчас. Он подошел к микрофону.

— Назад!

Они не обратили внимания.

Охранник выругался и снова крикнул, включив громкоговоритель на полную мощность. Даже в разреженной атмосфере звуковая волна могла сбить с ног. Но они продолжали идти. Он высунул в амбразуру ствол, но тут же его убрал. Кто отдавал ему такой приказ? Он не обязан повиноваться каждому приказу. Охранник застегнул зажимы кислородного шлема, натянул на руки митенки с электрообогревом и поспешил наружу.

— Ну и куда вы собрались? — строго спросил он, оставиваясь перед пожилой парой.

— Привет, — сказала Аманта. — А мы вас не заметили.

Черт побери этих пенсионеров, никогда не пользуются слуховыми аппаратами.

— Вы должны развернуться и возвращаться назад, — объяснил он.

— Зачем?

Он дрожал от холода и не понимал, почему они не мерзнут. Легкие одежды, устаревшее кислородное оборудование. Странно, но они способны выносить больше, чем мы думаем, — размышлял охранник. — Наверное, привыкли.

— Следуйте за мной, — резко скомандовал он. Мерзнуть ему не хотелось. Старики пошли за ним в будку. — Вы не видели знака «Вход запрещен»?

— Но поле сейчас не используют для полетов. Что мы нарушаем?

— Порядок, — отрезал охранник. На взлетном поле еще оставалось несколько пилотов, проверявших корабли, чтобы удостовериться в их полной исправности, прежде чем запереть на замок. Через неделю весь летный состав разъедется по поселкам, дожидаться следующего цикла полетов, когда Земля подойдет ближе.

Они проведут время в тепле и довольстве, пока он, охранник, будет нести службу, терпя холод и неудобства.

— Мы собираемся навестить друга моего сына, — сообщила Аманта. — Они работали вместе пилотами. Вы возражаете?

Сам он не имел ничего против, но кое-кто возражал. Приказ имел смысл в отношении мальчишек, которыми иначе кишело бы все поле; они бы падали с кораблей и застревали в ракетных дюзах.

— Что у вас с собой? — спросил он, подозрительно рассматривая сверток в руках Аманты.

— Я кое-что испекла. — Она отвернула уголок упаковочной бумаги, и будка наполнилась ароматом выпечки. — С марсианским фруктом. В наши дни его нелегко найти.

Он принюхался и сразу ощутил голод. Странно, ведь ел перед самым дежурством.

— Ладно. Можете идти. Только не попадитесь, иначе мне влетит. — Он встал поближе к старикам и к свертку и показал за окно. — Если вас остановят, притворитесь, что улетаете. Когда подойдете ближе к линии кораблей, прячьтесь за ними и идите, пока не найдете тот, который вам нужен. Кроме меня вас никто не увидит.

Аманта снова завернула выпечку.

— Я бы вас угостила, но не хочу резать, пока пилот не попробует.

— Понятно. — В голосе охранника звучала откровенная зависть. — Может, он все не осилит.

— Скорее всего, нет. Я принесу вам, что останется.

После их ухода охранник надолго застыл, пытаясь разобраться в незнакомом аромате. Он все еще стоял, когда дежурный патруль и арестовал его за грубое нарушение служебного долга.

— Идите прочь, — велел пилот, отходя от иллюминатора. Итан ударил по корпусу камнем, и пилот появился снова с искаженным от злости лицом. — Прекратите. Я поверну ракетные дюзы и ударю струей прямо по вам. Итан замахнулся камнем.

— Ладно, — сдался пилот. — Я с вами поговорю, хотя и так знаю, чего вы хотите. — С недовольным видом он откинул крышку люка. Посмотрел на них сверху вниз. — Хорошо, слушаем.

— У нас подарок для вас, — сообщил Итан.

— Взятки брать запрещено, только деньги.

— Молодой человек, где ваши манеры? — пристыдила его Аманта.

— Их у меня и не было. Это первое, что из нас выбирают. — Он начал вставать, держась за люк, но посмотрел на камень и решил не закрывать. Бросил взгляд на спускающуюся к земле узкую лестницу. — Я заберу ваш подарок. Несите его сюда.

Ухмылка сошла с лица, когда Аманта подобрала подол и, держа сверток в одной руке, начала подниматься по лестнице. Проворная, как коза, и, наверно, такая же смышленная, подумал он. Когда Аманта добралась до верха, он поддержал ее.

— Бабуля, вы слишком стары, чтобы здесь лазать. Вот упадете и все свои хрупкие косточки переломаете.

— Не такие уж хрупкие, — возразила Аманта, давая

дорогу Итану, поднявшемуся вслед за ней. — Боже, как холодно! — Она начала дрожать. — Пригласите нас погреться.

— Вам нельзя заходить. Я занят. Эй, подождите! — Пилот устремился за ней в отсек управления.

Когда он ее догнал, Аманта уже осматривалась.

— Уютненько, но как-то голо, — заметила она. — Почему бы вам не повесить картинки?

— Самыми живописными видами можно любоваться прямо отсюда.

Аманта проследила за взглядом пилота.

— Там нет ничего, кроме Марса. Я его каждый день вижу, — сказала она и, подумав, добавила: — А, так вы дразните старуху. Я поняла, вы же видите в иллюминатор звезды, планеты и все такое. Мне предпочтительнее картинка с индейцем на лошади.

— Я так и думал, готов держать пари, — проворчал пилот. — Быстренько грейтесь и уходите. Мне надо работать.

— Так идите, занимайтесь, — предложила она. — Мы здесь посидим и подсушим обувь. Мешать не будем.

— Я останусь, — быстро возразил он. — Давайте свой подарок. — Пилот допустил тактическую ошибку — обратил внимание на вибрации корпуса от ударов камня, которым колотил старик. Нет, не надо себя обманывать — не отреагировать на подобное невозможно. Терпение такая штука, которой у стариков в избытке, а молодым не хватает.

Аманта положила сверток на рабочую панель; пилот поспешил к ней и убрал навигационные инструменты в ящик стола.

Она развернула и продемонстрировала содержимое.

— Я испекла его для вас, — сказала она. — Это пирог.

Он и сам видел, что это такое.

— Ненавижу пироги, — сказал он. — И есть их не могу.

— А этот попробуйте. Корж с начинкой из ягод с канала.

— Ягоды с канала? — спросил он, морщась. Потом решительно отвернулся и только тогда как следует разглядел Итана. Этот старик пытался подкупить его несколько дней назад. Не такие уж они и простаки, какими стараются казаться. Что они задумали?

— Вы даже не попробуйте? — с надеждой спросила она.

Пилот опасливо поежился. Пахло вкусно, хотя выпечка действительно ему не нравилась. В других обстоятельствах он, возможно, из вежливости и отщипнул бы кусочек.

— Не могу. Доктор запретил.

— Диабет? Не знала, что таких берут на космическую службу, — невинно заметила Аманта. — Забавно, с Итаном то же самое. Не любит сладкое. — Она осмотрела свое творение. — Мне прямо стыдно: несла в такую даль, а человек к нему даже не притронулся. Вы не будете возражать, если я себе ломтик отрежу?

— Не стесняйтесь, бабуля.

— Аманта, — поправила она его и выложила из свертка нож и две маленькие тарелки. У него мелькнула мысль — имеет ли это какое-то значение? Две тарелки...

Она выложила ломтик на тарелку и потыкала в него вилкой, которую также извлекла из свертка. Потом отложила вилку и взяла ломтик.

— Если есть его неправильно, то и вкус будет неправильный, — объяснила она.

Пилот со страдальческим видом, морща нос, наблюдал за нею. В животе урчало. Не стоило их пускать.

На пол упала крошка. Аманта наклонилась за ней и выпрямилась, держа в пальцах ягоду.

— Ягоды с канала. Их почти не осталось. А когда-то из-за них ступить было некуда.

Она раздавила ягоду, и по отсеку пошла волна густого аромата.

— Уверены, что не хотите попробовать?

Когда он съел первый кусок, Аманта отрезала еще, потом еще, пока от пирога ничего не осталось.

Пилот тяжело опустился в кресло и задремал. Аманта и Итан молча смотрели на него.

Потом он поднялся и, словно не замечая их, начал лениво потягиваться. Скоро ленивые движения сменились подергиваниями и завершились рывком, от которого, казалось, удлинилось все его тело. Он бросился вон из отсека, скачками пронесся по коридору и, даже достигнув шлюза, колебаться не стал. Спуск по лестнице показался слишком медленным, и пилот просто выпрыгнул из корабля и, приземлившись на песок, утонул в нем по колено. А когда выбрался, стал носиться по полю.

— Впервые вижу, чтобы ягоды с канала действовали так медленно, — бормотала Аманта. — Не знаю, что не так. Все стало хуже, чем раньше.

Она сбросила с головы шапку и закрыла шлюз.

— Тебе больше не нужны эти затычки в носу, Итан. Идем, надо посмотреть, что ты помнишь.

Через несколько часов она уже вовсю крутила незнакомые ручки и, благодаря везению, сопровождающему обычно новичкам и упрямам, сумела связаться с нужным ей человеком.

— Это вы командир? — Судя по его ошарашенному виду, это был именно он. — Наверное, вы беспокоитесь о том бедном парне.

— Что вам угодно, мадам? — Он сердито смотрел на закадровую злодейку, которая, должно быть, по ошибке, связалась с ним. — Я преследую преступников. У меня нет времени болтать о старых временах.

— Не дерзите мне. Я подумала, вы захотите узнать, что делать с бедным парнем, чтобы он перестал бегать.

Командир опустил в кресло.

— О каком бедном парне вы говорите? — размеренным голосом спросил он.

— Не знаю его имени, — ответила Аманта. — Он выскочил из корабля, и мы не успели спросить.

— Значит, вы отравительница, — холодно заметил командир. — Если он умрет, вам не помогут ни ваш возраст, ни пол.

— Всего лишь ягоды с канала, — заверила она. — Полагаю, вы о них не знали.

— О чем вы?

— Ягоды с канала. Когда-то их было много. Все самцы, и мужчины и животные, ели их и не могли удержаться. На женщин и других самок они не действуют.

Биологи тогда говорили, что это способ распространения семян. Думаю, что так. Никакого вреда они не причинят. Дайте ему питьевой соды и уксусу. Он придет в себя.

— Ради вас самих очень надеюсь, что придет! — воскликнул командир. — Парень в плохом состоянии. — Он нацелился на собеседницу карандашом, и в его голосе зазвучали жесткие нотки. — Если вы подчинитесь указаниям, уверен, что смогу выгородить вас.

— Думаете, нам стоит подчиниться? — спросила Аманта.

Командир заторопился.

— Трудно найти корабль в космосе. Оставайтесь там, где находитесь или, если сможете, развернитесь и возвращайтесь, но медленно. Мы вышлем корабль с опытным пилотом, который доставит вас обратно. Вы меня слышите?

— В самом деле, просто. У вас на кораблях хорошая радиосвязь.

Он едва не зарычал от злости.

— Вы в опасности. Мы не собираемся гоняться за вами и спасать, пока вы не начнете сотрудничать. — Командир недоговаривал. Если они решат соблюдать радиомолчание, поисковые корабли никогда их не найдут. Может, они об этом и не знают, но полной уверенности у него не было. Хватило же у них ума угнать корабль.

Оставалось еще одно. Из записей он узнал, что они близки к лучевому лимиту, а значит, могут в любой момент спятить и направить корабль прямо к Солнцу. Так что приходилось следить за своими словами.

— Мы вытащим вас, но только с вашей помощью. Я не стану жертвовать людьми и тратить их полетное время, которое ценнее любого корабля, чтобы спасти двух престарелых дилетантов. Вам ясно?

— Думаю, да, — ответила Аманта. — Нам надо домой.

Командир потерял руки. Он натерпелся страху, а они оказались не такими уж упрямыми. Теперь он спасет их.

— Хорошо. Мои люди вылетят через несколько минут.

— Кажется, вы не поняли, — возразила Аманта. — Наш дом на Земле.

— Здесь никого нет, — сообщил робот, загораживая дверь.

— Мы подождем, — сказала Аманта и попыталась пролезть мимо робота. Тот не сдвинулся с места.

Стемнело, дул ветер, и с крыльца были видны огни в окнах соседних домов. Не слишком много — они оказались на окраине небольшого городка. Невдалеке, за холмом, в безопасной долине стоял корабль. Никто не видел, как они приземлились. Так считали старики.

Итан снял шляпу, расправил сгорбленные плечи и сразу стал выше.

— Дождь. Тридцать лет прошло, а я не забыл, что такое дождь.

— Он мокрый, вот и все дела, — проворчала Аманта. — Робот, пусти нас внутрь, а то я скажу Итану, чтобы он тебя разобрал. Он любит копаться с жестянками.

— Мне нельзя угрожать. Моя единственная забота — исполнение обязанностей. Кроме того, я слишком

большой, чтобы человек мог причинить мне вред.

— Черт, я весь промок! — пожаловался Итан. — Лучше вспоминать о дожде, чем стоять под ним.

— погоди, вот вернется мой сын Джимми. Он рассердится. Держишь нас на улице. Заставляешь мокнуть.

— сын? Вы называете так пилота Джеймса Хантли Джимми?

— Бывшего пилота.

— Правильно. Но его нет дома. Полчаса назад он повез жену в больницу.

— Так скоро? — выдохнула Аманта. — Я думала, что воспитала его лучше. Женщинам нужно давать отдых между детьми.

— Это не следующий ребенок, — равнодушно поправил робот. — Это связано с одним из физиологических заболеваний, свойственных человеку, но не машинам. Ничего серьезного.

Продрогший Итан поднял воротник. С карнизов лилась вода.

— Прекрати спорить и пусти нас в дом. Джимми тебе все шланги перекроет, когда узнает, что ты держал его родителей на улице.

— Родители? Их здесь нет. Отец с матерью беззаботно жили на Марсе. Они умерли совсем недавно — потерялись в космосе и врезались в Солнце.

— Раскинь мозгами, — проворчала Аманта. — Мы не на Марсе, мы не были там счастливы, мы не терялись и не врезались в Солнце.

— Я просто последовательно воспроизвожу переданную мне или услышанную информацию. Если она противоречива, то таковы люди. Я к этому привык.

— Манта, они думают, что мы умерли, — сказал Итан. Он стер с лица дождевые капли. — Бедный Джимми!

Из дверной щели донесся жалобный плач. Глаза робота ярко мигнули и погасли.

— Это что такое? — спросила Аманта. — Похоже на плач ребенка. Кажется, ты сказал, что никого нет дома.

— Нет дееспособных взрослых. Только ребенок. Поэтому я не могу впустить никого, кроме родителей или доктора, если сочту последнее необходимым. — Робот зажужжал и вытянулся вверх. — Он в абсолютной безопасности. Я — няня.

— Ну конечно. Теперь уйди с дороги, пока я тебя не ударила. Ребенок плачет.

— Плачет, но это не ваша забота. О поведении детей я осведомлен лучше любого человека. Жалобное хныканье ребенка является лишь способом привлечь внимание. У меня нет инструкций успокаивать его.

Ребенок заплакал опять.

— Кому нужны твои инструкции? Бабушкам инструкции никто не дает.

— И у него есть дедушка, чтобы понянчиться с ним, — добавил Итан. — Ты хоть представляешь, какой путь мы проделали, чтобы заняться этим?

— И плачет он не потому, что привлекает внимание. Ему больно, и он проголодался. Думаешь, бабушка не знает?

— Болеть у него ничего не может, но если в кровать попало что-нибудь острое и если он к тому же проголодался, то плач будет звучать именно так. — Робот сгорбился и завертел головой, имитируя поведение няни. —

Видите? Я умею только следить за детьми. Это заложено во мне.

Поведение ребенка в доме изменилось, он лепетал что-то и, умолкнув, прислушивался. Потом на всякий случай разок снова захныкал.

— Мой анализ правилен. Он хочет внимания. Родители покинули его в спешке, забыв дать мне разрешение. Если я не захожу в дом, ребенок начинает...

Снова громкий плач.

Робот покрутил головой, на которой зажглась тревожная лампочка, и с запинкой заговорил:

— Я з-знаю, что делаю. Но я... я могу только сказать, что произошло в мое дежурство, и никогда не смогу сказать, что произойдет. — Он растерянно загудел. — Прогнозирование за пределами моих способностей. Ребенку больно, и он голоден. Пожалуйста, войдите и помогите мне.

Аманта с победным видом последовала за роботом в дом и направилась в детскую, шепнув на ходу Итану:

— Няни глупые. Ручаюсь, этот никогда не слышал, как орет целая куча детишек. Если один заплачет, то поддержат все.

Робот встал у них на пути.

— Вы кажетесь искренними и явно обладаете опытом. Но перед тем, как войти, запомните: не пытайтесь причинить вред существу, находящемуся в комнате. Я на связи.

— Тебя отсоединят, если не перестанешь мешать, — предупредила Аманта и, проскользнув под рукой няни, и бросилась к кровати.

— Под связью я имел в виду тревожный звонок в службу нянь; если возникнет ситуация, которую мне не удастся решить самостоятельно, оттуда пришлют помощь. В случае пожара я могу потушить огонь или вынести ребенка, не причинив вреда, даже сквозь бетонную стену.

— Давай, провались сквозь стену, — рассеянно бросила Аманта, доставая ребенка из кровати. — Малыш насквозь мокрый. Принеси мне пеленку.

Робот исполнил приказ. Когда ребенок успокоился, Аманта выпрямилась.

— Теперь нам надо его покормить.

— Они не дали мне особых указаний, а сам я принимать решения не могу. Если бы вы не пришли, я должен был бы связаться с доктором.

Аманта вручила малыша Итану.

— Подержи его, а я на кухню.

Итан подбросил внука вверх.

— Вот так! — крикнул он. — Свободное падение! Придется начать пораньше, чтобы сделать из тебя космонавта. — Робот озадаченно наблюдал за ним, а ребенок верещал от страха и восторга. — Вот бы Джимми пришел, чтобы посмотреть на нас, — приговаривал Итан, горделиво улыбаясь.

Джимми не успел вернуться первым. Раньше него прибыла полиция.

Итан подошел к окну. Далеко внизу виднелась Земля. Ему не хотелось думать о том, что находится за дверью.

— Мне плевать, что сам угодил в тюрьму. Не впервой. — Он посмотрел на Аманту. — Но, черт возьми, никогда и подумать не мог, что ты окажешься из-за меня за решеткой.

— Ты не виноват, — возразила Аманта, распрямляя спину. — Я как раз об этом размышляю. — Волосы у нее растрепались, и падали прядями на лицо. — Интересно, почему мы не подумали про это на Марсе? Разве мы не знали, что с нами сделают?

— Полагаю, что нет. — Итан задумчиво хрустел костяшками пальцев. — А ты догадывалась?

— Нет. В голове не укладывается. — Аманта нахмурилась, но это не помогло Итану понять, о чем она думает.

— Мы преступники, — жестко заявил он. — Воры.

— Я не о нас волнуюсь. Тюрьма не намного хуже Дома пенсионеров. Я думаю о нашем внуке.

— Не беспокойся. Ему они ничего не сделают. — Но тут глаза его расширились, и он вытер пот со лба. — А-а. Я понял, о чем ты.

— Птички в клетке, — сказала Аманта. — Когда он вырастет, мы еще будем здесь. Отличный способ помочь своим родным. Нам никогда не доверят его воспитание.

— Птички в клетке, — мрачно повторил Итан. словно по волшебству, лицо его собралось морщинами, и он широко улыбнулся. — Но когда-то и мы летали.

Отворилась дверь, в камеру вошел какой-то чиновник. Снаружи Итан мельком увидел охранников.

Марлоу, директор по подготовке космических пилотов для корпорации «Межпланетные сообщения», молча проследовал к столу и устало опустился в кресло. Новости он узнал поздней ночью, его уведомили одним из первых. Потерянный корабль засекли в атмосфере. Ошибка исключалась. Регулярных рейсов в ближайшие месяцы не планировалось.

— Отслеживайте его, — приказал Марлоу, и на экране за кораблем потянулись трекары. Определив место посадки, они отправили сообщение в полицию. Выбор был логичен, хотя в этом полете разумному объяснению не поддавалось ничто.

Глаза воспалились от недосыпания, но директору это казалось сущей ерундой на фоне сильнеешего психического раздражения. Погибли два старика, корабль испарился в солнечной короне, а потом оказалось, что все это неправда, и ему предстояло выяснить, почему.

Чтобы сорвать покров тайны с этой странной исто-

рии, на помощь Марлоу спешили коллеги, начиная с Демареста и кончая всеми остальными. Он успел первым и теперь спрашивал себя, сумеет ли разобраться в том, что случилось. Черт бы побрал этих престарелых чудаков.

— Итан и Аманта Хантли? — Парочка не соответствовала тому предварительному портрету, который он нарисовал для себя.

— Вы судья? — поинтересовался Итан. — Я требую адвоката. Мы знаем свои права.

— Почему вы не пускаете к нам сына? — требовательно спросила Аманта. — Я уверена, что ему до смерти хочется нас увидеть. Вы не можете держать нас вот так, взаперти.

— Прошу вас! Я пришел сразу после консультации с вашим сыном. Вы скоро его увидите. Что касается условий содержания, с вами обращаются достаточно хорошо. Большую часть времени вас обследовали врачи. Разве не так?

— Какое отношение все это имеет к нам? — с вызовом спросил Итан. — Никогда в жизни ни дня не болел. Конечно, у меня ноет спина, иногда отекают колени. И все. Мы не просили врачей. У нас есть свой на Марсе. Молодой парень, лет пятидесяти-шестидесяти.

Факты противоречили друг другу. Они и соответствовали ожиданиям Марлоу, и нет. Он затруднялся определить точно. Судя по записям, пожилая чета, если и не относилась к категории недееспособных стариков, то подошла к ней очень близко. Теперь, когда они вернули корабль в очень хорошем состоянии, правовые действия против них могли быть даже опасны. У всех есть

бабушки и дедушки, и все знают, что они ведут себя подчас неразумно. Марлоу понял, что компании надо выпутаться из этого дела, не потеряв лица.

Но как директор по подготовке пилотов для «Межпланетных сообщений» он заинтересовался стариками.

— Вы провели в космосе почти четыре месяца, — начал Марлоу. — Мало кто получает такую дозу радиации за один раз. Мы должны определить состояние вашего здоровья. Экспертиза не завершена, но, думаю, уже можно сказать, что непосредственной угрозы нет.

Поняли они или нет? Он сильно сомневался. Никто еще не утонул корабль и не пытался долететь на нем до Земли. Но, черт побери, они сделали это, посадили корабль на окраине маленького городка, и в условиях собиравшейся грозы их никто не заметил.

Все факты в его голове еще были болезненно свежи.

— Мне хотелось бы узнать кое-что из вашего прошлого, — сказал Марлоу. — Какой у вас опыт полетов на космических кораблях?

— Совершил один полет на Венеру, — ответил Итан. — И еще один на Марс. Там и остался.

Старик любил посещать отсеки управления и смотреть, как они устроены. Некоторые увлекаются такими вещами. Но они не имеют отношения к опыту полетов.

— Это происходило давным-давно, и вы являлись пассажиром. А что-нибудь поновее?

— Ничего. Только вот это последнее путешествие.

Все это не имело смысла.

— Вы уверены? Говорите честно. Поройтесь в памяти.

Когда-то старик пилотировал реактивные самолеты. Но это не то же самое, что космические корабли.

— Больше не летал, — ответил Итан. — Хотя подготовку прошел.

Марлоу об этом знал. Без подготовки никто не сумеет ни взлететь, ни сесть. Однако в официальных документах подробностей об этой важной странице жизни Итана он не нашел.

— Где вы ее проходили?

— Забыл название. Но помню каждое слово, сказанное на занятиях.

Марлоу покивал. Так всегда бывает. Ранние воспоминания свежи и отчетливы, а недавние события пролетают мимо одряхлевшего мозга, не оставляя следа.

— Вы мне так и не сказали, где.

— Про это я ничего не помню. Но курс подготовки был сильный. Я заплатил вперед, усвоил всю программу, а меня не взяли. Сказали, слишком стар.

У Марлоу перехватило дыхание, и он сжался в своем кресле, чтобы не расхохотаться. Если он правильно понял... О, Господи, значит, ангелы существуют и устраивают заочные курсы для престарелых. Только Марлоу не верил в ангелов.

— Я понимал, что уже не так проворен, как раньше, — серьезно продолжал Итан. — Не могу красиво взмыть с планеты или, как ваши пилоты, плавно совершить посадку. В этот раз мы с Амантой оказались на дальнем краю поля, далеко ото всех. Они ловили бегающего пилота, хотели помочь ему. Думаю, нас не видели. А если бы увидели, то посмеялись бы над нами. Корабль поднимался медленно и даже неустойчиво. Но все-таки взлетел.

Старик прямо лучился от гордости. Он не понимал, что навык здесь ни при чем; сработала встроенная программа безопасности, все механизмы самосохранения корабля одновременно пришли в действие. Демарест, главный конструктор, постоянно следил за разработкой стабилизирующих систем. Придется похвалить его, когда придет.

И тут директора по подготовке осенило. Если имеются стабилизирующие системы, то почему не использовать их постоянно? Конечно, все не так просто. На высоких скоростях стабилизаторы в межпланетных кораблях малоэффективны.

Сразу возникла следующая мысль. Зачем такие высокие скорости? Казалось, без них не обойтись. Атмосферу, с ее защитными свойствами, корабли покидали очень быстро. Далее при всякой возможности наращивали скорость. Замедлять ход считалось возможным только в последний момент. Иначе...

Иначе что?

Казалось, никуда не уйти от очевидного ответа: иначе измененная наследственность и неизбежные мутации. Марлоу откинулся на спинку кресла. Это — правило без исключений. И это решающий фактор, от которого зависят условия совершения межпланетных полетов. Но...

У них же есть дети!

Сердце Марлоу учащенно забилося. Как директор по подготовке, он научился с осторожностью относиться к идеям, которые на первый взгляд кажутся плодотворными. Их должно тщательно проверить. Что ж, здесь намечается новый подход, хотя рассчитывать на реаль-

ный результат пока еще нельзя. Пилот — это еще не весь экипаж, один невероятно удачный полет не может перечеркнуть опыт всех межпланетных рейсов, да и ангелы иногда берут отпуска.

— Вы не могли следить за приборами постоянно, — заметил Марлоу. — Так что у меня вопрос по навигации.

— Я мало спал, — ответил Итан. — Дремал время от времени. — Он немного подумал и посмотрел на жену. — А когда засыпал, меня подменяла Манта. — Он. — Я не специалист по навигации. Лучше у нее спросите.

— Нет! — вскричал Марлоу.

— Почему нет? Только потому что я женщина? — У нее сверкнули глаза.

— Но кто учил вас навигации?

Аманта фыркнула.

— Послушайте, молодой человек, не говорите о том, чему меня надо учить и чему не надо. — Она закрыла глаза и мысленно перенеслась обратно, на борт корабля. — Приборов и устройств многовато, но я привыкла иметь их под рукой на кухне еще до того, как мне заявили, что я слишком стара для стряпни. Во всяком случае, расчеты на бумаге мне делать не приходилось. Если выбрать правильный угол зрения, вы вроде как знаете, где находитесь.

Аманта сложила руки на груди.

— Во-первых, берете большую горсть солнечного притяжения и смешиваете ее с полной столовой ложкой гравитации той планеты, на которой вам случилось оказаться. В нашем случае это был Марс. Потом добавляете щепотку ускорения. Это позволяет вам подняться.

По мере удаления от планеты, уменьшаете содержание Марса, зато добавляете побольше Земли и еще одну щепотку Солнца, перемешиваете в уме каждый день и следите, пока не почувствуете, что получается правильно.

Она улыбнулась.

— Я никогда не увлекалась лишними замерами.

Марлоу слушал, затаив дыхание, так что грудные мышцы свело судорогой. Пока Аманта говорила, он почти верил: она знала, что делает, и справлялась с задачей, используете обычные умения и сноровку. Возможно, так и происходило. Короткие вспышки ясного сознания озаряли отупевший, затуманенный разум. И то же самое происходило со стариком. Эти проблески здравого смысла, да еще везение, позволили им уцелеть.

Корабль возвращен без повреждений. Большого он не мог и желать. И все же: это они доставили его на Землю.

Панель пневмопочты на столе громко щелкнула и выбросила пакет. Марлоу взглянул — посылка адресовалась ему. Полный медицинский доклад; долго же он шел. Но город был маленький. Хотя доктор, проводивший осмотр, считался хорошим специалистом. Марлоу об этом позаботился.

Он открыл пакет и погрузился в чтение. Закончив, он уже знал, что дело не только в везении и ангелах, помогавших старикам на взлете и в пути, не только в смутных, отрывочных воспоминаниях и никак не связанных с навигацией навыках, неведомым образом слившихся в рабочую модель управления кораблем. Все оказалось

не так запутанно. Когда они сели на Землю, никакого чуда не случилось. Они просто знали, что делали.

— Что там? — спросил Итан. — Хабеас корпус?

— Нет, — ответил Марлоу. Но в каком-то смысле Итан выразился верно — документ исключал правовое преследование пожилой четы, и ни один судья не возбудил бы против них дела. Он снова перечитал доклад.

«Никаких подтверждений умственного маразма не обнаружено, — говорилось в документе. — Микропробы мозговых клеток будто взяты у людей в возрасте сорока-пятидесяти лет. Физические реакции замедленные, но устойчивые и отвечающие нормам. Имеются и загадочные аспекты. Некоторые рядовые функции, несомненно, характерны для семидесятилетних. Другие соответствуют уровню умственного развития. Конечно, определяющее значение имеют слабеющие органы; обследуемые проживут еще лет тридцать, словно им сейчас действительно по семьдесят. Во всяком случае, способность передвигаться и выносить суждения они не утратят до самого конца. Вопрос: вы уверены, что это те самые люди, которых я обследовал? Я не обнаружил тех глубоких и неоперабельных, пусть даже и не злокачественных, новообразований, которые характерны для человека в этом возрасте».

Марлоу складывал и снова разворачивал доклад. Радиация могла убивать. Но могла и лечить. Обычная лучевая терапия. Но она не излечивала так кардинально, и ее не применяли для этих целей на стариках. Он совершил сразу два фундаментальных открытия, и оба — случайно. Сколько открытий действительно совершает-

ся случайно?

Эти двое не проживут дольше других, но проживут лучше, полностью владея своими органами чувств.

— Конечно, мы позаимствовали, в смысле, украли корабль, — неожиданно заговорил Итан, прервав размышления Марлоу. — Вы получили его обратно, но это дела не меняет. У нас есть деньги. Должно быть, их хватит, чтобы заплатить за большую часть топлива.

— В этом нет необходимости. Мы спишем его по статье расходов на эксперимент. — Марлоу постарался напустить на себя мрачный вид. Может, ему и удалось. — Мы не станем возбуждать дело, но взамен я прошу вас отказаться от пенсии и приступить к работе в «Межпланетных сообщениях».

У Итана даже суставы хрустнули, так резко он вскочил.

— Отработать горючее? Звучит справедливо. — Морщины на его лице вдруг почти исчезли — они становились не такими глубокими, когда он улыбался. — Я могу делать уборку в кораблях. Может, вы мне позволите разок совершить полет. Согласен числиться юнгой.

Их так долго считали бесполезными и ни на что не годными, что они даже не поняли, о чем он говорит. Они вовсе не впали в детство, но сами думали, что впали. На перевоспитание потребуется время.

— У меня есть задумка насчет полета для вас, — сказал Марлоу. — И Аманте придется поработать.

— Молодой человек, прошло много времени с тех пор, когда я готовила что-нибудь, кроме коржа с ягодами с канала, но вы совсем недавно видели, на что я действительно способна.

— У меня есть место как раз для вас, — заверил ее Марлоу. — Еще одно условие: не рассказывать о том, как проходил полет. Если появятся репортеры — а я думаю, они появятся — просто скажите, что мы отслеживали корабль, а потом, посоветовавшись с вами, решили отказаться от всех претензий. Понятно?

Аманта кивнула.

— Похоже, у вас будут неприятности, не так ли? За то, что охраняете корабли не так, как надо, я хотела сказать.

Он был благодарен за то, что до сих пор они обладают изощренным умом и не соответствуют своему действительному возрасту. Женщина говорила правду — могли быть неприятности. Кроме того, у компании имелись конкуренты. И к тому времени, когда они почуют, откуда ветер дует, важно иметь задел для хорошего старта. Наверняка очень немногие из стариков подойдут для его планов, хотя все они выиграют, и не только из-за изменения своего статуса.

Марлоу кивнул.

— Значит, так. Приходите завтра, и мы оформим ваше назначение.

— Кажется, вы не поняли, что мы за люди, — возразил Итан. — Мы едва успели взглянуть на нашего младшего внука. Как вы думаете, зачем мы угнали... то есть, зачем мы затеяли эксперимент с кораблем?

Марлоу смотрел, как они уходят, а когда дверь закрылась, принялся быстро писать. Скоро появятся остальные нужно подытожить все, что удалось узнать и понять.

Через полчаса Марлоу сидел и перечитывал написанное. Свои мысли он изложил на обратной стороне медицинского доклада.

«Заметка 1: изменить конструкцию нашего последнего корабля. Вместо сверхскоростной ракеты с тяжелым корпусом, требующей предельной физической силы и выносливости, понадобятся совсем другие спецификации. Проницаемость для радиации допустима».

Он усмехнулся. Демарест пригрозит подать в отставку. Это противоречит всем принципам, которые он исповедует. Но инженер изменит свое мнение, когда поймет, в чем дело.

Марлоу читал дальше.

«Максимальная скорость не должна быть высокой. Упор следует сделать на безопасности. Система управления предназначена для операторов с невысокой скоростью реакции, но их суждения и умение предвидеть ситуацию достойны доверия. Акцент на простоту.

Заметка 2: учредить новый вид услуг. Кроме высокоскоростных рейсов между планетами в период их малой удаленности, возможно создание постоянной системы грузоперевозок. Планеты станут осваиваться быстрее, если будут налажены непрерывные рейсы снабжения. Главной опорой здесь будут пожилые люди, тем более, что терапевтическая ценность такой работы для них наверняка подтвердится. Оценочное время подготовки к первому рейсу — минимум один год.

Заметка 3: набор. Не пренебрегать самыми неожиданными умениями и навыками. Они могут указывать на наличие скрытых способностей высшего порядка.

Подготовка: никакого спецкурса. Импровизируйте по ходу дела!»

Марлоу встал. Кажется, он уловил шум самолетов. Если так, у него есть кое-что для них. Придется спорить и доказывать, но он чувствовал, что готов к этому. От песка в глазах не осталось и следа. И шагать стало легче.

Но по другой причине, о которой он не написал. И не потому, что забыл.

Ему исполнилось сорок пять, и получалось, что пора начинать учиться. Станный возраст — то ли слишком молодой, то ли слишком старый. Он и надеяться не мог, что будет пилотировать современные, убийственно быстрые корабли. И не мог представить себя в неповоротливых большегрузах, которые скоро начнут снова между планетами, открывая космос для коммерции. Придется ждать, но то, что он узнал сегодня, когда-то может принести пользу. Это знание необходимо усвоить как можно лучше и упрятать на долгое хранение в глубины памяти.

Винтажное знание.

Когда он станет неуязвимым для мутагенного эффекта радиации, состарится и почти лишится сна, то завершит свою нынешнюю карьеру и начнет новую, лучше прежней.

Не забывай меня

Советник полиции подался вперед и постучал по табличке на столе, на которой значилось: Вэл Боргенезе.

— Это мое имя, — сказал он. — А вы кто?

Мужчина по другую сторону стола покачал головой.

— Не знаю, — невнятно произнес он.

— Иногда срабатывают самые простые подходы, — сообщил советник, отодвигая табличку. — Но не часто. Мы не нашли ничего такого, что помогало бы более чем в нескольких процентах случаев. — Он задумчиво прищурился. — С именами трудно. Имя как одежда, то снял, то надел, оно узнаваемо, но не является неотъемлемой частью личности. Его забывают первым и вспоминают последним.

Человек без имени не ответил.

— Попробуйте уменьшительные имена, — предложил Боргенезе. — Не ждите какой-то уверенности, просто назовите наугад, какое придет в голову. Может, именно так вас в детстве звали родители.

Человек глянул рассеянно, закрыл глаза на секунду, снова открыл и что-то промямлил.

— Как? — переспросил Боргенезе.

— Путси, — повторил незнакомец уже отчетливее. — Единственное, что пришло в голову — Путси.

Советник улыбнулся.

— Оно, конечно, уменьшительное, но сильно не может. Мы не сумеем отследить его, и вам, я полагаю, оно не подойдет в качестве постоянного. — Заметив, как изменилось лицо незнакомца, он поспешно добавил: — Мы не отказываемся, если вы об этом подумали. Но установить вашу личность нелегко. Самый важный источник информации — ваш мозг, а он оказался на уровне двухлетнего ребенка, когда вас нашли. Тот факт, что вы вспомнили имя «Путси», весьма показателен.

— Отпечатки пальцев, — неуверенно произнес человек. — Вы можете установить, кто я, по отпечаткам пальцев?

— Еще одна зацепка, — заметил советник. — Не сами отпечатки пальцев, а тот факт, что вы о них подумали. — Он что-то бегло записал. — Надо будет проверить эти пленки по переобучению. К нашему времени они могли устареть, мы так долго ими пользовались. Опять же, может случиться, что ваш мозг отказывается воспринимать нужную информацию.

Незнакомец собрался было возразить, но Боргенезе перебил его.

— Отпечатки пальцев служили обычным способом идентификации в двадцатом веке, а теперь двадцать второй.

Советник откинулся в кресле.

— Сейчас вы смущены, растеряны. Получили массу информации и пока не знаете, как ее использовать. Получили в сжатые сроки, и мозг не успел ее полностью усвоить и разложить по полочкам. Иногда помогает, если человек рассказывает о своих проблемах.

— Я не знаю, есть ли у меня проблемы. — Мужчина по другую сторону стола медленно провел ладонью по глазам. — С чего начать?

— Позвольте мне сделать это за вас, — предложил Боргенезе. — А вы будете задавать вопросы, когда захотите. Это вам поможет.

Советник выдержал паузу и начал:

— Две недели назад вас нашли в Приюте. Знаете, что это такое?

Мужчина кивнул, и Боргенезе продолжил:

— Это кров и пища для всех, кто в них нуждается. Без излишеств, конечно, но ничего не надо просить и никому не надо обращаться; вы просто приходите и занимаете место, где будете спать, а пища доставляется периодически. Там частенько оставляют людей, которых подвергли ретрогрессии.

Мужчина без имени поднял глаза.

— Ретрогрессии?

— Сленг, — пояснил Боргенезе. — Регрессионное оружие ионизирует животные ткани, в особенности нервные клетки. Наведите его человеку на ноги, и циркуляция энергии в нервах в этом месте прекратится, и мускулы перестанут его держать. Человек упадет.

Нацельте в голову и выпустите самый слабый заряд, и последние воспоминания начисто сотрутся из памяти. А если выстрелить зарядом полной мощности, то человека отбросит до детского или младенческого уровня. Конкретный уровень, до которого он опустится, зависит от его физических и психических кондиций в момент регрессии.

Теоретически, регрессионным оружием можно убить, если отбросить человека на ту ступень, где уровень нервной организации недостаточен для поддержания жизненных процессов.

Как бы там ни было, человек упорно цепляется за жизнь. Оказавшись на низших уровнях, он накапливает энергию, черпая ее, откуда только можно. Большинство людей, стремящихся от кого-то избавиться, довольствуются тем, что оставляют свои жертвы на уровне от одного года до четырех лет. Практически эти несчаст-

ные все равно, что мертвы — или регрессированы, как у нас говорят.

— Значит, вот что со мной сделали, — произнес мужчина. — Они меня регрессировали и оставили в Приютах. Сколько времени я там провел?

* * *

Боргенезе пожал плечами.

— Кто знает? В том-то и сложность. День... два месяца. Ребенок двух-трех лет способен есть самостоятельно, никаких записей не производится, потому что место свободно для посещения, уборка делается автоматически.

— Теперь, когда вы рассказали, я узнаю это место, — сказал мужчина. — Вот только вспомнить его трудно.

— Видите ли, в чем дело, — рассуждал советник. — Мы не можем сопоставить наши файлы с датой исчезновения какого-либо человека, потому что дата находится в пределах очень широких временных рамок. — Он постучал ручкой по столу. — Не возражаете, если я спрошу?

— Давайте.

— Сколько людей проживает в Солнечной системе? С тихим отчаянием на лице мужчина задумался.

— От четырнадцати до шестнадцати миллиардов. Советник казался довольным.

— Правильно. Вы начинаете использовать некоторую заново полученную информацию. Земля, Марс и Венера — главные населенные центры. Есть еще Меркурий, спутники Юпитера и Сатурна, а также астероиды. Мы можем попробовать найти сведения о том, откуда вы

взялись, но мест и людей столько, что сами можете догадаться о результатах.

— Должен же существовать какой-то способ, — с горечью произнес человек. — Картинки, отпечатки пальцев, что-нибудь.

— Что-нибудь, — покивал Боргенезе. — Возможно, но не очень скоро. Вы знаете, есть еще одно обстоятельство. Вы можете испытать шок, но надо посмотреть правде в глаза. Самое забавное в том, что как раз сейчас вы готовы к этому лучше всего.

Он откинулся на спинку кресла.

— Возьмем среднего человека, исполненного неосознанных тревог и страхов и при этом, возможно, успешного и даже счастливого. Используйте против него репрессивное оружие. Напряжение и расстройства исчезнут.

Останется взрослое тело, но оно пустое и ждет наполнения. Жизнь организма меж тем продолжается, но он уже не тот. Морщины на лице разглаживаются, его выражение меняется до неузнаваемости, и там, и тут по всему телу идет рост новых клеток. Понимаете, что это значит?

Мужчина помрачнел.

— Предполагаю, меня никто не узнает.

— Правильно. И меняется не только ваше лицо. Вы можете стать выше, но никогда — ниже. Если были седы, то волосы потемнеют, но не наоборот.

— Значит, я помолодел?

— В каком-то смысле, хотя на самом деле это вовсе не омоложение. Сверхнапряжение, который каждый носит в себе, исчезло, и тело просто приходит в норму.

Вообще, в таких случаях люди выглядят моложе. Мужчина средних лет кажется сбросившим от трех до пятнадцати лет. Сейчас вам на вид около двадцати семи, хотя на самом деле, возможно, все сорок. Заметьте, мы даже не знаем, в какой возрастной группе вас искать.

И с отпечатками пальцев то же самое. Регрессивные процессы меняют их. Не совершенно, но значительно. Достаточно, чтобы сделать идентификацию невозможной.

Безымянный незнакомец обвел взглядом комнату и Вэла Боргенезе, человека лет пятидесяти, спокойного и приятного, больше похожего на советника, чем на полицейского, посмотрел в окно на линию горизонта, на точно обозначенные уровни движения воздушного транспорта.

Где его место в этом мире?

— Думаю, все бесполезно, — невесело произнес он. — Вы никогда не узнаете, кто я.

Советник улыбнулся.

— Надеюсь, узнаем. Напрямую мы мало что можем найти, но есть и опосредованные методы. За последние две недели мы сообщили вам все систематизированные знания, которые могут быть записаны на пленку — по физике, химии, биологии, математике, астрономии, прикладным видам деятельности.

Вспомнить, кем вы были, легко. Это не обучение, а способ узнавания себя. Один факт цепляет в вашем мозгу другой и извлекает его на свет. Существуют, конечно, ограничения, но обычно после переобучения че-

ловек выходит отсюда с заметно более прочными знаниями, чем имел в прошлой жизни. — Советник раскрыл папку, лежавшую на столе. — Вы выполнили массу тестов. Цели вы не знали, но сейчас я могу сообщить результаты.

Он не спеша переворачивал страницы.

— Вы вполне могли являться предпринимателем. У вас отлично развито чувство властной этики. Вдобавок мы установили, что вы в отличной физической форме, и ваши реакции хорошо скоординированы. Это указывает на то, что вы могли быть атлетом или спортсменом.

Вэл Боргенезе положил тесты на стол.

— Беседуя с вами, я узнал больше. Замечание, сделанное вами про отпечатки пальцев, позволяет предположить, что вы изучали историю и специализировались на двадцатом веке. Вряд ли кто-то другой знает, что было время, когда отпечатки пальцев служили основным способом идентификации.

— Получается, я крутой парень. Бизнесмен, спортсмен, историк. — Мужчина горько улыбнулся. — И все-таки до сих пор не знаю, кто я. И вы не можете мне помочь.

— Разве это важно? — мягко спросил советник. — Такое случается со многими людьми, знаете ли, и многие из них в конце концов узнают, кем были, с нашей помощью или без нее. Но это не просто амнезия. Ни один регрессированный не сумел полностью восстановить свою прежнюю личность. Конечно, если бы у нас имелись описания факторов, которые повлияли на складывание вашей идентичности... — Он пожал плечами. —

Но их не существует. В самом деле, кто знает причины, по которым человек развился именно так, а не иначе? Большая часть таких факторов действует на уровне бессознательного. Если вы сумеете узнать, кем были, то в лучшем случае вам придется возвращаться к прежней деятельности и знакомствам медленно, трудно, через боль.

Возможно, будет лучше начать все с чистого листа. Вы знаете не меньше, чем прежде, и информация свежая, правдивая и неискаженная. Вы моложе, в смысле, вы в лучших физических кондициях, не такой напряженный и нервный. Начните с этого.

— Но у меня нет имени.

— Выберите себе временное. Потом сделаете постоянным, если подойдет.

* * *

Мужчина молчал и думал. Потом поднял взгляд. В глазах его отчаяние уступило место неприятию того, что сказал советник.

— Какое выбрать? Я знаю только ваше, да имена исторических деятелей.

— Это произвольно. Мы не записываем имена на пленку, потому что можем ввести вас в заблуждение. У каждого тысячи ассоциаций, и он может по ошибке взять имя выдающегося ученого. Имена, которые приходят бессознательно, обычно вообще бесполезны.

— Что же мне делать? — спросил мужчина. — Если я не знаю имен, то как могу выбирать?

— У нас есть список специально для этого случая. Просмотрите его — не спеша и вдумчиво. Когда найдете

то, которое вам понравится, берите его. Если натолкнетесь на имя, которое вызовет воспоминания, или вам покажется, что оно на это способно, дайте мне знать. Возможно, это ниточка, которую я смогу использовать.

Мужчина устался на советника. Он мыслил быстро, но беспорядочно. Мог отследить длинную цепочку рассуждений и вдруг споткнуться о простой факт. Должно быть, советник знал, о чем говорит, ведь его случай — не какой-то особенный. Методы, которые использует полиция для работы с ним, оправданы огромным опытом. И все же он чувствовал, что они ошибочны, но в чем — сформулировать не мог.

— Думаю, придется согласиться, — наконец произнес он. — Сам я ничего поделать не могу.

Советник покачал головой.

— Мы ничего не можем поделать. Подсказки заключены в структуре вашего мозга, а у вас туда доступ лучше, чем у нас. Читайте, смотрите, думайте. Вдруг увидите свое имя. Оно может там оказаться. — Он помолчал. — Конечно, если вы намерены продолжить.

В устах советника полиции эти слова звучали странно.

— Конечно, я хочу узнать, кто я, — удивился мужчина. — Почему же нет?

— Я предпочел бы не говорить об этом, но вам следует знать. — Боргенезе с недовольным видом зашевелился в кресле. — Одна треть всех случаев утраты личности, которыми мы занимаемся, вызвана самострелами. Другими словами, это самоубийства.

В голове еще долго шумело от имен, когда он, наконец, выбрал и отложил лист в сторону. Привлекательные имена и странные, но какое из них имело для него значение — он определить не сумел. Чувствовал, что они теснее связаны с жизнью, чем все знания, записанные на пленки, которыми его пичкали. Это был не только выбор имени. Он получал опыт, которого ему не хватало. Для него мир персональных реакций начался две недели назад — срок явно недостаточный, чтобы точно знать, чего хочешь.

Он сел и обвел взглядом небольшую, но уютную комнату. Пока он проходит ретротерапию, на какую-то свободу рассчитывать не приходится.

Он пытался перебрать варианты. Можно устроиться на работу и адаптироваться к какому-то образу жизни.

На какую работу?

Он обладал обычными сведениями о жизни в обществе, но выдающихся технических способностей у него не нашли. Обнаружили талант к предпринимательству, но без капитала этот путь для него закрыт.

Разум и тело пребывали в пустоте и ждали. В ближайшие несколько месяцев, чем бы он ни занялся, потребность наполнить жизнь хоть каким-то содержанием станет его главным мотивом.

Чем больше он размышлял, тем острее чувствовал, что должен узнать, кто же он такой. Иначе формирование новых впечатлений и мнений выльется в предательство самого себя.

Допустим, что случилось худшее, и он стал самоубийцей. Возможно, он ушел из прошлой жизни осознанно и добровольно. Самоубийство прятало человека так, что

он сам не смог бы узнать, какие причины привели его к такому шагу. Если б он жил на Земле, то улетел бы на Марс или Венеру, чтобы избавиться от своей неудавшейся жизни. Можно назвать несколько дюжин предосторожностей, которые предпринял бы каждый.

Но если это не самоубийство, то кто его регрессировал и почему? На этот вопрос он сейчас ответить не мог — ну и не надо. Когда он узнает, кем был, мотивация прояснится; если не узнает, то у него, по крайней мере, будет базис, с которого можно будет начать расследование.

Если некто регрессировал его намеренно или случайно, то этот человек наверняка тоже принял меры. Разница в следующем: будучи самоубийцей, он мог поехать куда угодно, чтобы свести счеты с прошлой жизнью и начать заново; а злоумышленнику пришлось бы его заманивать в отдаленное место, что выполнить нелегко, либо везти безвольное или обеспамятевшее тело неизвестно куда, что тоже непросто.

Значит, если он не самоубийца, то у него хорошие шансы, что разгадка спрятана в этом городе. Можно начать с этого умозаключения — больше у него ничего нет.

Ему разрешили оставаться для ретротерапии сколь угодно долго, но ограничение свободы его не устраивало. Первым делом следовало выйти на волю. Он принял решение и сразу почувствовал себя лучше. Включил экран.

Боргенезе поднял взгляд.

— Привет. Вы выбрали?

— Думаю, да.

— Хорошо. Давайте. В каком-то смысле, это связано с вашей прошлой жизнью, хотя связь может оказаться такой отдаленной, что мы не сумеем проследить ее. И все-таки это кое-что.

— Луис Обиспо, — произнес он.

* * *

Записывая имя, советник полиции выглядел озадаченно.

— Оно необычное и, в то же время, простое. Произношение имени несколько необычное, но людей с фамилией Обиспо в Системе бесчисленное множество.

Это показалось мужчине любопытным. Он уже почти думал о себе, как о Луисе Обиспо. Он хотел быть этим человеком.

— Еще одна вещь, — сказал он. — Когда меня нашли, у меня имелись при себе деньги?

— Подумываете о том, чтобы уйти? Очень многие так и делают. — Щелкнув замком, Вэл Боргенезе раскрыл папку. — У вас имелись деньги, средняя по размеру сумма. Бизнес вы с ней не начнете, если думаете об этом.

— Я не думал. Каким образом?

— Вот и правильно. — Советник сделал себе еще одну пометку. — Я распоряджусь, чтобы касса выдала; можете получить в любое время. Кстати, вам выдадут полную сумму, без всяких вычетов.

Новость звучала приятно, особенно если учесть, что его ждало впереди.

Боргенезе тем временем продолжил:

— Чем бы вы ни занялись, держите нас в курсе. Пона-

добиться время, чтобы зарегистрировать ваше имя, и, скорее всего, мы выпишем вам пропуск. Возможно, мы выясним нечто, имеющее значение. Если вы настроены серьезно, а я думаю, что это так, то в ваших интересах справляться о расследовании ежедневно.

— Я настроен серьезно, — заверил Луис. — Буду держать вас в курсе.

Собирать оказалось нечего. Одежду, которую он носил, предоставила полиция. Вполне нормальная, на улице никто не обратит внимания. Сойдет, пока он не сумеет позволить себе что-то лучше.

Он спустился в кассу и забрал деньги. Оказалось больше, чем он ожидал; рядовой гражданин не носит такой суммы в кармане. Эта мысль мелькнула в голове, пока он расписывался в получении и выходил из отделения ретротерапии. Советник сказал, что сумма средняя, но оказалось совсем не так.

Он стоял на вечерней улице и пытался сориентироваться.

Может, в количестве денег и нет ничего удивительного. Может, для попадающих в отделение ретротерапии оно среднее. Боргенезе говорил о большой доле самоубийц. Эти люди хотели бы начать заново без страхов и тревог, но не полностью безденежными. Если раньше у него водились деньги, то он захотел бы забрать их с собой, пусть и не такую большую сумму, которую можно отследить — иначе весь замысел пошел бы насмарку.

Выстраивалась логичная модель: самоубийство совершали люди, имевшие при себе значительные суммы денег. Этот факт объяснял точку зрения, которой явно придерживался Боргенезе.

Луис Обиспо стоял в нерешительности. Хочет ли он знать? Он сжал губы — да, хочет. Что бы там ни говорил Боргенезе, существовали другие способы объяснить происхождение его денег. И один из них такой: он являлся важным человеком, привычным к обращению с крупными денежными суммами.

И он пошел. Небольшой город с населением в несколько сотен тысяч человек располагался на крайнем юге побережья Калифорнии. За последние дни он изучил карты города и знал, куда идет.

* * *

Когда он добрался до места, Приюты окутывала тьма. Мужчина сам не знал, что ожидал увидеть, но только не это. Поразмыслив, он понял, что не имеет ясного представления, зачем пришел. Возможно, его привлекал сам факт существования Приютов, обозначавший достижение экономического уровня, на котором совсем немногие люди по прихоти или по нужде могли прийти сюда и воспользоваться благами, которые предоставлялись бесплатно.

Он обошел район. Его обнаружили в одном из приютов — в котором, он не знал. Возможно, следовало ознакомиться с записями, прежде чем идти сюда.

Нет, лучше так. Он был уверен, что зацепка вряд ли существует. Приходилось полагаться на тело и разум, но не в обычном смысле. Он обладал особой чувствительностью к впечатлениям, полученным ранее, переобучение в ходе терапии подтвердило это; но если он пытался принуждать себя, то мог впасть в заблуждение. Самый мудрый путь — реагировать естественно, почти

безвольно. Он без труда узнает приют, в котором его нашли. И оттуда начнет возвращение назад.

Так он рассчитывал, но ничего не происходило. Он обогнул район по кругу, и ничто не вызвало даже смутного воспоминания.

Придется подойти поближе.

Мужчина пересек улицу. Планировка Приютов была проста: район длиной в два квартала и шириной в один, густо засаженный кустами и невысокими деревьями. В центре располагалось длинное строение, в плане напоминавшее букву «S» и поделенное на множество небольших жилых помещений.

Луис прошел вдоль одного крыла здания, повернул за угол, снова повернул. Стояла почти полная тьма. Он подумал, что из-за нее, наверное, ничего не чувствует. Но чувства его обострились сильнее, чем он осознавал. За спиной что-то хрустнуло, и он инстинктивно прыгнул вперед и прильнул к земле.

Рядом с ним низко на стене появилась розовая точка. Кто-то целился ему в ноги. Краска негромко потрескивала, потом точка исчезла. Он быстро откатился в сторону.

Мимо него мелькнуло и обрушилось на то место, где он только что лежал, темное тело. Послышался возглас удивления. Это мог быть только грабитель, но он явно не ожидал, что жертва окажется такой шустрой. Луис протянул руку, ухватил нападавшего за ногу и потащил на себя. В боковую часть головы тут же уперся твердый предмет; он схватил и его.

На ощупь предмет оказался знакомым — пистолет. Он вырвал его у противника. Никакое это не ограбление! Нет уж, хватит регрессий, он свое уже получил. Пусть теперь кто-нибудь другой. Он оказался физически сильнее нападавшего. Скрутил его и прижал сопротивляющуюся фигуру к земле.

Именно фигуру, лучше слова не найдешь. Женщину, да еще какую; даже в темноте он ощущал все ее тело.

Теперь она старалась высвободиться, и он навалился на нее всем своим весом. Одежда ее порвалась, и он лицом чувствовал женскую плоть. Замахнулся было рукоятью пистолета, но передумал и принялся шарить в поисках фонарика. Трудно оказалось и искать, и удерживать.

— Успокойся, а то я тебя вырублю, — прорычал он.
Женщина затихла.

Обнаружив фонарик, он посветил ей в лицо. Оно оказалось приятным, но совершенно незнакомым. Он не мог оторвать от него глаз. Верхняя одежда изорвана, то, что под ней — тоже.

— Насмотрелся? — холодно спросила она.

— Скажем так — еще нет. — Ему не удалось придать голосу равнодушную интонацию — не справился с собой.

Она сердито косилась на фонарик, светивший прямо в глаза.

— Я знала, что ты вернешься, — сказала женщина. — Думала, что подстерегу тебя прежде, чем заметишь, но ты слишком быстрый. — У нее задрожали губы. — На этот раз сделай это навсегда. Я не хочу больше так мучиться.

Он отпустил ее и сел, выпрямившись. Луис тоже дрожал, но по другой причине. Убрал луч фонарика от ее глаз.

— Никогда не задумывалась, что можешь ошибаться? — спросил он. — Ты не единственная, с кем это случилось.

Женщина лежала и, щурясь, смотрела на него — глаза привыкали к измененному освещению. Повозилась с обрывками платья, которые не желали оставаться там, куда она пыталась их приладить.

— Ты тоже? — спросила она, почти не удивляясь. — Когда?

— Они нашли меня здесь две недели назад. Сегодня я впервые сюда вернулся.

— Шаблоны, — произнесла она. — В том, что мы делаем, всегда присутствуют шаблоны. — По лицу женщины он видел, что ее отношение к нему резко переменялось. — Я отсутствовала на три недели дольше. — Она тоже села и оказалась близко к нему. Не похоже было, что она думает о том же, что и несколько минут назад.

Луис встал и помог ей подняться на ноги. Женщина стояла так близко и совсем не пыталась отстраниться. Как раз этой темы Боргенезе не касался, и в курсе переобучения не содержалось ничего, что могло подготовить его к таким ощущениям, но они ему нравились. Он различал ее не очень хорошо, тем более, что фонарик светил в сторону, но женщина почти касалась его.

— Получается, мы в одинаковой ситуации, — вздохнула она. — Я одинока и немного напугана. Пойдем ко мне и поговорим.

Он последовал за женщиной. Она свернула к помещению, которое наружно ничем не отличалось от других. Но внутри все оказалось иначе. Луис не смог бы сказать, что в нем особенного, знал только, что нашли его не здесь.

Изорванное платье волновало его, хотя ему вовсе не хотелось, чтобы она подколола лоскуты на место. Пленки в отделении ретротерапии не слишком открывенничали насчет женских прелестей, но, казалось, он знает, о чем там умалчивалось.

Женщина поняла его взгляд и улыбнулась. В улыбке читалось не приглашение, а требовательный призыв, и он, не задумываясь, подчинился. Она скользнула в объятия и поцеловала его. А Луис радовался упущениям системы переобучения. Есть вещи, которые мужчина

должен постичь самостоятельно.

Посмотрев ему в лицо, женщина спросила:

— Может, назовешь свое имя? Хотя в нашем случае это ничего не значит.

— Луис Обиспо, — сказал он, не разжимая объятий.

— Мне труднее пришлось, я смогла выбрать только два дня назад. — Она снова поцеловала его, крепко и страстно. Это дало ей достаточно времени, чтобы выхватить пистолет у него из кармана.

Ствол уперся ему в ребра.

— Назад, — велела она и оттолкнула Луиса.

* * *

Луис ошеломленно уставился на нее. По разным причинам эта женщина оказалась такой желанной, что он и представить себе не мог. Он был уверен, что ее чувства настоящие, а не притворство с целью завладеть пистолетом. Но за какую-то долю секунды она снова изменилась. Лицо исказилось от усилия держать себя в руках.

— Что случилось? — спросил Луис. Он старался говорить мягко, но получалось не очень. Регрессивный процесс обострил все его чувства — и это чувство тоже.

— Имя, на котором я в конце концов остановилась — Луиза Обиспо, — сообщила она.

Он вздрогнул. То же самое имя, только женское! Он и не смел на такое надеяться. Зацепка, ключ — вот эта девушка, к которой он сразу почувствовал любовь с первого взгляда, и это чувство очень многое значило для него, потому что пленки его не называли и ничего о нем

не рассказывали.

— Может, ты моя жена? — робко предположил Луис.

— Не надейся. — Голос ее звучал устало. — Лучше бы нам оставаться чужими, тогда не будет иметь значения, что мы делали. А теперь слишком много факторов, и я не могу выбрать.

— Должен быть выбор, — возразил он. — Смотри: одно и то же имя, близость времени и места событий, и нас сразу потянуло...

— Уходи прочь, — потребовала она, и пистолет не дрогнул в ее руке. Подобные просьбы опасно игнорировать. И Луис ушел.

Она совершила ошибку, грубую ошибку, прогнав его. Он не мог объяснить, откуда это знал, но знал наверняка. Не мог предоставить доказательств, а она, судя по всему, не хотела верить неподтвержденным словам.

Луис обессилено прислонился к двери. Вот как бывает. Регрессия оставила его со взрослым телом и обостренным восприятием. Потом наступила жажда полной жизни. Он обладал массой знаний, но они не затрагивали эту сферу человеческих отношений.

Слушая, как женщина двигается внутри дома, Луис испытывал эмоциональное разочарование. Здесь присутствовало не только растревоженное сексуальное желание, хотя и оно играло свою роль. Они знали друг друга раньше — подтверждением служило немедленное влечение, не говоря уже об именах. Господи, он отдал бы свою неведомую личность, только чтобы обладать ею. Ну почему он не выбрал другое имя — любое другое имя, и все было бы в порядке.

Дело не в том, что она стала первой женщиной, которую Луис увидел или повстречал снова. В отделении служили медсестры, и некоторые из них хорошенькие, но он не обращал на них внимания. А Луиза Обиспо являлась частью его прошлой жизни, хотя он не знал, какой частью. Взаимное влечение возникло сразу, но пока он не выяснит, почему, ему отказано в удовлетворении желаний.

С очень острого угла и только со строго определенно-го места он сумел увидеть, что в ее жилище еще горит свет. Лампа светила тускло, и если человек не знал, что внутри кто-то есть, то мог пройти мимо и ничего не заметить.

Его недавние наблюдения за Приютами оказались неверны. Каждое жилище могло быть занято, и выяснить наверняка удалось бы только путем поквартирного осмотра.

Луис размял ноги. Женщина являлась ключом к его ситуации, но сам ключ оказался еще более волнующей загадкой. Хотя его идентичность важна, он может построить другую жизнь, без нее, и эта новая жизнь будет ничуть не хуже той, из которой его насильно удалили.

Может, он и преувеличивал, хотя сам так не считал. В его новой жизни должно быть место для этой женщины.

Луиса не обучили справляться с эмоциями. Оступаясь, он побрел прочь от двери, нашел себе незанятое жилище, вошел, и, не включая свет, лег на кровать.

Утром он уже знал, что бывал здесь раньше. Сам о том не подозревая, он в темноте безошибочно выбрал нужное помещение. В этой комнате его регрессировали. Именно здесь его нашла полиция.

* * *

С экрана на него сонно смотрел советник.

— Хотел бы я, чтобы люди не проявляли столько энергии, — пожаловался он. Потом присмотрелся внимательнее, и всю сонливость как рукой сняло. — Вижу, вы его сразу нашли.

Луис и сам про это знал, потому что существовало отличие от помещения, в котором жила Луиза, пусть и не очень заметное, но ощутимое, во всяком случае, для него. Советник наверняка обладал феноменальной памятью, раз отличил его Приют от сотен других, почти таких же.

Боргенезе заметил выражение его лица и улыбнулся.

— У меня нет фотографической памяти, если вы об этом подумали. Просто на приемнике, через который вы со мной связались, есть номер, и он высвечивается на моем экране. Вам этого не видно.

Луис подумал, что полиция должна располагать чем-то похожим.

— Почему вы мне сразу не сказали, до того, как я ушел?

— Мы решили, что вы наверняка найдете это место самостоятельно. Обычно регрессированные с этим справляются. Лучше самому сделать это. Наша цель — заставить вас восстановить свою личность. Если бы мы

знали, кто вы, то могли бы разработать программу, которая позволит вам быстрее достичь цели. Но пока, если мы начнем чрезмерно помогать вам, вы станете марionеткой того человека, который дает вам советы.

Луис кивнул. Оставить человека с его взрослым телом и разумом один на один с проблемами, тревожащими его, и пусть придет ко взрослым решениям. Может, так и лучше.

Но он связался с советником не для этого.

— Здесь, в Приютах, еще кое-кто живет, — сообщил Луис. — Вы ее нашли на три недели раньше, чем меня.

— Значит, вы с ней уже встретились? Прекрасно! Мы на это рассчитывали. — Боргенезе ухмыльнулся. — Дайте-ка я попробую описать ее. На вид около двадцати трех лет; это значит, первоначально ей было от двадцати шести до тридцати восьми, и ростом, возможно, пониже. Красивое тело, как вы, наверное, заметили, и потрясающее лицо. В настоящий момент она сексуально озабочена, но страшного ничего нет — с вами то же самое.

Взглянув на лицо Луиса, советник поспешил добавить:

— Вам не стоит беспокоиться. Проведите параллель с вашим собственным опытом. В отделении ретротерапии вокруг вас вилась целая стая хорошеньких медсестер, но я сомневаюсь, что вы обратили на них внимание, как на женщин. Для человека в вашем положении это нормально, и для нее тоже.

— Работает это так: вы оба не уверены в себе и не можете реагировать на тех, кто контролирует свои эмоции. Когда вы встречаете друг друга, то чувствуете, что

здесь никакие ограничения не нужны, и вы можете свободно проявить свои истинные чувства.

Боргенезе широко улыбнулся.

— В настоящий момент вы двое — единственные, кто подвергся регрессии сравнительно недавно. У вас не будет конкурентов месяцев шесть или около того, пока вы не начнете чувствовать себя комфортно в новой жизни. А потом разберетесь, насколько вы действительно нравитесь друг другу.

Само собой, завтра или уже сегодня мы можем обнаружить в Приютах еще кого-то. Если это будет мужчина, то вам придется проявить бдительность; если женщина — то у вас образуется избыток подружек. Как бы там ни было, я думаю, что вам повезло.

Да, ему повезло — если дела обстояли именно так. Еще вчера он отверг бы подобную перспективу, но сегодня уже готовился ее принять, если она возникнет.

— Кажется, вы не понимаете, — сказал он. — Она выбрала такое же имя, как у меня.

Улыбка быстро исчезла с лица Боргенезе, и он нахмурился. Долго сидел, мрачно уставившись с экрана.

— Напрасно вы сказали мне про это перед завтраком, — наконец проворчал он. — Вы уверены? Когда она уходила, то имени себе еще не выбрала.

— Уверен, — ответил Луис и детально рассказал о минувшей ночи.

Не говоря ни слова, советник сидел по ту сторону экрана.

* * *

Луис ждал, пока терпение не кончилось.

— Теперь вы можете отследить нас, — сказал он. — Одного человека найти трудно, но двоих с почти одинаковыми именами наверняка можно, даже среди шестнадцати миллиардов. Где-то пропали два человека. Вы сумеете с этим разобраться.

Лицо советника не изменилось.

— Понимаете, если бы вас убили, то мы смогли бы найти того, кто сделал это. Не стану рассказывать, как, но будьте уверены, ему не удалось бы спрятаться. За последнюю сотню лет не случилось ни одного нераскрытого убийства.

Он закашлялся и отвернулся от экрана. Когда советник снова посмотрел на Луиса, лицо его уже стало спокойным.

— Я не обязан объяснять вам так много. Нарушаю правила только потому, что ваш случай и случай с этой девушкой не похожи ни на один, известный мне ранее. — Он осторожно подбирал слова. — Слушайте. Я скажу один раз и повторять не буду. Если вы попытаете уличить меня, то я стану все отрицать, а полицейское управление — все до последнего человека — подтвердит мои слова.

Советник закрыл глаза, словно хотел внутренним взором увидеть те тезисы, которые собирался изложить.

— Если мы можем схватить убийцу, как бы умен он ни был, то это облегчает установление личности жертвы, оставшейся в живых. Это так. Но мы никогда этого не делаем. Хотя, если жертва сама находит преступника, мы не возражаем.

Если я попрошу о помощи другие департаменты полиции, они не станут помогать. Если решение лежит в области, в которой я обладаю юрисдикцией, и я выясню, кто несет ответственность, то меня уволят еще до того, как я возбужу преследование этого человека.

Онемевший от изумления Луис уставился на советника.

— Значит, вы ничем не занимаетесь, — неуверенно проговорил он. — Вы мне лгали. Вы не намерены ничего делать.

— Вы переутомлены, — мягко заметил Боргенезе. — Если бы вы только знали, сколько усилий мы ради вас предпринимаем... — Он вздохнул. — Мой вам совет: если не можете уговорить девушку, забудьте ее. Если ситуация станет эмоционально невыносимой, дайте мне знать, и я смогу устроить перевод в другой город, где, вероятно, найдутся другие, более... гм, совместимые.

— Но она — моя жена, — упрямо возразил Луис.

— Вы уверены?

На самом деле Луис не был уверен, но ему хотелось, чтобы она стала женой или согласилась на один из близких вариантов. Он объяснил советнику.

— Как она сама говорит, существует множество факторов, — прокомментировал Боргенезе. — Я бы предложил обследование. Это сможет отместить некоторые из ее возражений.

Об этом Луис не задумывался, но охотно поддержал идею.

— Что это даст?

— К сожалению, немного. Оно подтвердит, сможете ли вы двое иметь нормальных здоровых детей, но не

даст сведений о том, не являетесь ли вы членом ее генетической семьи. И, конечно, обследование не касается вопросов правовой семьи — двоюродные братья, сестры и все такое. Я не думаю, что она согласится на это.

Вряд ли согласится. Он видел ее совсем недолго, но все же узнал достаточно. Луис находился в двусмысленном положении: мог принимать внезапные решения, по его убеждению, правильные, но о фактах ему приходилось только догадываться. Они с девушкой являлись жертвами, а полиция отказывалась помочь им тем единственным способом, который только и мог дать ощутимый результат. И у полиции имелись официальные причины для такой позиции, или ей так казалось.

Луис в точности изложил советнику все, что думал по этому вопросу.

— Достаточно тяжелое положение, — согласился советник. — В таких делах, если уж они случаются, часто наблюдаешь невероятную степень сложности.

Если они случаются! Луис протянул руку и выключил экран. Тот прерывисто замигал — советник пытался возобновить сеанс связи. Луису не хотелось больше говорить с этим человеком; беседа стала для него мучительной, а Боргенезе не мог добавить ничего, кроме пошлостей, разжигающих его гнев. Он раскрыл заднюю панель на приемнике, выдрал кабель, и экран погас.

В открывшемся углублении лежал спрятанный предмет. Изящный, небольшой, зловещего вида регрессионный пистолет.

* * *

Достав его, он осторожно взвесил оружие на ладони. Теперь у него есть еще кое-что, чтобы продолжить! Конечно, это тот самый пистолет. Его использовали против него, Луиса, а потом спрятали в панель позади экрана.

Хорошее место для тайника. Экран никогда не ломался, не требовал регулировки, роботы-уборщики, появлявшиеся из стен, никогда за ним не убрали. Полиции полагалось его найти, но она туда не заглянула. Он горько усмехнулся. Полиция не заинтересована в раскрытии преступлений, она только смягчает их последствия.

Полиция найти не сумела, а он нашел. Оружие приведет его к человеку, который им владел, и этот человек даст ему информацию. Луис медленно повернул пистолет другой стороной — обычное оружие, таких бесчисленное множество.

Закончив одеваться, он опустил пистолет в карман. Вышел наружу и посмотрел через двор. Поколебавшись, подошел к двери и постучал.

— Занято, — ответила дверь. — Но жилец вышел. Точное время возвращения не заявлено, но он вернется вечером. Оставьте сообщение?

— Нет, — ответил Луис. — Я приду еще раз, когда она будет дома.

Он надеялся, что Луиза не откажется поговорить с ним. Она прошла ретротерапию раньше него и, возможно, проводит собственное расследование — очень похоже, что сейчас этим и занята. Что бы там ей ни удалось узнать, это поможет ему, и наоборот. Человек, регрессировавший ее, сделал то же самое и с ним. Они

подбираются к проблеме с разных концов и неизбежно сойдутся, найдя правильное решение.

Отойдя от Приютов, он шагнул на ленту транспортера до центра города; путешествие не заняло много времени. Сойдя с ленты, прогулялся под ярким солнцем, причем не бесцельно. Вскоре он нашел магазин электронного оружия и зашел внутрь.

* * *

К нему направился робот и замер в ожидании.

— Я бы хотел поговорить с менеджером, — сказал Луис, и робот удалился.

Тут же явился менеджер, сонный мужчина средних лет.

— Чем я могу вам помочь?

Луис положил на стол регрессионный пистолет.

— Мне хотелось бы знать, кому это продали.

Менеджер откашлялся.

— Но таких миллионы, сотни миллионов.

— Знаю, но мне нужно выяснить.

Менеджер взял оружие в руки.

— Это изделие конкурентов, — с сомнением сказал он.

— Конечно, из вежливости к покупателю... — Он задумчиво вертел пистолет в руках. — Вы в самом деле хотите знать? Это замораживатель, фризер, совсем не опасный.

Луис обеспокоенно посмотрел на пистолет. Всего лишь фризер, никакой не регрессионный пистолет! Значит, это не может быть оружием, примененным против него.

Он уже собирался забрать пистолет, но менеджер, со щелчком переломив изделие, раскрыл его. Вся его сонливость сразу улетучилась.

— Что же вы сразу не сказали? — воскликнул он, осматривая устройство. — Это незаконно переделанное оружие. — Он склонился над раскрывшимися проводками и микросхемами, потом весело, снизу вверх, посмотрел на Луиса. — Идемте, я покажу.

Луис проследовал за ним в маленькую мастерскую в задней части магазина. Менеджер запер за собой дверь и принялся копаться в инструментах. Потом надежно закрепил пистолет в станине и нажал на кнопку, проецирующую внутреннее устройство изделия на экран.

Менеджер явно гордился собой.

— Каждый имеет право на самозащиту, — заявил он. — Вот почему мы продаем так много подобных вещей. Они безвредны, не нанесут ущерба даже ребенку. На полной мощности выведут человека из строя на полчасика, перегрузив его нервную систему. Самый слабый заряд обездвиживает на десять минут. Ниже этого уровня оружие вообще не работает. — Он посмотрел на Луиса. — Вы меня понимаете, не так ли?

Все это входило в его программу переобучения, но никогда не всплывало в голове.

— Будет лучше, если вы мне подходчивее объясните. Менеджер закивал.

— Как я уже сказал, фризера — легальная вещь, он безвреден. Он остановит хоть человека, хоть слона, лишит возможности двигаться, но в остальном ваш оппонент будет в порядке. Когда он выйдет из этого состояния, ничего в нем не изменится, будет такой, как и

прежде. — Он навел курсор и настроил прибор так, чтобы увеличить изображение на экране. — Если вот этот провод присоединен не так, как сейчас, а сюда и сюда, то полярность меняется. Кроме того, если эти четыре провода поменять местами, то фризер превратится в регрессор. Как я уже говорил, делать так — незаконно.

* * *

Менеджер тщательно рассмотрел соединения проводов с близкого расстояния и недовольно хмыкнул.

— Кто бы это ни сделал, он работал небрежно. Смотрите. — Он склонился над пистолетом и начал манипулировать микроинструментами. Работал он быстро и уверенно. Минуту спустя он со щелчком закрыл оружие и выпрямился, протягивая его Луису. — Вот, — с гордостью сказал менеджер. — Теперь это куда более эффективный регрессор, чем прежде. И меньше энергии потребляет.

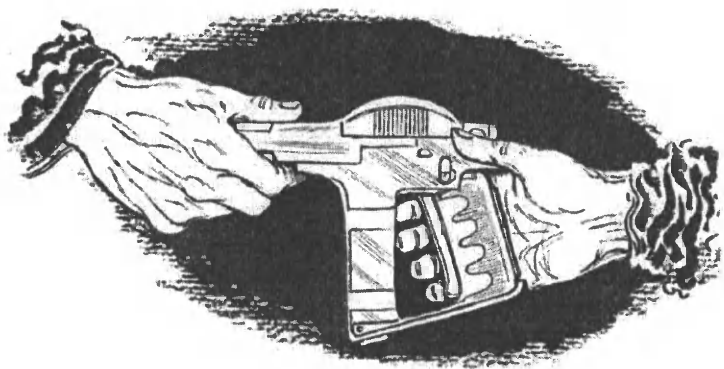
Луис растерянно сглотнул. Или он сошел с ума, или этот человек. А может, общество, к которому он пытается приспособиться?

— Вы пользуетесь редкой возможностью, делая это для меня?

Менеджер улыбнулся.

— Вы шутите. Каждый десятый фризер, который мы продаем, немедленно переделывается в регрессор. Кому какое дело? — Он стал серьезным. — Все еще хотите узнать, кто его купил?

Луис просто кивнул — в этот момент он совсем не доверял своему голосу.

— На это уйдет несколько часов. Никакой платы. Это обслуживание клиента. Скажите, где вас найти.

Набросав номер своего телеприемника в Приютах, Луис передал его менеджеру. Прежде чем Луис покинул магазин, менеджер шепнул:

— Когда в следующий раз будете покупать фризер, помните: нашу модель легче переделать, чем ту, что у вас.

Луис снова вышел на солнечную улицу. Она уже не казалась прежней. В каком обществе он живет? Реальность не совпадала с тем, чему его обучали. Пленки рассказывали об упорядоченной и разумной цивилизации с минимумом насилия и повсеместным уважением к закону.

Но факт заключался в том, что любой школьник — кроме, пожалуй, совсем желторотого — мог купить себе фризер. А его до нелепости просто переделывали в нечто гораздо более злое. Конечно, это незаконно, но никто на это не обращает внимания.

Это неправильно; насколько он помнил, все было не так...

Он поправил себя: на самом деле он не может ничего помнить. Все его знания взяты с пленок, и все они явно неадекватны действительности. Некоторые вещи он вообще не мог себе объяснить.

Луис хотел поговорить с кем-нибудь, но с кем? Советник предоставил ему всю информацию, которую считал возможной. Менеджер в магазине добавил откровений, но они только смутили его. Луиза в данный момент отнеслась к нему с подозрением.

Все, что ему оставалось — быть внимательным и наблюдать. Луис побродил по городу, просто посматривая по сторонам. Ничего знакомого не увидел. Результат, конечно, отрицательный, но он означал, что прежде в этом городе Луис не жил.

Прежде чего? Прежде, чем был регрессирован. Его сюда откуда-то привезли, так же, как и Луизу.

Он посетил космопорт. И опять безрезультатно; Луис не нашел корабля, который расшевелил бы его воспоминания. Конечно, он рассчитывал на слишком многое. Если его сюда и доставили на космическом корабле, то, конечно же, сразу убрали корабль, чтобы Луис его не опознал.

Ближе к вечеру снова направился к центру города. Он ехал на ленте, когда заметил Луизу, выходящую из высокого офисного здания.

Соскочил с ленты, подождал, пока она на нее ступит, потом на некотором удалении от девушки снова шагнул на транспортер. Когда они оказались за пределами делового района, Луис начал пробираться поближе к ней.

В нескольких кварталах от Приютов Луиза сошла с ленты и, призывно улыбаясь, повернулась к нему. Насколько Луис мог судить, ее отношение к нему снова кардинально поменялось, причем в лучшую сторону. Он не мог и не хотел игнорировать призыв и тоже сошел на тротуар.

— Привет, — сказала она. — Кажется, ты следил за мной.

— Так и есть. Ты не против?

— Думаю, что нет. — Девушка пошла рядом с ним. — Другие тоже за мной ходили, но я их отшила.

Она явно стоила того, чтобы за ней ходить, но кое-что показалось ему странным. Сейчас она вела себя благожелательно и дружелюбно — полная противоположность той девушке, с которой он столкнулся прошлой ночью. Или за день она узнала нечто, что изменило ее мнение о Луисе? Он очень на это надеялся.

Луиза остановилась на самом подходе к Приютам.

— Ты здесь живешь?

Узнала? Нет, похоже, забыла.

Он кивнул.

— По той же причине?

У него сжалось горло. Он ведь ночью ей все рассказал. Неужели не помнит?

— Да, — подтвердил Луис.

— Я так и думала. Поэтому и не волновалась, что следуешь за мной.

Действовал фактор влечения, о котором говорил Боргенезе; он снова давал о себе знать, и Луис чувствовал благодарность за это. И все же, почему? И почему она не помнит минувшую ночь?

Они шагали рядом, пока не подошли к ее жилищу. У двери Луиза помедлила.

— У меня такое чувство, словно я тебя давно знаю, просто не могу вспомнить, кто ты. Это не страшно?

Нет, это не страшно; это пугающе, подумал Луис. Ее личность, по всей видимости, не устоялась полностью, она продолжала соскальзывать назад, в то время, когда еще не встретила его. На таком основании он не мог построить ничего долговечного; каждую встречу с ней пришлось бы начинать так, словно накануне ничего не произошло.

Неужели то же самое ждет и его?

Он посмотрел на Луизу. Изорванное платье вовсе не починили, как ему показалось сначала; его заменили роботы, выходившие из стен по ночам. Они проделали хорошую работу, подобрав одежду по фигуре, но с ее комплекцией это было не трудно.

Все это пугало, но не только. По крайней мере, в этот раз он не встретит препятствий. Луис открыл рот, собираясь назвать себя, и тут же закрыл. Не хотелось повторять одну и ту же ошибку дважды.

— Я еще не выбрал имя, — сказал он.

— И со мной то же самое. — Она взглянула на него, и Луис почувствовал, что у него все замерло внутри. — Ну, мужчина без имени, хочешь войти? Мы можем вместе поужинать.

Луис вошел. Но ужин в тот вечер оказался поздним. Он знал, что так будет.

* * *

При свете утра он сел и коснулся ее ладонью. Она улыбнулась во сне и подвинулась ближе. Он подумал, что безымянным полагаются компенсации, и это — одна из них. Луис тихо оделся, стараясь не разбудить ее. Хотелось обсудить множество вещей, но ночью времени как-то не хватило. Он обязательно поговорит с ней, но позже.

Выскользнув из помещения, Луис прошел к своему жилищу. Экран, из которого он вырвал кабель, оказался уже отремонтирован и установлен на место. Как только Луис вошел, раздался голос:

— Пока вас не было, поступил вызов.

— Давай посмотрим.

Голос робота сменился сообщением от менеджера из магазина.

— Пистолет, который вы приносили, продан шесть месяцев назад Дорну Старрету, жителю Цереры, владельцу маленькой галлиевой шахты, расположенной там же. Это вся записанная информация. Надеюсь, вы будете довольны.

Луис присел. Да, доволен. Он может найти этого человека сам или нанять кого-нибудь, хотя последнее вряд ли потребуется.

Имя для него что-то значило, только он не мог разобраться, что. Дорн Старрет, владелец галлиевой шахты на Церере. Наличие шахты могло иметь значение, а могло и не иметь, — галлий использовали во многих промышленных процессах, но, тем не менее, особой ценности не имел.

Луис закрыл глаза и сосредоточился. Имя скользнуло в свободные нервные клетки, предназначенные для

хранения информации; медленно начала складываться картинка, сначала расплывчатая и незавершенная. Появился рот, потом глаза, каждая новая деталь лица вытаскивала за собой следующую, и изображение разворачивалось и дополнялось новыми подробностями, словно зародышевая клетка, вступившая в процесс деления и вызывающая к жизни новый целостный организм. Постепенно картинка стала почти полной.

Все еще не открывая глаз, он рассматривал человека, которого вспомнил. Дорн Старрет, пять футов одиннадцать дюймов, сто девяносто фунтов некогда крепкой, мускулистой плоти. Возраст тридцать семь лет, черные волосы на голове, начинающей лысеть ото лба. Очертить лицо оказалось труднее: сильное, хотя немного жесткое, оно смотрелось, пожалуй, привлекательно. Только глаза казались бегающими, беспокойными, и морщины появились раньше времени.

И еще кое-что выделяло этого человека. Не одежда — она казалась неброской, хотя и недешевой. Луис копался в памяти, пока, наконец, не понял. Несомненно, этот человек был левшой. Картинка стала настолько отчетливой, что ошибиться с этой деталью он не мог.

Он его знал и часто видел. Где, при каких обстоятельствах? Луис ждал, но больше ничего не всплыло.

Открыл глаза, подумал, что если снова увидит этого человека, сразу узнает. Он купил пистолет, предположительно, использовал оружие против него, а потом спрятал в его же, Луиса, комнате.

Поразмыслив еще, он понял, что гадать дальше бессмысленно. Имя само по себе не вернет все ассоциации, связанные с этим мужчиной, поэтому Луис переключился

чился с него на Цереру. Оказалось, что по этому вопросу он подготовлен лучше; переобучающие пленки, на верняка, восполнили пробелы в его знаниях.

В поясе астероидов отсутствовала жесткая система управления. Если и существовало в Системе место, где люди нарушали требования закона, так это там. Какой из этого следовал вывод? Возможно, никакого; в поясе проживало множество людей, занятых легальной работой: шахтеры, старатели, геологоразведчики, ученые-исследователи. Но с нарастающим волнение Луис понял, что Дорн Старрет к ним не относился.

Он был преступником. Галлиевая шахта служила простым прикрытием, респектабельной вывеской. Откуда Луис это знал? Он не мог понять — мыслительный процесс протекал скрытно и хаотично; но он знал.

Итак, Дорн Старрет — преступник. Но эта информация не могла удовлетворить его полностью. Что заставило Старрета регрессировать Луиса и Луизу? Это предстояло выяснить.

Но Луис четко понял одно: опытный преступник, этот человек более чем опасен.

Посидев еще немного, он осознал, что вспомнил все, что можно было извлечь из мгновенного озарения. Если он хочет узнать больше, надо раскопать новые факты и завязать новые знакомства. По крайней мере, дело не безнадежно — даже без помощи полиции он узнал достаточно.

Луис еще раз внимательно осмотрел всю комнату. Если и оставалось что-то спрятанное, он ничего не нашел.

Потом он снова отправился в жилище Луизы. Она ушла, оставив на столе записку. Он прочитал:

*Дорогой мужчина без имени,
надеюсь, ты приходил прошлой ночью ,потому что
в голове у меня все так перемешалось, что я не увере-
на; так мало воспоминаний и реальности, что мне не
на что опереться. Хотела перед уходом поговорить с
тобой, но, думаю, ты, как и я, занят собственным
расследованием.*

*Существует опасность, что ни одному из нас не
понравится то, что мы узнаем. Что, если я замужем
за другим человеком, а ты женат? Предположим... но
предположить можно, что угодно, здесь мы оба рис-
куем. Невыносимо не знать, кто я такая, тем более,
что отгадка так близко. Но ты, конечно, сам знаешь.*

*Как бы там ни было, я ушла почти на весь день.
Удалось найти психолога, который специализируется
на восстановлении памяти; тебя тоже наверняка
заинтересует такая возможность. Я ходила к нему
вчера, и на сегодня мне снова назначено. Очень любез-
но с его стороны, учитывая, что у меня нет денег, но
он сказал, что я в той или иной степени являюсь
субъектом эксперимента. Не могу сказать тебе, ко-
гда вернусь, но не поздно.*

*Он скомкал записку в руке. Эксперт по воспоминани-
ям. Ее психолог — эксперт, только в прямо противопо-
ложном смысле. Вчера он вычеркнул день из ее жизни,
поэтому Луиза не узнала его и может снова не узнать.*

* * *

*Опершись о стол, он секунду подумал, потом распра-
вил записку. Перечитал ее, но это не помогло. Если он*

что-нибудь понимал, дело обстояло так.

Сначала Луизу, потом его самого — похоже, именно в таком порядке. Доказательств он не нашел, но, скорее всего, ее регрессировали первой, потому что первой нашли.

Еще существовал Дорн Старрет, преступник с Цереры, спрятавший в его жилище пистолет, который он, Луис, позже обнаружил. А теперь появился четвертый персонаж — психолог, специализирующийся на стирании у жертв регрессии остатков памяти.

Луис стиснул зубы. Вот информация, с которой полиция, действуй она надлежащим образом... Бесполезно, действовать они не будут. Только собственными усилиями он добьется каких-то результатов.

Аккуратно сложил записку — может пригодиться, если Луиза вернется и снова не узнает его.

Значит, психолог. Луиза не написала, какой именно, но определить его местонахождение будет не сложно. Он повернулся к экрану, включил его и вышел в телефонный справочник. Психологов оказалось много, но знакомых имен он не нашел.

Луис задумался. Тот человек, который регрессировал его и Луизу, что он должен был сделать? Во-первых, увести их из знакомых мест как можно дальше. Это увязывалось с фактами. Дорн Старрет прилетел с Цереры.

Что потом? Ему следовало убедиться, что жертвы не смогут узнать что-либо о своей прежней жизни. И что они не заподозрят его.

Он снова повернулся к экрану, но теперь набрал службу новостей. Луис нашел то, что искал, в объявлениях месячной давности. Его составили очень ловко:

***ВЫ ПОМНИТЕ ВСЕ — или в голове туман?
Возможно, моя система поможет вам вос-
становить те маленькие детали, нехватка
которых доставляет столько беспокойства.
ЛАБОРАТОРИЯ ПАМЯТИ.***

И все. Никаких имен. Но адрес указан. Луис посмотрел все последующие выпуски новостей за месяц — объявление продолжали публиковать.

Он подобрался близко, очень близко. Объявление сформулировали хитро; оно привлекало внимание таких, как он и Луиза, и больше почти ничье. Никаких упоминаний об оплате, о том, что прием ведет психолог, ничего, что может заинтересовать полицию.

Вечер за вечером Луиза проводила в одиночестве; рано или поздно, но она увидела объявление на экране. Заинтересовалась и ответила на него. Скорее всего, так же поступил бы и он; но теперь он все знал.

Хитрость заключалась в том, что она пошла туда по собственной воле. Прямое предложение помощи могло вызвать подозрения, а так все казалось безопасным. Луиза отправилась в лабораторию, как на обыкновенную деловую встречу. Хорошо продуманная ловушка.

Луис потрогал пистолет в своем кармане. К Дорну Старрету, преступнику, изобретателю вымышленной установки по восстановлению памяти, собирался зайти еще один клиент. Не потребуется лететь на Цереру, чтобы повидаться с ним.

* * *

Только подобное предположение имело смысл. Дорн Старрет регрессировал и его — это подтверждалось наличием пистолета — и Луизу. Всего несколько минут назад он думал, что пострадала сначала Луиза, а потом уже он, но все произошло не так. Их регрессировали одновременно, и сделал это Дорн Старрет, и теперь он вернулся, чтобы удостовериться, что они не сумеют выследить его.

Хитро, но у преступника ничего не получится. Луис криво усмехнулся самому себе. Оружие в кармане служило гарантией того, что не получится.

Он сошел с ленты возле здания, из которого вчера вышла Луиза. Войдя в фойе, определил расположение «лаборатории памяти», — кабинет находился на верхнем этаже. Необходимости вроде бы не было, но он проверил сроки аренды. Лаборатория занимала кабинет уже три недели. Это увязывалось с выходом Луизы из отделения ретротерапии. Все связи, угаданные им, сходились в этом здании.

Луис поднялся на верхний этаж. С тех пор, как Старрет видел его в последний раз, внешность Луиса изменилась очень сильно, так что не приходилось опасаться, что преступник опознает его. И если Луиза не скрывала, что подверглась регрессии и, таким образом, отдалась в руки негодяя, то он, Луис, этой ошибки повторять не собирался.

Издали он увидел табличку на двери кабинета, не спеша прошел мимо нее. «Лаборатория памяти». И все, даже здесь никакого имени. Естественно. Вымышленное имя давало полиции право действовать. А настоящее расшевелило бы воспоминания Луизы и его собст-

венную память.

Вернувшись, он вошел в приемную. Никакого робота-администратора. Луис так и думал. Хозяин кабинета не собирался здесь задерживаться.

— Кто там? — раздался голос из громкоговорителя в стене, но экран возле него оставался темным, хотя ясно было, что человек находится в соседнем помещении. Для коммерческого заведения «лаборатория памяти» не очень-то тактично вел себя с потенциальными клиентами.

Луис зловеще улыбнулся и нащупал оружие в кармане.

— Я увидел ваше объявление, — сказал он. Имени называть не стал — пусть гадают.

— Я очень занят. Не могли бы вы прийти завтра?

Луис нахмурился. Начало не соответствовало плану. Во-первых, он не узнал голоса, хотя в этом можно было винить намеренное искажение голоса микрофоном. Во-вторых, Луиза находилась внутри, а он собирался защитить ее. Вламываться нельзя; оставалось рассчитывать, что «эксперт» выйдет из кабинета.

Он лихорадочно думал.

— Я Чэлз Путсин, импортер галлия, — представился Луис. — Завтра уеду по делам. Вы можете назначить мне другое время?

Наступило долгое молчание.

— Подождите. Я сейчас выйду.

Луис решил, что упоминание о галлии сыграет свою роль. В самом деле, возможно, шахта Старрета чего-то стоит; однако же Луис сильно удивился.

Дверь распахнулась, и появившийся мужчина тут же ее закрыл, прежде чем Луис успел заглянуть внутрь.

Он ошибся. Этот человек не походил на Дорна Старрета.

Незнакомец пристально вглядывался в Луиса.

— Мистер Чэлз Путсин? Пожалуйста, присаживайтесь.

Луис медленно сел, выгадывая время на размышление. Этот человек должен быть Дорном Старретом, и все же им не является. Маскировка здесь исключается: по меньшей мере на три дюйма ниже, совсем другая форма черепа, телосложение не такое крепкое. Тем более, он правша, а не левша, как Старрет.

Луис уже придумал себе историю — имена, даты, обстоятельства. Когда рассказывал, она ему самому показалась подлинной.

Мужчина слушал, проявляя нетерпение.

— Вероятно, я не сумею помочь вам, — перебил он. — Как это ни странно, но легкие случаи — самые сложные. Я специализируюсь на серьезных блокировках памяти. — Что-то в его глазах казалось неестественным, и в голосе тоже. — В любом случае, если вы зайдете через два дня, я посмотрю, что можно сделать.

Луис взял протянутый ему талончик и почувствовал, что его твердо выпроваживают из приемной. Это его обеспокоило: Луиза осталась в смежной комнате, но мужчина не позволил ему с ней увидеться.

Он в нерешительности постоял в коридоре. Весь разговор занял несколько минут, и за это короткое время

первоначальные планы пришли в полное расстройство. Если это тип не является Дорном Старретом, тогда кто он и какое отношение имеет к делу? Бандит с Цереры не такой дурак, чтобы перепоручить решение своих проблем постороннему человеку. Такое дело исполняется в одиночку с начала до конца — или должно исполняться.

Луис спустился на лифте до первого этажа, вышел из здания и бесцельно побрел по улице. Его беспокоило нечто странное в человеке с верхнего этажа. Потребовалось время, чтобы разобраться, что именно.

Человек не являлся Старретом и все же изменил обличье: радужки глаз казались окрашенными в неестественный цвет, да и голос ему не принадлежал или, скорее, проходил через искусственную гортань, вставленную в горло, хотя пользование ею причиняло болевые ощущения. И лицо его словно помыли химическим раздражителем, из-за чего подкожные ткани отекли, и оно стало полнее.

Луис тяжело вздохнул. Он бессознательно уловил мелкие детали, на которые обычный человек не обратил бы внимания. Это позволяло предположить, что в своей прошлой жизни он учился распознавать приемы маскировки.

Но еще важнее было то, что мужчина изменил внешность. Причина очевидна — он не хотел будить чужие воспоминания.

Но как же его зовут? Перед тем, как выйти из здания, Луис поинтересовался, но этот человек никак не зарегистрировался. И Луиза ему подсказать не могла. Теперь ее нельзя рассматривать как источник достовер-

ной информации. Он сам должен выяснить, и возможным здесь представляется только один способ.

Луиза осталась наверху, но физическая опасность ей не грозила. В остальных случаях полиция может вести себя вяло, но когда дело касается убийства, она беспощадна, и «эксперт» это знает. Она могла лишиться воспоминаний о последних неделях — жалко, конечно, но это не катастрофа.

И все же, кто этот человек и с кем он связан?

Остаток дня он провел, закупая снаряжение — не очень много, потому что деньги быстро таяли. Луис подумал, не вернуться ли в Приюты, но потом решил, что лучше не надо. Луиза, наверное, уже пришла, и у него появится искушение остаться на ночь.

Когда стемнело, и свет в офисах погас, он арендовал автомобиль и вскоре посадил его на крыше нужного здания.

Проходя по крыше, Луис с заученной легкостью оценивал внутренние размеры здания, словно прошел когда-то расширенную подготовку, хотя сам период обучения начисто забылся, остались только навыки. Он опустился на колени и приварил два маленьких стержня к нужному участку перекрытия, потом подрегулировал горелку и вырезал в металле небольшое круглое отверстие. Прислушавшись и не уловив никаких тревожных сигналов, поднял вырезанный кусок. Внизу не было ничего, кроме темноты.

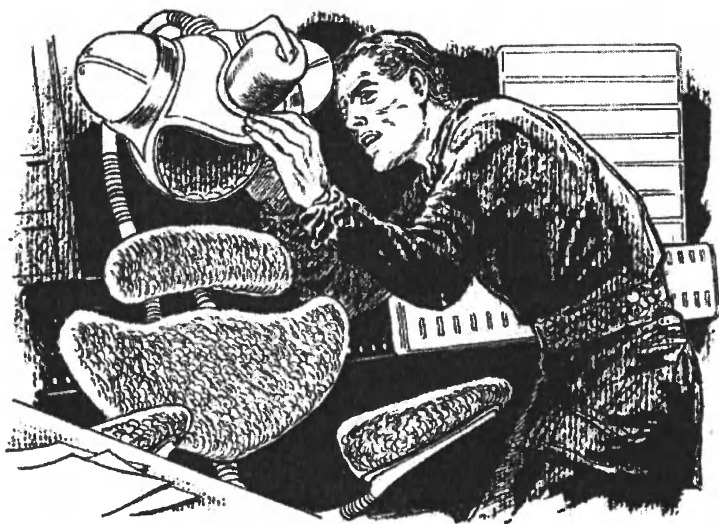
Луис привязал к автомобилю веревку. Потом сбросил ее вниз и соскользнул в дыру. Если он не ошибся, то находился как раз там, где нужно, и миновал все системы

сигнализации. Внутри могли находиться другие, но он ничуть не сомневался, что сможет обойти их, соблюдая обычные меры предосторожности.

Луис включил маленький фонарик и понял, что рассчитал правильно и попал прямо в «лабораторию памяти», ту комнату, которую хотел увидеть днем, и в которую его не пустили. Прямо перед ним находилась дверь в приемную, а за ней — коридор. Он повел лучом фонарика по дуге, осветив стол и какую-то установку, назначения которой не знал. За спиной обнаружилась еще одна дверь.

Подергав запертый ящик стола, он извлек маленькое магнитное устройство, мастерски поводит им над скрытым механизмом замка, и тот открылся. Быстро просмотрев бумаги и документы, он нигде не увидел имени. Аккуратно закрыв ящик на замок, Луис подошел к установке.

Он не рассчитывал, что разберется в ней, но хотел хотя бы осмотреть. Установка состояла из сидения для пациента и металлического колпака, опускавшегося на голову. Луис откинул колпак и заглянул внутрь. Похоже, прибор имел две функции. Один контур проводов протяженнее и сложнее; он так и не понял, для чего его используют. Но второй Луис сразу узнал. При необходимости он мог служить регрессором, но если простое оружие являлось более грубым и не подлежало регулировке, то здесь предусматривалась возможность тонкой настройки, достаточной, чтобы удалить из жизни пациента всего один день, и не более того.

Это объясняло все, что случилось с Луизой. Над ней провели какой-то эксперимент, а потом память о нем удалили. Но «эксперт» потерял осторожность и начал удалять последний день раз за разом.

Луис опустил колпак на место. Так вот чем тут занимаются. Но кто такой этот загадочный «эксперт» и для чего ему эти игры?

Оставалась еще дверь за спиной, и ответ мог храниться там. Луис внимательно прислушался, потом распахнул дверь и вошел.

Физически он не ощутил обрушившегося удара; ни одно механическое устройство не могло просто взять и отключить все его нервные окончания. Фризер. Лежа на полу, Луис с благодарностью думал: хорошо, что не регрессор.

Комнату залило светом, и вчерашний собеседник, улыбаясь, склонился над ним.

— А я надеялся, что ты вернешься, — с довольным видом произнес он. — Практически знал.

* * *

Где-то оплошал... ошибся. Но где и в чем? На всякий случай Луис попробовал пошевелить пальцами. Дрогнули только первые фаланги, дальше — ничего. Бесполезный, он не мог произнести ни слова и вовсе не был уверен, что хочет в данный момент говорить.

— Ты угадал, я тебя не узнал, — продолжал незнакомец. — И все-таки ты себя выдал. Выдал, назвавшись Чэлзом Путсином, это мое имя. Теперь вспомнил?

Ну, конечно. Он выбрал имя «Чэлз Путсин» случайно, потому что оно о чем-то говорило, и все прошло бы хорошо, если бы вдруг не оказалось, что выбор отнюдь не случаен. Ассоциации вызвали из памяти неподходящее имя.

Память мгновенно вернулась к тем минутам, когда они с Боргенезе обсуждали имена. Что он тогда сказал?

Путси. Но это неправильно, полное имя — Путсин.

— Ты выглядишь значительно лучше, — сказал настоящий Чэлз Путсин, с любопытством разглядывая его. — Позволь мне рекомендовать тебе лечение регрессией. На самом деле, я и сам бы от нее не отказался, но здесь есть некоторые неудобства.

Да уж, неудобства. Например, опять начинать все сначала и не знать, кто ты такой.

Но Путсин оказался прав, физически Луис стал гораздо крепче. Фризер валит человека с ног и оставляет его без движения на полчаса. Но прошло всего несколько минут, а Луис уже мог двигать ногами, хотя и не подавал виду. Восстановление происходило удивительно быстро, и оставалось надеяться, что Путсин этого не заметит.

— Вопрос в том, что с тобой делать? — Казалось, Путсин размышляет вслух. — Полиция нетерпимо относится к убийствам. Может, мне рассеять тело на атомы... — Он покачал головой и вздохнул. — Но это уже пробовали, разницы нет никакой. Значит, тебе придется жить дальше, хотя, думаю, мое лечение ты не одобришь.

Луис не одобрял; ему предстояло то самое лечение, которое прошла Луиза, только более радикальное, потому что он уже разобрался в том, что здесь происходило.

Путсин подошел ближе, чтобы оттащить его к устанковке. Пришло время использовать сбереженные силы, и он это сделал.

Перепуганный Путсин успел выстрелить из фризера, но целиться пришлось в двигающуюся мишень, и невидимый энергетический луч только цапнул Луиса за ногу. Конечность онемела и потеряла чувствительность, но у него еще оставались две здоровые руки, и этого хватило.

Одной рукой он вырвал и отбросил фризер, второй схватил Путсина за горло. Почувствовал под пальцами искусственную гортань. Стиснул.

И держал, пока Путсин не обмяк.

Когда противник перестал дергаться, Луис сел, раздвинул ему челюсти, засунул пальцы поглубже в рот и выдернул из горла искусственную гортань. Теперь он услышит настоящий голос Путсина, и, может быть, это разбудит его воспоминания.

Он подполз к двери, поднялся на ноги и прислонился к стене. К тому времени, как Путсин очнулся, нога уже частично действовала.

— Теперь поговорим, — сказал Луис. Добавлять в голос грозных интонаций не пришлось — и без того получилось вполне пугающе. — И, надеюсь, ты понимаешь, что ответы я могу и выбить.

— Ты что, не понял? — Путсин презрительно рассмеялся. — Можешь пинать меня ногами, я ничего не скажу!

Он явно не боялся физической боли или считал, что не боится, но подчас это срабатывало одинаково. Луис озабоченно нахмурился. Он впервые слышал настоящий голос Путсина, и его беспокоило то, что никаких откликов в памяти он не вызвал.

Луис наступил на вытянутую руку.

— Ты так думаешь? — спросил он и услышал, как захрустели пальцы.

Путсин побледнел, но не закричал.

— Не рассчитывай, что сможешь убить меня и исчезнуть, — процедил он.

Но голос прозвучал неуверенно.

Луиса слегка замутило, и он убрал ногу с ладони. Он не мог убить человека, причем не только из-за полиции. Просто рука не поднималась. Луис достал из кармана пистолет.

— Это не фризера, — сказал он. — Его переделали. У тебя есть выбор.

Путсин заморгал.

— Ну, давай. Потеряешь возможность все узнать.

Луис об этом уже подумал, но не ожидал, что и Путсин тоже.

— Вот видишь, ты ничего не можешь сделать, — продолжал пленник. — У человека есть право защищать свою собственность, а у меня куча доказательств, что ты вломился сюда.

— Не думаю, что ты пойдешь в полицию, — возразил Луис.

— Думаешь, не пойду? Моя установка для работы с памятью — не фальшивка. Может, я и не совсем законно использовал ее в случае с Луизой, но на публичной демонстрации я докажу, что она работает.

Луис задумчиво покивал. Он больше чем наполовину был уверен, что установка рабочая. Вот он стоит здесь, так близко от разгадки, ведь этот человек знает тайну личности и его, Луиса, и Луизы, знает, какое отношение имеет к делу Дорн Старрет, и не может заставить Путсина заговорить....

В полицию идти нельзя. Там не станут слушать его доводы, потому что они основаны на беспочвенных подозрениях. Слушать не станут, а за проникновение со взломом могут арестовать.

— Все в твою пользу, — сказал он, поднимая пистолет. — Но есть только один способ сделать так, чтобы ты оставил нас в покое.

— Подожди! — крикнул Путсин, закрывая лицо здоровой рукой, словно это могло помочь. — Возможно, мы сумеем договориться!

— Я это и имел в виду. — Луис не опустил оружие.

— Знаю, что имел. Я не могу позволить тебе уничтожить труд всей моей жизни.

— Говори, быстро, — крикнул Луис. — И не лги.

Он стоял над Путсином и слушал.

Так вот как все произошло, думал он. Приложить столько усилий, чтобы услышать такое?

— Я вынужден был так поступить, — закончил Путсин. — Но если ты согласен прислушаться к голосу рассудка, я не прочь взять тебя в долю — получишь больше денег, чем когда-либо мечтал, и девушку тоже, если она тебе нужна.

Луис молчал. Да, она нужна ему, но теперь эта мысль казалась глупой. И безнадежной. Должно быть, то же самое чувствуют люди, оказавшиеся в зоне, где сейчас взорвется ракета. Только для них все закончится через секунду, а ему с этим жить до конца своих дней.

— Вставай, — произнес он.

— Значит, договорились? — спросил Путсин, нервничая. — Ты в доле?

— Вставай.

Путсин поднялся на ноги, и тут Луис его ударил. Стодил бы и фпмзер, но для Луиса дело приобрело личный характер.

Он равнодушно наблюдал, как Путсин рухнул на пол.

Потом вытащил бесчувственное тело в приемную, включил экран и связался с полицией. Поговорив, вы-

ключил приемник и ногой вышиб дверь в коридор. Положил Путсина на плечо, поднял на крышу и засунул в автомобиль.

Луиза уже находилась в участке, заспанная и озадаченная. Боргенезе по каким-то своим соображениям послал за ней наряд, чтобы доставить в полицию. Луис подумал: может, это и к лучшему, что она здесь. Разом покончим с этим делом. Луиза улыбнулась ему, и Луис понял, что тут Путсин не солгал, — она его помнила, Путсин не успел причинить ей большого вреда.

Когда он вошел, Боргенезе сидел за столом. Луис сбросил Путсина с плеча и сунул в кресло. Тот еще не пришел в сознание, но уже начинал шевелиться.

— Вижу, вы доставили посетителя, — с удовольствием произнес Боргенезе.

— Заказчика, — поправил Луис.

— Заказчикам мы тоже рады, — согласился советник полиции. — Конечно, это нам решать, является ли он заказчиком.

Луиза хотела подойти к Луису, но Боргенезе жестом остановил ее.

— Не мешайте. Думаю, сейчас ему придется нелегко.

— Да уж, — согласился Луис.

Приятно было видеть, что Луизу тянет к нему, потому что когда он все расскажет, это влечение исчезнет.

Он вытер со лба пот, выступивший не только от физического утомления.

— Этот Путсин — ученый, — начал Луис. — Он разработал установку, которая сводит к нулю эффект от применения регрессионного оружия. Он намеревался

предложить свои услуги любому регрессированному, и взамен на возврат памяти они отписывали бы ему большую часть своего имущества.

Естественно, люди согласились бы на такие условия. Каждому не терпится вернуть свою прежнюю жизнь, и, само собой, никто понятия не имеет, каким богатством владел. У Путсина были развязаны руки. Он мог использовать установку для обследования клиентов и отбирать только тех, кто действительно богат. С помощью установки можно частично восстановить память, а потом, выяснив, что за человек его клиент, сразу применять встроенный в прибор регрессор, вернув пациента в то состояние, в каком он вошел в кабинет. И люди даже ничего не заподозрили бы.

С отобранными клиентами он подписывал бы соглашения, а остальным бедолагам объяснял, что ему жаль, но помочь не может.

Путсин наконец пришел в себя.

— Все не так, — утрюмо заговорил он. — У него нет доказательств.

— Не думаю, что он пытается что-то доказывать, — спокойно заметил Боргенезе. — Пусть говорит.

Луис глубоко вздохнул.

— Он вполне мог добиться успеха, но вышло так, что он нанял в лабораторию ассистентку, которая помогла ему довести аппарат до совершенства. Ей не понравились его замыслы; она считала, что открытия, подобные этому, должны служить обществу. Ее мнение его особенно не интересовало, но получалось, что она сама может собрать такую же установку. Поскольку он держал ее в секрете и не мог запатентовать, то ассистентка

представляла собой угрозу для его планов. — Луис помедлил. — Ее звали Луиза Обиспо.

Ему не пришлось поворачивать голову. Краем глаза он сумел заметить, как изменилось ее лицо от потрясения. Она правильно выбрала имя, а вот он ошибся.

— Чтобы избавиться от нее, Путсин нанял преступника, Дорна Старрета, — сурово продолжил Луис. — Старрет жил этим промыслом. Настоящий специалист.

Это произошло на Марсе. Однажды вечером Старрет оглушил ее. Он не стал сразу регрессировать Луизу. Погрузил на космический корабль и привез на Землю. В пути разговорился с нею, и Луиза начала ему нравиться. Тогда она была другой, не такой, как сейчас, просто серой мышкой. Но вы знаете, как это бывает, — его к ней потянуло. Он занимался с ней любовью, а о будущем старался не думать.

На Земле он посадил корабль в другом городе и оставил там, а Луизу привез сюда, затащил в Приюты и регрессировал. Ведь ему за это заплатили.

А потом он решил остаться и понаблюдать, как она изменится после регрессии. Выбрал себе жилье прямо через двор от помещения, где оставил Луизу. И тут допустил ошибку. Он спрятал свой регрессионный пистолет внутри приемника позади экрана.

Явился Путсин, чтобы проверить, как обстоят дела. Ему не понравилось, что Старрет остался, ведь одно слово или знакомое лицо иногда могут разбудить память. Он регрессировал Старрета, у которого в нужный момент не оказалось под рукой оружия. Может, Путсин задумал все это с самого начала. На случай с исчезно-

вением Луизы он обеспечил себе железное алиби, так что никто не смог бы его заподозрить, а что касается Старрета, то кто будет искать преступника?

Но все равно он сделал дело только наполовину. Путсин знал, что регрессированные стараются узнать, кем они были, и некоторые из них добиваются успеха. Он не мог допустить, чтобы такое случилось. Поэтому разместил объявление, рассчитывая привлечь Луизу. Когда это произошло, он начал применять к ней установку, намереваясь бросать девушку из настоящего в прошлое и обратно до тех пор, пока она перестанет различать, где прошлое, а где настоящее.

Но не успел он начать, как появился Старрет, и Путсин понял, что следует добраться и до него. Поэтому он допустил умышленную ошибку — устроил маскарад, чтобы заинтересовать Старрета, поймать его и позаботиться известным ему способом сразу об обоих.

Луис прислонился к стене. Теперь он рассказал все и знал, на что мог рассчитывать.

— На этом все, разве что дело у Путсина не выгорело. Старрет оказался парнем, который знает, как позаботиться о своих интересах.

Не считая самого большого и важного из них; здесь он потерпел неудачу.

Ему показалось, что Боргенезе барабанит пальцами по столу, но советник полиции стучал по клавиатуре. Вошел полицейский, и советник кивнул в сторону Путсина.

— Заберите в следственный изолятор.

— У вас нет доказательств, — начал Путсин. Лицо его осунулось и исказилось гримасой страха.

— Думаю, будут, — равнодушно бросил советник. — Вы не представляете, насколько эффективны наши лаборатории. Вы заговорите.

Когда Путсина увели, Боргенезе повернулся в кресле.

— Очень хорошая работа, Луис. Я вами доволен. Думаю, со временем из вас получился бы отличный полицейский. Несколько старомодный, конечно.

Луис уставился на него.

— Вы что, не поняли? — спросил он. — Я Дорн Старрет, дешевый аферист.

Ему следовало узнать себя еще в том мысленном образе, который он рисовал с закрытыми глазами. Левша? Вовсе нет. Таким человек и видит себя в зеркале. В зеркальном отражении правое становится левым.

Советник выпрямил спину. Голос его не звучал больше вежливо и добродушно.

— Боюсь, вы не сумеете подтвердить это, — заявил он. — Отпечатки пальцев? Разве кто-нибудь из прежних подельников Старрета опознает вас? Остается Путсин, но у него не будет возможности дать показания. — Советник улыбнулся. — И, наконец, позвольте вас спросить: когда он предложил участие в своей афере, разве вы согласились? Нет. Вместо этого вы доставили его сюда, хотя понимали, что вам грозит регрессия.

Луис изумленно захлопал глазами.

— Но...

— Здесь нет исключений, Луис. За определенные преступления следует наказание в виде регрессии. Закон не делает различий в той части, как именно исполнять наказание, и это хорошо. Если и существовала такая

личность, как Дорн Старрет, то она канула в небытие, когда Путсин ее ретрогрессировал. И не только в гражданско-правовом смысле.

Советник Боргенезе встал.

— Видите ли, регрессия очищает человека от всего, что он когда-либо знал — и хорошего, и плохого. Она оставляет ему только взрослое тело, а мы наполняем его мозг фактами взрослой жизни. Дайте ему малейший шанс, и он поведет себя, как зрелая личность.

Боргенезе не спеша прошелся и остановился перед столом.

— Мы защищаем жизнь. Жизнь каждого. Включая тех, кто еще не стал жертвой. У нас нет смертной казни, и мы ее не хотим. Самое большее, что мы можем сделать с человеком, — дать ему еще один шанс, через регрессию. У нас одно наказание и для тех, кто лишает памяти, и для убийц, только с одним отличием: человек, который регрессирует другого, знает, что у него есть шанс избежать наказания, а у убийцы такого шанса нет.

— Это административное правило, а не закон: полиция не отслеживает жертв регрессии. Иначе гнев и алчность вышли бы из-под контроля. В обществе и так хватает неуправляемых эмоций, а пока они есть, у нас должен быть и клапан безопасности. И регрессия здесь служит прекрасным инструментом.

Луиза попыталась было заговорить, но Боргенезе жестом велел ей сохранять молчание.

— Вы знаете, сколько у нас убитых за последний год? — спросил он.

Луиза покачала головой.

— Четверо, — сообщил советник. — Четыре убийства на население в шестнадцать миллиардов. Своего рода рекорд, и это известно всякому, кто читал загадочные для нас романы двадцатого века. — Он лукаво взглянул на Луиса. — Ведь вы читали, не так ли?

Луис молча кивнула.

Боргенезе ухмыльнулся.

— Я так и думал. Сегодня только три типа людей знает про отпечатки пальцев. Первые два — историки и полицейские. Не думаю, что вы к ним относитесь.

Луиза, наконец, сумела задать вопрос.

— Возможно, установка Путсина изменила бы положение дел?

— Вот как? — Советник напустил на себя озабоченный вид. — Вы помните, как ее построить?

— Забыла, — призналась она.

— Вот видите, — сказал Боргенезе. — И, уверяю вас, Путсин тоже забудет. Как осужденный преступник — а его осудят — он получит ложную память, которая не позволит ему проникнуть в прошлое.

Мы не хотим, чтобы такая установка появилась у человечества, пока оно не станет полностью и окончательно цивилизованным. За последние сто лет ее изобретали дюжину раз, и она неизменно так или иначе терялась.

Советник на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл их, Луиза смотрела на Луиса, а тот уставился в пол.

— Вы двое можете идти, — сказал он. — Когда будете готовы, для обоих найдется работа в моем департаменте. Можете не спешить, ваши места не займут.

Луис покинул кабинет, миновал длинный коридор и вышел в ночь.

Она догнала его, когда он уже соскочил с ленты и направлялся к Приютам.

— Догадываюсь, что сказать тебе почти нечего, — пролепетала она. — В самом деле, что скажешь девушке, которая узнала, что ты ее едва не убил?

Он тоже не знал, что сказать.

Они молча шли рядом.

Она остановилась возле своей двери, но входить не стала.

— И все же это говорит о твоих чувствах — то, что ты забыл собственное имя и взял мое. — Теперь она улыбалась. — Думаю, что сумею сделать для тебя не меньше.

В нем шевельнулась надежда, и он подошел ближе. Но снова ничего не сказал. Может, она имеет в виду не то, о чем он думает.

— Луис и Луиза Обиспо, — негромко произнесла она. — Мне мало что придется менять, просто добавить к имени «миссис». — Она смотрела на него уже знакомым призывным взглядом. — Хочешь зайти?

Она отворила дверь.

Иногда преступление ведет к новым возможностям, и регрессия не всегда зло.

Сбалансированные миры

— После пикника можно сбросить водородные бомбы на Мерхейвен, — предложил Грэнди, заметно оживившись при этой мысли.

Ясон откинулся в кресле.

— На Мерхейвене родился мой отец.

— Кровь заговорила, — мрачно процедил Грэнди. — Что ж, может быть. Но я подумал, тебе надо бы найти выход для своей энергии.

— Мы всегда сбрасывали бомбы на Мерхейвен, — резонно заметил Ясон. — И до сего дня они исправно подрывали их еще до того, как бомбы приблизятся на опасное расстояние. В один прекрасный день удача может изменить, — добавил он с убежденностью философа.

Поразительно, подумал Ясон, как несколько веков сумели погубить великую мечту. Когда первая межзвездная экспедиция достигла двойной системы Альфы Центавра и обнаружила целых три планеты, то оказалось, что каждая из них чудесным образом годится для заселения людьми. Более того, достаточно близкое взаимное расположение планет благоприятствовало торговле между ними. Первопроходцам уже виделось создание в недалеком будущем нерушимого межпланетно-

го альянса, что с учетом постоянных раздоров дома, в Солнечной системе, казалось почти утопией. Похоже, никто не знает, когда это началось и почему, но теперь Крэнси, вторая планета, почти непрерывно сражалась с Мерхейвеном, третьей, в то время как первая, Рестап, играла роль посредника и получала выгоды от распри, истощавшей ресурсы соседей.

Это чужая ссора, и не его дело лезть в нее.

— Чего ты добиваешься? — спросил Ясон. — Мне кажется, они порядочные люди, и даже если я ошибаюсь, ты не можешь нанести внезапный удар по целой планете.

— Ха, — фыркнул его двоюродный дед, вертя в пальцах тонкий цилиндр. — Ты когда-нибудь встречал мерхейвенианца?

— Ты же знаешь. Мой отец оттуда родом.

— То-то и оно, — неодобрительно проворчал Грэнди. Лоб его прорезала морщина, и под розовой кожей, что стало заметно невооруженным взглядом, пошел мыслительный процесс. Морщины медленно взбирались по лысой голове и исчезали где-то на затылке. — Но твоя мать была крэнсианкой, а значит, ты тоже крэнсианин, и только это имеет значение, — наконец сказал он, удовлетворенный этим заключением. — Частенько я нянчил ее на своих коленях, пока она не выросла. Милая была проказница. — Он вытер глаза предплечьем.

Чистый самообман, подумал Ясон. Грэнди не из тех, кто нянчится с детьми — если только это не пышущая здоровьем девица лет восемнадцати. После стольких лет его печаль отнюдь не казалась убедительной. Может, играло свою роль чувство вины. При жизни матери

люди Крэнси совсем не славились добротой. По причинам, известным им одним, они подвергли ее своего рода изгнанию: мать всегда ждали с распростертыми объятиями, но без мужа. Сейчас, в порыве клановой сентиментальности, об этом забыли.

Он поднял глаза и увидел, что его двоюродный дед уже отбросил тоску, подлинную или мнимую. Грэнди вставил в изящный цилиндр сигарету, глубоко затянулся и с силой выпустил дым. Крутанув мундштук, он придал дыму форму куба, который завис на некотором отдалении в неподвижном воздухе.

— Это не вредно? — спросил Ясон. — Я думал, привычка курить давным-давно исчезла.

— Вредная привычка? — с вызовом спросил Грэнди. — Конечно. У нас их целая куча. Они пойдут тебе на пользу. — Он завертел мундштуком, дымовой куб распался и принял знакомую форму тора. Снова затянулся и выдохнул дым в форме женской головки, чтобы не оставалось сомнений, какой пол символизирует тор. Кольцо дыма, как ореол, осеняло голову девушки. Пока Грэнди манипулировал мундштуком, вся композиция уплывала под потолок.

— Мы внесли улучшения, — сообщил Грэнди. — Раньше никто не мог растянуть сигарету больше чем на десять минут. Теперь я сумею убить на это полдня.

Девушка из дыма заколыхалась.

Ясон отвернулся.

— По поводу пикника...

Грэнди потушил сигарету и отложил мундштук. Девушка доплыла до вентилятора и растворилась.

— Мы все спланировали. Естественно, ты прилетишь на Крэнси; ты там никогда не бывал, и тебе захочется посмотреть, как там зелено. Остановимся на главном континенте, потому что там живет большая часть семьи. После чего посетим меньшие континенты и острова...

— Боюсь, не получится, — перебил Ясон. — Я на Рестапе по делам бизнеса. Если хочешь пикник, устраивай здесь или вообще не устраивай. — На самом деле, бизнес здесь был ни при чем — его организация нормально справлялась со всеми делами в рабочем порядке. Но Рестап подходил, как место удобное для стоянки; его интересовала Крэнси, но не до такой степени, чтобы изменять свой маршрут.

— Бизнес на Рестапе? — спросил Грэнди. На его лице совершенно не росли волосы, но те участки, где обычно находятся брови, полезли на лоб. — Почему на Рестапе? Разве Земля в беде?

— Конечно, нет, — удивился Ясон. — Какое это имеет отношение к делу? Что здесь общего?

— Увидишь, — таинственно произнес Грэнди. На лице его отразилось глубокое раздумье, но заботам к Ясона оно отношения не имело. Он обратил внимание на более важные предметы. — Если проводить пикник здесь, придут очень немногие.

— Их и хватит, — твердо сказал Ясон.

— Твою семью ждет разочарование, — грустно заметил Грэнди.

Ясон осмотрительно воздержался от вопроса, что представляет собой семейная ячейка на Крэнси.

— Я зафрахтую корабль, — предложил он. — Достаточно большой, чтобы доставить сюда всех желающих.

— Рестапийский корабль? — поинтересовался Грэнди.

— Они тебе тоже не нравятся?

— На Рестапе нравятся, а на Крэнси не очень. — Он неопределенно пожал плечами. — Но надо же с кем-то торговать.

Ясон отказывался понимать загадочные намеки старика.

— Тогда найми крэнсианский корабль, — сказал он. — Привезешь их сюда и отвезешь обратно. Счет пришлешь мне.

Грэнди смотрел задумчиво.

— Ты можешь себе это позволить? — спросил он. — Это не расходится с твоими обязанностями?

— Не расходится, — ответил Ясон. — И думаю, что могу себе это позволить. — Представление Грэнди о богатстве оставалось довольно примитивным; Ясон счел за лучшее не просвещать его.

— Ну, тогда принять такое предложение большая честь, — сказал Грэнди. Он держался очень серьезно и торжественно, и хотя произнесенная формула применялась веками, она оказалась на диво короткой.

После ухода Грэнди Ясон откинулся в кресле. Честь, сказал старик, и имел в виду именно это. Что за честь и почему? И на какие обязанности он намекал? Возможно, ответ кроется где-то в глубинах их культуры. К сожалению, Ясон мало знал о Крэнси. Мать была крэнсианкой, но она умерла, когда сыну исполнилось пять лет. В памяти сохранилось воспоминание о сильном чистом

чувстве, с которым мать рассказывала о своей родине. Он помнил ее голос, но слова забылись.

Ясон мысленно вернулся к настоящему. Он летел с заходом на Рестап, вот и все. Неудивительно, что Грэнди узнал о его присутствии; Крэнси торговала и с Рестапом тоже, и вряд ли кто-то мог не заметить его корабль, элегантный и сверкающий, в космопорте, за городской окраиной.

Он не хотел бы встречаться. Его ничего с ними не связывало, кроме обиды, теперь, правда, ослабевшей, и он был не прочь вообще от нее избавиться. Ясон точно знал, что надо сделать: сдержанно принять проявления их дружбы, накоротке посетить традиционный пикник, после чего как можно скорее прервать все контакты. Хотя они оказались интереснее, чем он предполагал. Кровожадные и безрассудно мстительные, они, тем не менее, обладали необъяснимым обаянием. Никакой мистики, твердил он себе, а самого разбирало любопытство, потому что он не мог постичь природу их привлекательности.

Ясон задумчиво покачал головой. Конфликт между Крэнси и Мерхейвеном не принимал открытой формы; в нем не участвовали армии и вооруженные космические флоты. Но на уровне индивидов объявления войны не требовалось ни одной из сторон; просто при каждой возможности они вступали в схватку. Смысла в этом было мало, как, впрочем, и во многом другом в этом мире. Он просил у Грэнди объяснений, но просветить его старик не сумел. Все началось в далеком прошлом и продолжится в будущем. И ничего нельзя сделать. Но ответ должен быть, и Ясон намеревался его

найти, хотя и не собирался брать на себя какие-то обязательства.

Ясон сделал вызов, и после долгой паузы на экране появился секретарь «Рестап интрейд» Моффл.

Секретарь Моффл оказался улыбчивым мужчиной с великолепными зубами. Демонстрировал он их все сразу.

— Что мы можем сделать для вас сегодня?

— Мне требуется техник. Можете дать ему разрешение поработать на моем корабле?

Не успел Моффл ответить, как вернулся Грэнди. Он заглянул в помещение и крикнул:

— Карлос негде остановиться.

Ясон раздраженно посмотрел на него.

— Впервые слышу о Карлос. — У него звенело в ушах.

Шаркая ногами, вошел Грэнди. Одежда ему не подходила, и он руками придерживал брюки на талии.

— Твоя кузина. У тебя найдется место для кузины Карлос?

Ясон принялся было трясти головой, но потом придумал кое-что получше.

— Присылай Карлос, — покорно согласился он. — Я найду место. — Грэнди исчез.

Когда он повернулся к экрану, секретарь Моффл ждал — весь сплошная белозубая улыбка.

— Какого рода техник? — спросил он.

— Компьютерщик, — вежливо объяснил Ясон. — Хороший.

Секретарь был бодр и деловит, но не излишне.

— Можно устроить. Конечно, вам придется выписать чек за услуги.

— Присылайте прямо сейчас, — бросил Ясон, и хотя секретарь принялся убеждать, что в такой спешке нет необходимости, он уже поднимался, чтобы уйти. Предстояло проверить разные источники информации.

Ясон осмотрел машину. Компьютер, вернее, психокомпьютер, назывался «Электронный советник»; с такими рестапийцы еще не познакомились. И все же технику удалось проделать большую работу по восстановлению машины после длительного периода бездействия. Оставалось посмотреть, будет она дальше работать или нет

Произведя настройку, Ясон загрузил данные, машина начала загружаться и наконец выдала ответ.

— Данные загружены в систему, — сообщил электронный советник.

— Хорошо, — сказал Ясон. — И каково твое заключение?

— Никакого. Недостаточно информации, — ответила машина. Ясон выбрал настройку «ДРУГ», и голос звучал благожелательно. — Предлагаю предоставить дополнительные факты.

Ясон нахмурился. Он впервые пользовался электронным советником, хотя отец наверняка включал машину часто. Начало малообещающее. Если захочется приятных голосов, он найдет сколько угодно человеческих для этой цели.

— Но это все, что есть, — сказал он. — Я собрал все упоминания о Крэнси и Мерхейвене.

Машина приняла его слова к сведению.

— Ты обращался в «Рестап интрейд»? — спросила она доверительным тоном. — Обе планеты периодически контактируют с Рестапом, хотя их представители предпочитают не появляться здесь в одно и то же время. — Уверен, что «Интрейд» мог бы пополнить твои знания.

— Они могли бы. Но считают, что их информация является коммерческой тайной и не горят желанием поделиться тем, что знают про обе планеты.

— Тогда я не могу дать приемлемый для тебя ответ. Хотя у меня есть вариант ответа, который, согласно моим представлениям о человеке, весьма логичен.

— Давай, послушаем, — согласился Ясон. — Я вырос на Земле и считаю себя землянином. Лично меня он не заденет.

— Ксенофобия, — произнес электронный советник. — Ненависть к чужеземцам.

Классический ответ. Чужаки не похожи на нас, их возможности нам не известны, поэтому мы их боимся.

Страх в одиночку долго не живет, он порождает ненависть. А когда в наличие страх и ненависть, до конфликта недалеко.

Возможно, встречались ситуации, когда этих условий оказывалось достаточно. Но, похоже, такое клише не подходило к Крэнси и Мерхейвена. Ни одна из планет не проявляла агрессивности в империалистическом смысле, а поскольку их разделяли миллионы миль, у них не было реальной возможности для столкновений или встреч. Если ксенофобия являлась причиной войны между ними, то у тех и у других прямо под рукой имелось достаточно форм чуждой жизни, чтобы воевать с ними. Но с негуманоидами, населявшими их благодатные планеты, они уживались относительно мирно.

— Посмотри еще раз, — сказал Ясон. — Проверь экономические связи. Возможно, их интересы где-то пересеклись, хотя они этого и не осознают. Или, может быть, здесь исторические корни. Когда-то случился первый инцидент, о котором теперь забыли.

— Я в состоянии тасовать факты гораздо быстрее тебя, и я рассмотрел их во всех возможных сочетаниях. Что касается торговли, то ни Крэнси, ни Мерхейвен не ведут ее в больших объемах. И мне неизвестно, каковы основные предметы коммерции.

С исторической точки зрения, все инциденты объединяло одно — насилие. Никто не мог сказать, когда это началось. Похоже, ответственность лежит на обеих сторонах.

— Предоставь факты, и я сумею оценить ситуацию.

С фактами и компьютер не понадобился бы, подумал Ясон. Он ожидал, что электронный советник приведет

его к озарению, но ничего такого не случилось.

Информация, которой он располагал, досталась ему сравнительно легко. Он мог нанять экспертов и послать их на Крэнси и Мерхейвен, но понимал, что доверять стоит только землянам. Однако любого землянина, будь то культуролог, экономист, статистик, психолог или политолог, встретили бы в космопорте как можно более вежливо, потом вернули бы на корабль и поскорее отправили восвояси. Так они принимают всех гостей, и поэтому о них так мало известно.

— Существует другой источник, — произнес электронный советник. — И ты можешь получить к нему доступ, если пожелаешь.

— Если пожелаю, — повторил Ясон, оторвавшись от размышлений. — Что за источник?

— Ты сам, — ответила машина.

— Много тут не накопишь, — возразил Ясон. — Я же рассказал тебе, кто были мои родители. Больше мне сообщить нечего.

— Я понимаю насчет Крэнси. Твоя мать умерла, когда ты был маленьким. Но отец дожил до твоего двадцатилетия, после этого прошло семь лет. Наверняка он рассказывал тебе что-нибудь про Мерхейвен.

— Я редко с ним виделся, и всего по несколько минут зараз. Он был наполовину инвалид, имел бизнес, которым занимался, но управлял всеми делами вот с этого корабля. О Мерхейвене я знаю еще меньше, чем о Крэнси.

Электронный советник помолчал.

— Теперь я начинаю понимать. Ты никогда не контактировал с семьей. Твой отец был феноменально ус-

пешным бизнесменом. За двадцать лет он сколотил состояние большее, чем кто-либо за такой же период времени. Конечно, оно не являлось выдающимся по объему и даже сравниться не могло с состояниями некоторых финансовых династий, которые накапливались веками. Тем не менее, поскольку он делал деньги, времени на тебя у него не оставалось. Могу себе представить...

— То, что ты можешь себе представить в этом направлении, меня не интересует, — перебил Ясон. — Мои мотивы — моя забота. Мне не требуются услуги психолога. Ясно?

— Более чем, — ответил компьютер.

— Далее, — продолжил Ясон. — Ты пренебрег еще более ценным источником информации. Подумай о нем.

— Я подумал, — ответил советник через долю секунды. — У меня есть разрешение на проверку записей в моей памяти?

— Есть, — ответил Ясон, разглядывая ручку настроек. ЛЮБОВНИЦА, САМ, ДРУГ, АДВОКАТ, ПСИХИАТР, СУПРУГА. — Всех, невзирая на категории.

— Поможет ли знание того, что психокомпьютер, установленный отцом на его, а теперь твою, корабле относится к стандартной модели? — спросил электронный советник. — Маркировка ручки настройки обычная, он ее такой и оставил, хотя пользовался всего двумя положениями. Одно из них — ДРУГ.

— А второе? — спросил, сам того не ожидая, Ясон.

— САМ, — ответила машина. — Но как таковую он ее не использовал, перенастроил на ОБЩИЙ РАЗГОВОР.

Машина зашла дальше, чем того хотел Ясон.

— Почему перенастроил? — тревожно спросил он.

— Он был одинок, — последовал ответ. Потом наступила тишина — компьютер обследовал схемы, составляющие его память.

Ясон ждал; секунды сливались в минуты. Наконец, электронный советник сообщил:

— Записи недоступны. — Ясону показалось, что в голосе машины прозвучала нотка удивления.

— Утрачены? Полностью уничтожены? — Он не рассчитывал на многое, но испытал недовольство, узнав, что записи, возможно, утеряны, а с ними вместе и то небольшое, что оставалось от человека, которого он звал отцом.

— Я этого не говорил. Они на месте, но схемы замкнуты. На Земле есть специалисты, способные это исправить. Боюсь, что только там.

Полет на Землю занял бы слишком много времени.

— Как это случилось? — поинтересовался Ясон.

Компьютер снова порылся в памяти.

— Техник из «Рестап интрейд» произвел пайку не там, где надо, — сообщил он. — Это могло произойти случайно.

А могло и не случайно.

Ясон улыбнулся с мрачной уверенностью. Отец рекомендовал себя выдающимся предпринимателем, но его сын не хуже. Он сможет сам о себе позаботиться. И у него уже возникла идея. Если он так для них важен, то найдет способ добыть информацию прямо из «Интрейд». Можно попробовать.

Он покинул корабль, вернулся в отель и вскоре лег спать.

Утром его разбудил хлынувший в окно солнечный свет. Он открыл один глаз. Конечно, свет не настоящий, просто хорошая электронная имитация, испускаемая окном. Он зевнул и потянулся, раскинув руки. Кончики пальцев одной руки коснулись чего-то. И это была не кровать. Он пощупал пальцами. Плоть.

Ясон открыл второй глаз и отпрянул. На дальнем краю изголовья покоилась безобразная голова с лицом эльфа. Он недовольно заворчал: если это рестапийский обычай, то не в его вкусе. Встав с постели, Ясон рывком откинул одеяло со спящего. И тут же снова укрыл его, потому что это был не мужчина.

Девушка проснулась сразу, мгновенно сбросив с себя сон.

— Доброе утро, — весело сказала она.

— Ты что тут делаешь? — прорычал Ясон.

— Я спала, — ответила она. — Но ты спал плохо. Могу заверить. — Она с сочувствием смотрела на него.

— Я спал хорошо. — Ясон поймал себя на том, что говорит вежливо, и снова перешел на неприветливый тон. — Ты как сюда попала? Как тебя зовут?

— Если ты хочешь имен, то у меня их много, — ответила она. — Но если хочешь узнать, кто я, то я — Карлос.

Так вот оно что. Грэнди мог бы и предупредить. Ясон посмотрел в лицо Карлос. Голова без волос, ни бровей, ни ресниц. Несмотря на это, она казалась милой и без всей этой растительности.

— Но почему ты спала здесь?

— Когда я пришла, то не захотела тебя беспокоить, — кротко ответила Карлос. — И кровать такая большая.

— Недостаточно большая для тебя и меня, — твердо возразил он. — Могла бы найти другое место.

— Недостаточно большая! — воскликнула Карлос, оглядывая просторное ложе. — Не умеешь лежать спокойно?

— Не твое дело, — с достоинством ответил он. — Поднимайся и накинь на себя какую-нибудь одежду.

— Кому нужна одежда? — спросила она и удивленно уставилась на него. — Ты только наполовину крэнсианин. Наверное, тебе нужна.

Он пошарил по кровати и завернулся в кусок материи.

— Ну же, — требовательно сказал он.

С обреченным видом Карлос вылезла из постели. Миниатюрная, она, несмотря на маленький рост, смотрелась очень женственно. Кожа гладкая, как у яблока, и покрыта легким золотистым загаром.

— Какие цвета ты сегодня носишь? — поинтересовалась Карлос.

— Ты оденешься или нет? — произнес Ясон, пятясь от нее через комнату.

— О, конечно, — ответила она. — Только не в одежду. Крэнсиане ее не носят, кроме стариков, таких, как Грэнди, — им приходится. — Она вскинула голову, забрала небольшой контейнер, которого Ясон раньше не заметил, и не спеша прошла в другую комнату.

Ясон поспешно оделся. К тому времени, как он закончил, вернулась Карлос. Он не поверил своим глазам. На голове у нее появились волосы — короткие вьющиеся кудряшки, брови и длинные ресницы казались не нарисованными, а живыми и натуральными. Что до остального, то ее нагота была достаточно прикрыта, так что она вполне могла прогуляться по любому городу Земли, не то чтобы не привлекая внимания, но и не нарушая установленных границ приличия. Ясон еще раз взглянул на нее. Или не могла?

— Ну, ладно, — сказал он. — Как ты это сделала?

— Ты не назвал мне цвет, — ответила она. — А поскольку черный подходит почти ко всему, я подумала...

— Я не о цвете, — перебил он. — Волосы на голове и вот это, что можно, полагаю, назвать купальником из меха. — Больше всего это было похоже на мех, но составляло единое целое с ее телом.

— Что ж, — отвечала она, — мы не любим носить

мертвые вещи, неживые растения, убитых зверей или синтетические ткани, получаемые из каких-то грязных чанов. Поэтому мы используем гуп.

— Гуп?

Она вздохнула.

— У него есть другое название, могу написать для тебя. Но оно займет страницы. Понять самые азы сумеет только биохимик, да и тот не до конца разберется. Мы держим формулу в секрете, — вежливо добавила она.

Конечно, держат; подобные вещи ценятся очень высоко, подумал Ясон. Возможно, речь шла о каком-то неогормоне, синтетической субстанции, которой не существовало в природе и которая по эффективности превосходила любое аналогичное природное вещество. С таким средством они могли отращивать волосы любой длины, цвета и текстуры за считанные минуты, просто нанося нужный состав на кожу. Скорее всего, субстанция содержала питательные вещества, снабжающие клетки тела материалом для роста. Наносишь ее по утрам — и готово, ты одет. По вечерам принимаешь контрагент, и все сходит. Как намекнула Карлос, тело со временем становится слишком старым, чтобы реагировать на средство. Когда это происходит, старикам приходится носить обычную одежду, ремень, пряжки, кнопки и прочую сбрую, очень неудобную для непривычного человека. На Крэнси не существовало такого понятия, как натуральный блондин или брюнет. Каждый мог сделать выбор — зеленый, если он сегодня тебе нравится, а завтра — синий.

— Невежливо так глазеть, — заметила Карлос. — Особенно, когда твой гость голоден.

Ясон показал ей селектор меню и наблюдал, как она им пользуется. Сам уселся по другую сторону стола; пища появлялась из окошка подачи, и Карлос поглощала ее по мере поступления, изящно и рассеянно, но с неубывающим аппетитом.

Ясон спросил ее об обычаях на Крэнси. Она ответила, что по крэнсианским обычаям, он приходится ей кузенном. Лет пятьсот назад — или около того — кто-то из родни его матери женился на ком-то из родни ее отца. Теперь семейные узы между ними стали несколько более отдаленными, и если их не обновить в этом или следующем поколениях, то они и вовсе сойдут на нет.

Информацию он выслушал молча. Эту игру затеял Грэнди; Ясон должен был предвидеть нечто подобное, но почему-то не сумел. Просто не ожидал такого отношения со стороны столь деликатных людей. Он подумал, что они действительно ведут себя деликатно внутри собственной группы, и насколько жестко обращались с чужаками, значения не имеет.

— Ты не очень-то хитрая, — бросил он. — Я не собираюсь на тебе жениться.

Карлос посмотрела на него.

— Я тебя еще и не просила, — сказала она с набитым ртом.

Похоже, еще один крэнсианский обычай. Ясон не стал обращать внимания.

— Я найду тебе другое место, где остановиться. Можешь сделать попытку добраться до денег на пикнике.

— Денег? — спросила Карлос, продолжая жевать. — Чьих денег?

— Моих, — сварливо бросил он. — И мне не нравятся люди, которые стремятся завладеть ими. Думаешь, я не понимаю, что вы пытаетесь провернуть? — Он пристально посмотрел на Карлос, и вся ее бесспорная привлекательность исчезла; она стала просто смазливой девчонкой, задумавшей повыгодней продать себя, чтобы бежать от нищеты на Крэнси.

Карлос проглотила последний кусок.

— Бедняжка, — сказала она. — Тебе требуется так много вещей, что приходится добывать деньги, чтобы их купить?

Она бесила его, и Ясон сорвался на крик.

— Да, требуется! Каждому требуется. Как я получу пищу, чтобы есть, и одежду, чтобы носить... — Он умолк. Одежду, чтобы носить. Ее потребности на этот счет просты. Тюбика с гупом может хватить на год, и он обеспечит ее любимыми новинками моды, предоставит любой наряд на каждый день — в зависимости от настроения. На Земле и в других местах ничего подобного не встречалось. Возможно, то же самое у них и с едой? Есть, конечно, и другие запросы, но, может быть, здесь ответили и на них?

— Пикник устраивают для меня? — заговорил он спокойнее. — Так?

Она кивнула. Ясон вышел из-за стола и нервно прошелся по комнате.

— Тебе известно, что я очень богат?

Карлос покачала головой.

— Мы об этом ничего не знали.

У Ясона не было причин доверять ей, и все же Карлос могла говорить правду. Планета жила изолированно,

может, новости и не доходили в такую даль. Вдруг они равнодушны к важным для землянина вещам?

— Тогда что? — спросил он. — Если не из-за денег, то зачем все эти хлопоты?

— Ты очень важный человек, — объяснила она. — Ни одному жителю Крэнси никогда не предлагали вступить в организацию какого-нибудь уровня. Наверное, все думают, что мы не годимся для этого. Во всяком случае, здесь тебя воспринимают как президента «Дружбы».

Он сел. «Дружба». Что за чертовщина — «Дружба»? Ясон начал смутно припоминать. Он унаследовал бизнес отца и управлял им, как сделал бы любой другой на его месте. Всегда существовали благотворительные фонды, просившие время от времени сделать пожертвование. Одним из таких фондов и являлась «Дружба». Не «Дружба инкорпорейтед» или нечто подобное, а просто «Дружба», объединение придурковатых идеалистов, ратующих за мирное сосуществование во всей галактике.

Из вежливости он сделал пожертвование для «Дружбы» с налоговым вычетом. Сумма оказалась большей, чем они ожидали, возможно, они никогда не получали такой единовременно. Для Ясона это ничего не значило, а для них — очень многое, и они ответили тем, что назначили его своим президентом. Пост почетный, но не более того, и он благополучно забыл о нем, но крэнсиане не забыли, и Ясон остался в их глазах важной фигурой — не из-за денег, которыми распоряжался, и не из-за власти, которой обладал. И это много значило. Если и существовали воинственные народы, то крэн-

сиане были воинственными. Их злейшими врагами считались жители Мерхейвена, но если возникала возможность, они проявляли готовность сразиться с любым врагом. Существовало только одно исключение: они никогда не ссорились с Рэстапом. Но в остальном вели войны легко и весело, со свирепой грацией и стремительностью.

На самом деле они желали мира, если б только кто-нибудь рассказал им, как его достичь. Ясон ухмыльнулся Карлос, так как тоже хотел мира. И вдруг почувствовал, что и сам принадлежит к народу Крэнси. Он был высок и в этом походил на своего отца. Сильными руками Ясон поднял Карлос со стула.

— Пусть подготовка к пикнику продолжается. Я вернусь. — Он поцеловал ее в губы с прилипшими крошками, посадил Карлос на стол и вышел.

Космический корабль сбросил скорость, и от толчка Ясон проснулся. Подошел к экрану, включил и принялся рассматривать планету. Скоро он узнает, выйдет ли из его замысла хоть какой-то толк.

Затянутый туманами и рваными облаками, Мерхейвен манил суровой красотой. Значительную часть суши покрывали невысокие горы, но подъем от морских побережий к вершинам оказывался по большей части крутым и трудно проходимым. Если существует связь между особенностями рельефа и характером людей, то становится понятным, что его отец родился именно здесь.

Долины планеты... Ясон не успел вынести заключения, на что похожи ее долины. Экран перед ним залило

ярким светом. Он инстинктивно прикрыл глаза, и фильтры приглушили интенсивность свечения еще до того, как оно ослепило Ясона. Он потянулся к панели управления и опустил вниз СЧ динамик. Получили люди на патрульных станциях его идентификационный сигнал или нет, определить не удалось. Корабль содрогнулся от еще одного близкого разрыва.

К этому времени он снова мог видеть, не очень хорошо, но мог. Приборы зафиксировали следующий взрыв — совсем рядом, так что стало неуютно. Им было все равно, сколько боеприпасов будет истрачено на Ясона. Он перевел корабль в автоматический режим «падающего листа» и позволил ему рвануться к планете. Как и ожидал Ясон, на границе атмосферы обстрел прекратился. Они хотели уничтожить его, но не желали дышать радиоактивным воздухом. А повредить его корабль могли только мощные ядерные заряды.

Ясон выровнял курс и полетел над континентами Мерхейвена; не подвергаясь больше нападениям. Нашел место, которое искал — высокогорную долину недалеко от маленького селения. Насколько он мог судить, на Мерхейвене предпочитали децентрализацию и крупных городов не было. Он посадил корабль на краю долины.

В полумиле теснилась кучка зданий; из старого дома на окраине вышел мужчина с загорелым лицом. Ясон затруднился бы определить его возраст — он был, скорее, стар, потому что кожа на щеках выветрилась, как крошившаяся поверхность окружавших долину гранитных утесов. Старик быстро преодолел разделявшее их расстояние, остановился и, сжав губы, принялся рас-

сматривать повреждения, полученные кораблем — оплавленные стабилизаторы и смятый нос.

Когда Ясон вышел из корабля, старик обернулся к нему. Взгляд его казался тяжелым.

— Добро пожаловать домой, малец, — сказал дед Ясона.

Ясон не смог бы сказать, что именно ест, но пища, хотя и не слишком разнообразная, оказалась вполне удовлетворительной. Дед уселся напротив и молча наблюдал за ним. Потом нажал на кнопку, стол загудел, завибрировал, покатил по комнате, повернул направо и исчез в соседнем помещении.

Все так же молча старик встал и выглянул в окно.

— Мы в технике не сильны, — сказал он наконец. — Но сможем подремонтировать твой корабль, так что в обратный путь отправишься без опаски.

Ясон вспыхнул. О возвращении он не заговаривал, вообще почти ни слова не вымолвил. Очевидно, само собой подразумевалось, что его задержка здесь нежелательна.

— Я займусь им на Рестапе, — сказал он.

— Мы скромные мастера, — произнес дед, играя желваками на древнем лице. — Но не до такой степени скромные. Корабль сильно пострадал, и лететь на нем небезопасно.

Ясон внутренне ухмыльнулся. Доверять корабль неумелым рукам тоже небезопасно! Однако говорить об этом вслух не стоит.

— Вы получили сообщение? — спросил он.

— Я получил.

— Тогда почему меня обстреляли? Могли же идентифицировать корабль. Ты ведь знаешь, что так не принято. Даже новичок не перепутал бы мой корабль с кораблем с Крэнси.

— Не знаю, малец, — тяжело вздохнул дед. — Я всего лишь частное лицо.

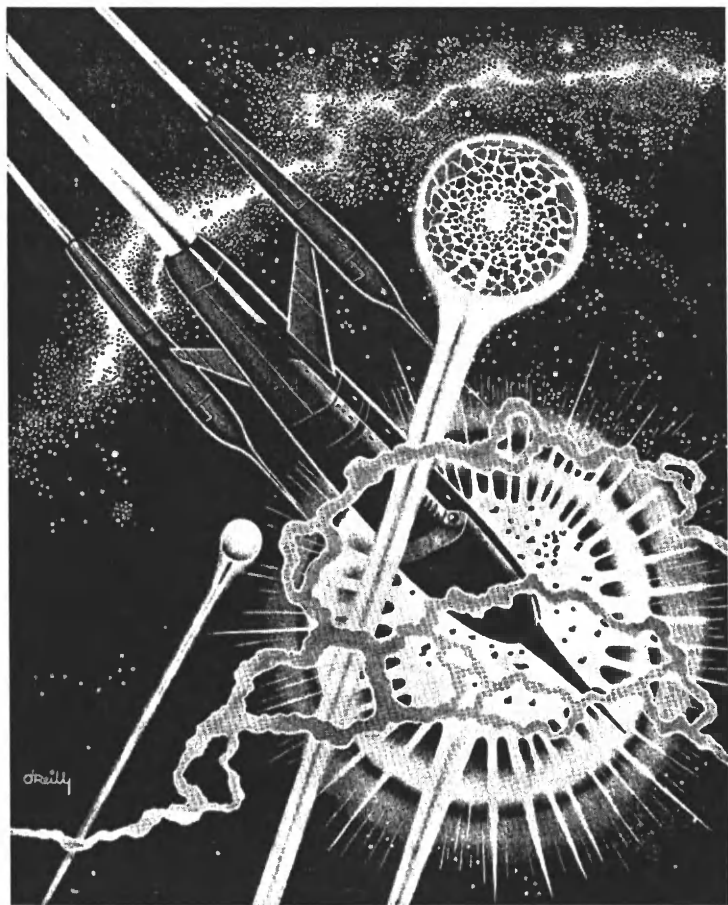
Он говорил правду, но не всю. На этой кое-как управляемой планете старик относился к группе граждан, обладающих значительным влиянием и авторитетом. Сообщение зафиксировала правительственная станция, поэтому планетарный патруль наверняка получил предупреждение о его приближении. Они знали, кто он, но это не предотвратило атаки.

Снова наступила долгая пауза.

— Я разберусь, — пообещал дед.

Ясон решил оставить тему. Он очень хорошо понимал, чем закончится разбор — ничем. Больше, на что он мог рассчитывать, это официальные извинения. У кого-то имелись причины убрать его с дороги. Насколько он мог судить, здесь присутствовали только две силы — Крэнси и Мерхейвен.

На Крэнси непохоже. Он принял решение экспромтом и никому не сказал, куда летит. Сообщение послал уже в полете, и оно дошло, значит, его не перехватили на каком-то промежуточном пункте. Правительству Крэнси пришлось бы в страшной спешке что-нибудь придумывать, даже если допустить, что они положились на догадку, определяя цель его полета.

Но самый серьезный аргумент в пользу непричастности Крэнси звучал еще проще. Мерхейвен не собирался сотрудничать ни с Крэнси, ни с кем-либо другим. Следовательно, Мерхейвен и хотел убрать его с дороги! Но Ясон не понимал, почему.

Он не был мерхейвенианцем, но здесь родился его отец, а этого для них достаточно. Перед мысленным взором Ясона снова появился залитый ослепительным светом экран. Возможно, родство оказалось не таким близким, как он думал.

Дед встал — упруго, без натуги, несмотря на свои годы. Суровый и немногословный, он казался человеком искренним и честным.

— Пойдем, малец, я покажу тебе Мерхейвен.

Они вместе вышли из дома. На той стороне долины рабочие лазали внутри корабля и по его корпусу. Дед не стал дожидаться разрешения для начала ремонтных работ. Во всяком случае, протестовать поздно, подумал Ясон.

Он направился к месту посадки.

— Не туда, — сказал старик, поймав его за запястье. — Пойдем, прогуляемся.

— Прогулка по Мерхейвену? Он достаточно велик.

— Увидев здешние места, ты сможешь получить представление о всей планете.

— А не проще взять один из тех маленьких экранопланов?

— Они в неважном состоянии. Это небезопасно.

Дополнительных объяснений не требовалось. В небе он станет отличной мишенью. И даже присутствие деда не спасет. Они ни перед чем не остановятся.

Кто же они?

Ясон держался за стариком, когда они в молчании начали трудный подъем по склону ближайшей горы. Прошел час, потом еще полчаса. Взобравшись на вершину, они остановились и огляделись. Ясон был высокого роста, но дед еще выше.

— Вот мир, который оставил твой отец. Он хотел, чтобы ты увидел его.

Защищаясь от солнца, Ясон поднес ладонь к глазам. Слева на горной вершине устроилась туча, внизу сверкал ручей. Они стояли на голой скале, но повсюду вокруг буйно росли лиловые цветы.

— Красивый мир, — молвил старик в ответ на невысказанные чувства внука. — Мы его любим, но он мало что дает в смысле пропитания. Здесь растут цветы, но не еда. — Дед отвернулся. — Мы плохие бизнесмены. Иначе жили бы лучше. Две тысячи лет назад планету заселили, потому что она богата ураном. В те времена все хотели урана — на нем летали корабли. Потом открыли другие виды топлива, а уран использовать перестали вообще. Сегодня сбывать уран трудно, а это единственный минерал, которого у нас в изобилии.

Ясон покивал; этого и следовало ожидать при экономике, основанной на одном-единственном товаре. Когда спрос на него исчезает, не остается ничего.

— Мы пробовали приложить руки к производству, — продолжил старик. — Делали маленькие вещицы, не требующие много материала, но продукция у нас некачественная и не пользуется спросом. Тем не менее от производства не отказались, потому что нуждаемся в пище. — Он указал на дно долины. — Смотри.

Глянув вниз, Ясон увидел пятно насыщенного зеленого цвета, но деталей рассмотреть не сумел.

— На этом участке растет больше пищи, чем во всей округе, — объяснил дед. — Есть такой химикат — мы его импортируем, — который творит чудеса на нашей тощей почве. Если бы у нас его хватало, то мы могли бы превратить планету в рай.

— Как называется химикат? — спросил Ясон.

Старик не ответил.

— Я догадываюсь, зачем ты прилетел, — сказал он и посмотрел испытующе и строго. — Твой отец имел право вернуться в любое время, если бы не таскал с собой эту женщину с Крэнси. Когда она умерла, мы думали... — Он не договорил и, уже спускаясь по склону, бросил через плечо: — Мерхейвен беден, но мы не примем милостыни от крэнсианина.

При таком отношении добиться значительного прогресса не удастся, подумал Ясон. Кроме того, его беспокоила мысль, что спускаясь по крутому склону вслед за дедом, он представляет собой отличную мишень для любого стрелка в долине.

Ясон предполагал заночевать на корабле. Там ему ничто бы не угрожало, но с ремонтной бригадой, работающей круглосуточно, вероятность нежелательного происшествия возрастала.

И, кроме того, оставался старик. Он старался изо всех сил и если не преуспел в смысле радушного приема, то не из-за недостатка добрых намерений. Ясон уселся на снаряжение, которое захватил с корабля.

Дед исчез в середине дня, предоставив Ясону развлекаться самостоятельно. На дальнюю прогулку он не решился — увидел достаточно, да и люди вели себя не слишком дружелюбно.

Ясон направился к зеленым полям, которые видел с вершины, но, увидев, что там работают, развернулся и пошел назад, к дому. Поля подождут.

Дед вернулся в сумерках, и они поужинали почти в полном молчании. Ясон пытался втянуть старика в разговор на нейтральные темы, но тот либо отвечал односложно, либо цедил слова, делая между ними длинные паузы.

Бросив это дело, Ясон позволил старику проводить себя в выделенную комнату. Оставшись один, он сразу подошел к окну и выглянул наружу. Бригада включила освещение и продолжала работы на корабле. Он закрыл и запер окна и двери. Улегся, понял, что совсем не хочет спать, и попробовал прийти к какому-нибудь заключению по поводу Мерхейвена. Ничего не получилось. Ясон прилетел с определенной целью, но она оказалась недостижимой. На Крэнси, возможно, и хотят мира, но Мерхейвен, похоже, к миру не стремится. От планов ридетса отказаться.

В конце концов он закрепил гибкую ленту на дверной коробке и оконных рамах. Настроил на нее тревожный пульт и включил сигнал. Теперь он был готов к попытке вторжения. Снова улегся, но опять не смог заснуть. Окно озаряли вспышки света, снаружи доносился шум. Пошарив в темноте, Ясон нащупал устройство для погружения в сон. Подтащив его к себе, включил и, наконец, расслабился, когда чистый мелодичный звук при-

нялся массировать череп. Через пять минут он уже спал.

Прошло время, широкая ладонь легла на плечо Ясона и резко встряхнула.

— Вставай, малец. — Ладонь убрала устройство для сна.

Ясон открыл глаза. Темно. Быстро сел. Он установил сигнализацию, а она не сработала.

— Как ты вошел? — неуверенно спросил он.

— Ваше снаряжение хуже нашего, — проворчал дед. — Оно даже неуклюжего ребенка не остановит. — Он подошел к окнам и открыл их. Снаружи было темно и не доносилось ни звука. — Ремонт у тебя на корабле завершен.

Намек прозвучал достаточно ясно.

— Улечу утром, — натянуто сказал Ясон.

Старик придвинулся ближе. Он опередил Ясона и перехватил протянутую к выключателю руку.

— Я их всех отослал, — глухо сказал дед. — Но некоторые, возможно, спрятались в холмах. Если не станешь зажигать свет, может, уцелеешь. — И достал из кармана крошечный фонарик.

В тусклом свете Ясон увидел его лицо. Щеки старика запачкались грязью и какой-то смазкой, воспаленные глаза слезились, руки дрожали. Ясон уяснил опасность положения и принялся собирать вещи.

— Не мешкай. Брось это, я взамен пришлю тебе снаряжение получше.

На споры времени не оставалось. Ясон все бросил и вышел за стариком из дома.

Возле корабля дед остановился и что-то втиснул ему в ладонь.

— Чужак — и все-таки мой внук, — хрипло прошептал он. — Ты не поймешь, зачем я отдал его тебе. Я и сам не знаю. Но всем своим разумом, если не сердцем, я говорю тебе: добро пожаловать.

Ясон попробовал сопротивляться, но старик, даже уставший, оказался сильнее, много сильнее его.

— Возьми, — пророкотал он, и в голосе уже звучал гнев. — Забери, пока я им не воспользовался. Не ищущай меня. — Он снова впихнул предмет в руку Ясона и, спотыкаясь, побрел прочь. — Поторопись.

Ясон и не собирался медлить, просто он не мог разобратся в своих чувствах. Поднявшись в корабль, он подготовил его к взлету, рывком поднял в небо и полетел. Выйдя из атмосферы, разогнал корабль до максимальной скорости. Он не особенно вникал, что делает, просто использовал свой шанс. Мерхейвен подкараулил его и забросал мощными зарядами; теперь жители планеты отремонтировали его корабль. Если они намеренно или случайно допустили ошибку, ему конец. Но корабль продолжал полет.

Оказавшись вне пределов досягаемости, он как можно тщательнее обследовал корабль изнутри. Выяснил, что ремонтные работы проведены более чем удовлетворительно, хотя техники очень спешили. Если коротко, корабль стал надежнее, чем в день завершения строительства. Они даже провели мелкий ремонт электронного оборудования. Все функционировало безупречно.

Ясон озадаченно сел. Дед сказал, что они — скромные мастеровые и плохие техники. На деле все оказалось

наоборот. Кстати, дед утверждал, что из них и бизнесмены никакие. Неизвестно, как насчет других жителей планеты, но когда его отец покинул Мерхейвен, он оказался гением в предпринимательстве. Значит, старик и здесь ошибся? Ясон покачал головой. Чтобы ответить на все появившиеся вопросы, собранной информации было недостаточно.

Ясон вспомнил о предмете, который старик сунул ему в руку перед отлетом. Вернулся по собственным следам, нашел то место, где его положил. Сначала он ничего не понял и долго смотрел на предмет. И чем яснее понимал назначение подарка, тем меньше он ему нравился.

Дед зашел в комнату, не потревожив сигнализацию. Только Ясон мог слышать сигнал тревоги, значит, он крался незаметно не из-за людей, работавших на корабле. Единственное логическое объяснение заключалось в том, что он не хотел будить Ясона, когда вошел. И по какой-то причине отказался от своего первоначального намерения.

Дед отдал ему нож с длинным лезвием и тяжелой рукоятью. Его обличали собственные слова; он испытал искушение применить нож — на Ясоне. Подарок сумасшедшего — оружие, которым тебя едва не убили. Все они на Мерхейвене явно подвинулись рассудком.

Вызов поступил, когда корабль заходил на посадку. Он проверил, кто вызывает — «Рестап интрейд» — и отклонил вызов на том основании, что прибор автоматической посадки работал ненадлежащим образом и требовал его внимания. Чтобы сделать свой довод убедительным, он в нужный момент толкнул прибор локтем,

и корабль вильнул в сторону, а потом снова лег на курс. Ясон сделал два витка вокруг планеты, чтобы выиграть время на размышления. Потом, наконец, ответил на вызов. Оказалось, с ним связался не тот чиновник, с которым он контактировал прежде. Ясон нахмурился. Возможно, заместительница секретаря «Интрейда», Эйрста, стояла в иерархии чиновников достаточно высоко, но он предпочитал иметь дело с топ-менеджерами.

— Извините, но секретарь Моффл улетел, — сказала Эйрста и назвала планету, на которую убыл ее начальник.

Название ни о чем ему не говорило; во вселенной насчитывалось слишком много планет, чтобы знать их все. Секретарь будет отсутствовать некоторое время, и никто не знает, когда он вернется. Это Ясону не понравилось. Только обдумал все заново — и вот неожиданное препятствие.

Казалось, представительница «Интрейд» уловила его разочарование. Довольно высокая, она держалась уверенно, и фигура соответствовала занимаемой должности. Достаточно молодая для своего поста в «Интрейде», эта привлекательная женщина демонстрировала спокойную уверенность.

— В отсутствие секретаря решения принимаю я, — сообщила она. — Он оставил мне инструкции, и, если вы не возражаете, я хотела бы обсудить их с вами.

Ясон удивился. Он не знал, что женщины на Рестапе могут занимать такие ответственные посты, по крайней мере, не в «Интрейде». Он внимательно рассматривал ее. Либо у нее куча достоинств, либо она использовала

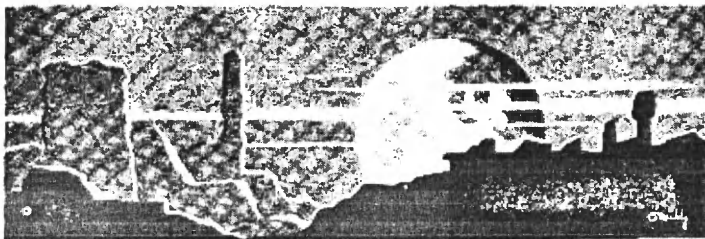
свою женскую привлекательность для продвижения по службе. А может, и того, и другого понемногу.

— Мы обнаружили, что в секторе Земли наша торговля разбалансировалась, — продолжила Эйрста. — Ради повышения экономичности доставки мы хотели бы уравновесить наш импорт с экспортом в этом районе. Возможно, к нашей взаимной выгоде, вы смогли бы помочь нам.

Определенно, смог бы, потому что для него такое решение представлялось удачным. Своим предложением «Интрейд» избавлял его от массы проблем; он и сам собирался предложить нечто подобное. Это мало походило на случайное совпадение, но он не собирался упускать открывшиеся возможности.

Уже к концу первого получаса осторожного разговора Ясон понял две вещи. Во-первых, Эйрста обладала исключительными способностями. Ее суждения о Земле, пусть и элементарные, звучали весьма разумно. Вероятно, это было результатом ускоренной подготовки с привлечением экспертов «Интрейда». Но при необходимости она проявляла изворотливость. Стоило ему подобраться к нужной информации, как она тут же уведила разговор в сторону либо давала бессодержательный по сути ответ. Рано или поздно он смог бы узнать, что хотел, но процесс получился бы длительным.

Во-вторых, он выяснил, что Эйрсте известно о его полете на Мерхейвен. Ясон не спросил, откуда она узнала, но проникся к собеседнице еще большим уважением. Вдобавок ко всем ее талантам, за ней стояла перво-классная организация. Ему следовало вести себя осторожнее.

Первая фаза обсуждения завершилась. Он выключил экран и покинул корабль. По дороге в отель Ясон заметил посреди шумного города маленькие островки зелени. Такой же насыщенной, какую он видел в Мерхейвене. Он поймал себя на том, что все еще думает об этой планете, и ощутил раздражение.

В тот же день, но чуть позже, в отель вприпрыжку вбежала Карлос. Когда она вошла в номер, ступни ее касались пола, но она тут же оторвалась от него и вроде бы нигде больше не касалась, пока не угнездилась у Ясона на коленях. Ему показалось, что она приветствует его не совсем как сестра. Голову ее покрывали колечки медного цвета, а мех представлял собой дикую смесь узоров и сверкающих цветов. Привлекательно, но несколько кричаще. Он посадил ее в кресло.

— Ты готов? — спросила Карлос.

— Готов к чему?

— К пикнику, — ответила она, поднимаясь.

Ясон присел в ближайшее кресло, стараясь занять оборонительную позу. Это не помогло. Она снова устроилась у него на коленях.

— Они оказались так добры, — сообщила Карлос.

— Кто они?

— Рестапийцы, конечно. В основном, «Интрейд». Все приготовилитя, каждый день сотрудничали с нами.

Это кое-что объясняло — в частности, почему Эйрста вела себя так осмотрительно. «Интрейд» наполовину угадала направление, в котором лежат его насущные интересы, а все их «сотрудничество» служило одной цели: разогреть клиента. Крэнсиане усложнили ему задачу. Ясон начинал жалеть, что согласился на пикник, но на этой стадии ничего уже поделать не мог.

Он попробовал расспросить Карлос о Крэнси, но она была слишком взволнована, и, в конце концов, он отказался от своих попыток. На самого себя времени у Ясона почти не оставалось, а еще требовалось привести в порядок мысли.

Разболелась голова. Не без труда убедив Карлос, что так оно и есть, Ясон понял, что только сон улучшит самочувствие.

Через какое-то время он проснулся. Головная боль ушла, зато появился Грэнди. Старик расположился на изогнутом ложе, повторяющем контуры тела, и для удобства откинулся на изголовье. Оделся он в некое помятое и не совсем ему подходившее подобие тоги.

— Где Карлос? — спросил Ясон, приподнявшись.

— Ушла, — неопределенно ответил Грэнди.

Над полом, в создаваемых вентиляцией струях воздуха, порхал тонкий листок бумаги. Ясон подобрал его и заметил, что Грэнди тактично отвернулся. Письменность крэнсиан вызывала у Ясона определенные трудности, и все-таки он понял, что бумага адресована ему.

— Что это? — спросил он.

Грэнди кашлянул.

— Ты хотел, чтобы я нанял корабль. Скорее всего, счет.

Ясон пристально посмотрел на старика. Точно, счет. Только примитивные представления крэнсиан о денежных делах не позволяли Грэнди дать прямой ответ. Он просмотрел весь список, разбирая каждый пункт по отдельности. Нанятый корабль представлял собой мир в миниатюре; по нему можно было изучать управление экономикой целой планеты. Но чем дольше он просматривал счет, тем меньше понимал.

— Это все? — спросил он, когда дальнейшее изучение документа стало казаться бессмысленным.

— Это честная цена, — упрямо сказал Грэнди. — Владелец корабля не сильно ее завысил.

— Завысил? — переспросил Ясон. — Я не понимаю, на эти деньги можно хотя бы поднять корабль с планеты? — Он снова посмотрел в счет. — Питание для сотни человек, туда и обратно. — Ясон назвал сумму за эту услугу. — Это невероятно дешево.

Грэнди самодовольно посмотрел на него.

— На Крэнси полно еды, — заявил он.

Ясон покивал, но Грэнди его не убедил его. Цена не могла быть такой низкой. Это говорило о том, что людям Крэнси надеяться не на что. Они жили во вселенной прожженных торгашей, но сами, похоже, ничего не знали о конкуренции.

— Плата за горючее составляет... почти ничего, — поднял он голову от документа. Простодушие этих созданий его обескураживало.

Воображаемые брови Грэнди поползли вверх.

— А ты чего ожидал?

— Оно должно что-то стоять, — раздраженно пояснил Ясон. — Железо, свинец, любой из преобразованных искусственных элементов. За что ни возьмись, ничего нельзя получить просто так, за все приходится соответствующим образом платить.

Грэнди пожал плечами.

— Почему мы должны платить? Это простейший способ от него избавиться.

— Избавиться от чего? — спросил Ясон. — Просто объясни мне, от чего вы должны избавляться.

Грэнди подался к нему и посмотрел по сторонам. понизил голос.

— Именно столько это и стоит. Мы обманываем рестайпцев, — прошептал он.

Учитывая огромную разницу в способностях тех и других, заявление звучало сомнительно. Ясон ничего не сказал, он ждал от Грэнди продолжения.

— На Рестапе мы получаем сырье и везем на Крэнси для переработки, — объяснил Грэнди.

— Минутку. Почему вы получаете сырье на Рестапе?

— Потому что у нас его нет, — ответил Грэнди. Он почесал затылок. — Мы не позволяем им узнать, из чего состоит процесс переработки, иначе удача от нас отвернется. На выходе процесса получаем гуп. Большую часть отправляем назад, на Рестап, и кое-что оставляем себе. Ты видел, как мы одеваемся?

Ясон кивнул. Но рестайпцы, конечно же, одеваются по-другому.

— Для чего они его используют? — спросил он.

— Клянусь, не знаю, — с достоинством ответил Грэнди. — Я — хранитель культуры. Никогда не вникаю в технические вопросы.

Несомненно, проблема заключалось в том, что ему не хватало знаний для понимания.

— А что насчет Карлос? — спросил Ясон. — Она знает, как его используют здесь?

— Возможно, — ответил Грэнди. — Она составитель.

Это ничего не объясняло, и Ясону пришлось поинтересоваться:

— Что она составляет?

— Почти все, — сказал Грэнди. — Но, по-моему, лучше всего у нее получается с животными.

Ясон внутренне застонал. Семья его матери явно держалась в стороне от всего прикладного. Составитель?

— Забудем о том, как они используют гуп, — устало сказал он. — Расскажи мне про горючее.

— В конце процесса мы получаем остаток, который ни на что больше не годится. Раньше у нас были проблемы — как от него избавиться? Потом кто-то попробовал его в качестве топлива. И получилось. — Грэнди подмигнул. — Естественно, мы им об этом не сказали.

— Естественно, — мрачно согласился Ясон. На что бы рестайпинг не использовали гуп, дела у них шли неплохо, иначе они не продолжали бы обмен. Они заботились о своих интересах и, возможно, в какой-то степени зависели от поставок с Крэнси. — Значит, сырье вы получаете с Рестапа. И что это за сырье?

Грэнди с жалостью посмотрел на него.

— Я — хранитель культуры. Это тебе о чем-нибудь говорит? — Не дождавшись ответа, он беспомощно покачал головой. — Я знаю все о материалах, связанных с моей профессией — что люди поют, пишут, рисуют, играют. Но что касается сырья, о котором говоришь ты, тут я помочь не могу.

Возможно, его невежество нельзя считать таким уж вопиющим, решил Ясон. Он сам ежедневно пользовался множеством вещей и понятия не имел, откуда они взялись и как их изготовили. Задав еще несколько вопросов, он отложил информацию в голове для дальнейшего использования. Картина Крэнси постепенно вырисовывалась, хотя и медленно.

Казалось, деревья повсюду. При ближайшем рассмотрении он понял, что это, конечно же, не деревья, хотя они и были такими же высокими. Гигантские растения Рестапа, каково бы ни было их происхождение, знаменовали собой успехи научной биологии. Ясон выбрался из толпы. Народу пришло слишком много, он не мог запомнить все имена. Явилась сестра его матери. Она напоминала Карлос, только не такую подвижную и слегка располневшую в талии. Прибыли и остальные, и все перемешались: кузины, дяди, тети и другие, степень родства с которыми имела значение только на Крэнси. Ясон чувствовал себя не в своей тарелке.

Эйрста вышла из толпы гостей следом за Ясоном. Она взяла на себя значительную часть приготовлений и теперь присутствовала в качестве почетного гостя. Держась с холодной уверенностью, женщина выглядела очень привлекательно в вечернем платье, фасоном от-

даленно напоминающем моду Земли. Единственной диссонирующей с нарядом ноткой казалось крошечное переговорное устройство, закрепленное на плече.

Для всех чиновников в должности выше клерка, для всех бизнесменов Рестапа такие устройства обеспечивали связь с офисом. Конечно, существовали и другие средства сообщения, но персональные портативные радиации служили, прежде всего, атрибутами статуса, и ни один человек на коммерческой планете Рестап, получивший право пользоваться такой вещью, не пренебрегал ею.

Коммуникатор Эйрсты напоминал формой цветок. Внутренний механизм, пусть крошечный, но очень сложный, оставлял немного пространства для создавшего изделие мастера. Цветок больше напоминал абстрактную модель, чем живое растение, но тем оригинальнее он смотрелся — возможно, это и привлекло внимание Эйрсты.

Женщина стояла рядом с Ясоном на возвышении в небольшом амфитеатре и смотрела, как развлекаются собравшиеся в парке крэнсиане. Гости как раз устроили своего рода атлетическое состязание. Участвовали два человека, каждый из которых держался за конец веревки длиной около пяти метров. По веревке на маленькой проушине быстро скользил тяжелый шар. Хлесткое движение запястьем посылало снаряд по веревке в сторону соперника, который, в свою очередь, таким же резким ударом старался отправить его назад. Получалась дуэль: выпад — блок, снова выпад, и эта забава требовала сильных рук и гибкого тела, чтобы не получить болезненного удара по голове.

— Очаровательно, — сказала Эйрста, но Ясон усомнился в искренности ее замечания. — Не думаю, что мы когда-нибудь сумеем понять их. Мы с ними давно знакомы, но они не стали дружелюбнее.

Ясон кивнул. Они напоминали ему детей. Бросалось в глаза, что в сравнении с ними Эйрста выглядела зрелой личностью. Находясь рядом с ней после шумной, веселой компании, с которой ему пришлось перезнакомиться, он чувствовал облегчение.

Эйрста вдруг ахнула. Сначала Ясон не понял, что в чем дело, и, повернувшись, проследил за ее взглядом. По склону спускался его дед, за ним следовал десяток мерхейвенианцев, почти все такие же рослые и крепкие. Как башни, они возвышались над субтильными крэнсианами, мимо которых шли, не обращая на них внимания. Насколько мог судить Ясон, оружия у деда и его спутников не было; к счастью, и крэнсиане его не захватили.

— Мы всегда старались держать их на расстоянии друг от друга, — прошептала Эйрста. — До сегодняшнего дня получалось. — Она оставила Ясона и пошла на встречу мерхейвенианцам, которые, увидев ее, остановились.

— Мы не потерпим никаких беспорядков. Помните, пожалуйста, что находитесь на Рестапе. — Она поднесла руку к переговорному устройству.

Самое время попросить помощи, подумал Ясон, но Эйрста этого так и не сделала.

Его дед наклонил голову.

— Разве мы можем забыть, — сказал он и, подойдя к Ясону, негромко добавил: — Я стар, но не до такой сте-

пени, чтобы не понять, что вел себя как дурак. — Выглядел он спокойным и довольным, совсем не так, как на родной планете. Только достоинство соблюдал по-прежнему.

Краем глаза Ясон заметил, что игра прекратилась. Крэнсиане сбивались в кучку, никто больше не кричал. Только сейчас он обратил внимание на то, что праздник организован в тесном месте. Вообще-то он летал на Мерхейвен, чтобы устроить встречу с представителями Крэнси. Так и улетел, не сделав предложения, потому что затея показалась ему неосуществимой. Теперь встреча все равно состоялась, хотя Ясон не был уверен, что она получится дружеской.

— Разум человеческий не так логичен, как нам хотелось бы. Мы можем совершать странные поступки, когда находимся в расстроенных чувствах. — Заявление прозвучало неубедительно, но Ясон надеялся, что выразил желание понять непредсказуемое поведение его деда на Мерхейвене. Желание понять, но вовсе не одобрение.

Старик ограничился тем, что молча кивнул. Он не привык за что-либо извиняться, и вокруг собралось слишком много людей, чтобы обсуждать эту тему.

— Я привез снаряжение, которое ты забыл. — Старик скупно улыбнулся краешками губ. — Еще я услышал про «Дружбу». Даже любопытно стало; может, позже расскажешь мне о ней.

Его интерес к «Дружбе» показался Ясону странным. Означает ли это, что о мерхейвенианцах он тоже судил неверно? Похоже, что так. Он не мог догадаться, откуда дед узнал про фонд, но, поскольку узнал, только этот

факт имел значение. Ясон с опозданием пожалел о том, что сам до сих пор почти ничего о нем не знает. Мало просто являться президентом «Дружбы». Нужны факты. Он пробормотал, что будет рад все рассказать.

Старик смотрел по сторонам.

— Никогда не видел так много крэнсиан и так близко. — Казалось, его заинтриговало и озадачило, что крэнсиане оказались вовсе не чудовищами.

— Они нормальные ребята, — пожал плечами Ясон, посчитав неразумным сразу навязывать свое мнение. Пусть делает выводы сам.

Дед глянул вниз.

— Слышал, твоя мать была такой же мелюзгой, как вот эта. — Голос его звучал снисходительно.

Ясон проследил направление его взгляда. Оказалось, что подошла Карлос, которая и стояла теперь возле него — ростом едва выше локтя Ясона.

— Ты еще много чего услышишь, прежде чем у тебя отвалятся уши. Только мерзавец станет притворяться, что всему этому верит, — сказал Грэнди, появляясь с другой стороны.

Взгляд деда потемнел.

— Думаю, ты неправильно понял, — голос его стал грубее. — Для нас в слове «мелюзга» нет ничего унижительного. На нашей планете есть драгоценности, которые мы называем... — Он замолчал, грустно, почти с сожалением вздохнул и взмахнул рукой, описав ею огромную дугу.

Если бы рука деда опустилась, что-нибудь обязательно бы треснуло — либо кости в ней, либо череп Грэнди. С невероятным для его возраста проворством Грэнди

уклонился. Пока рука пролетала мимо его головы, он поймал огромный кулак и, используя инерцию движения, вывел его за спину противника, потом вскочил на гиганта-мерхейвенианца сзади и заключил его горло в удушающий захват.

Дед взревел, выгнулся, оторвал от себя Грэнди и бросил через голову. Грэнди перевернулся, приземлился на ноги и снова бросился в атаку.

За ним устремились мужчины с Крэнси; не отставали и женщины. Уступая им в численности почти в десять раз, но более крупные и физически сильные, мерхейвенианцы держались вместе. Каким-то загадочным образом в руках у них оказалось оружие. Не гелевые пистолеты или нечто в этом роде; мерхейвенианцы подготовились лучше, чем могло показаться на первый взгляд. Некоторые сжимали длинные ножи, другие размахивали металлическими палицами с запястье толщиной.

Ясон закричал и ринулся в разрыв между двумя группами. Дед пренебрежительно отшвырнул его в сторону и пошел в атаку. Перед тем, как удариться о землю, Ясон увидел его глаза, пылавшие жаждой смерти.

Бросившись сверху, Карлос накрыла его своим телом.

— Не вставай! — пронзительно закричала она. — Ты пострадаешь!

Ясон зарычал. Пострадать, причем, без всякой разумной причины, могли десятки людей. Целая толпа народа. Прошло несколько минут, прежде чем он сумел стряхнуть ее с себя и подняться на ноги.

К тому времени исправлять что-либо было уже поздно. Амфитеатр превратился в ловушку. Если бы кто и хотел, он не смог бы подобрать более подходящей аре-

ны. Всем пришлось драться, даже тем, кто не собирался; оказалось, что бежать некуда. Оставался только путь вверх по крутым ступеням амфитеатра, но те, кто карабкался по ним, становились мишенями для находившихся внизу. У Ясона на глазах девушка-крэнсианка, пытавшаяся спастись наверху, упала с ножом в бок.

Поискав глазами Эйрсту, он понял, что она исчезла. Возможно, побежала за помощью, хотя вполне могла воспользоваться коммуникатором. Может, пока он не видел, она вызвала помощь. Дрожа от злости, чего с ним никогда не бывало, Ясон бросился в свалку. Ведь это его люди, и все они проявляли интерес к «Дружбе». Удар кулаком пришелся прямо по темени, и Ясон снова упал. На этот раз он уже не поднялся.

Когда вернулось сознание, вокруг стояла гробовая тишина. Эйрста склонилась над ним.

— С вами все в порядке. Лежите спокойно. — Ясон не ответил, он и так лежал спокойно. Пошевелил руками и ногами; вроде ничего не сломано, хотя тело одеревенело и ныло. Сел. Увидел, что все еще находится в амфитеатре. Здесь же лежали трое мерхейвенианцев и несколько крэнсиан. Кто могли, уже ушли, за исключением Карлос. Ее, похоже, не ранили, но выглядела она ошеломленной и апатичной.

С помощью Эйрсты Ясон поднялся на ноги. Реставрическая полиция и медики еще не прибыли. Женщина перехватила его взгляд.

— Они скоро будут.

Он заковылял к распростертым телам. Незнакомый мерхейвенианец лежал без сознания и еще дышал, хотя

видно было, что осталось ему недолго. Девушка-кренсианка с ножом в боку. Кровотечение из раны прекратилось; она повернула голову и слепо уставилась на него.

Его дед с Мерхейвена открыл глаза, когда Ясон приблизился к нему. Попробовал улыбнуться, но губы уже не слушались, и лицо скривилось в гримасе.

— Я не хотел, чтобы такое случилось.

Возможно, не хотел, но проделал отличную работу, чтобы все началось, он и Грэнди. Тем не менее Ясон поверил ему. Дед явился не за тем, чтобы драться.

— В космопорте мне сказали, где тебя найти, — прошептал он. — Я хотел увидеть тебя... и их.

Эйрста поджала губы. Она ничего не сказала, но Ясон мог догадаться, о чем она думает. Кто-то в космопорте получит сильный нагоняй от «Рестап интрейд».

Дед снова прошептал что-то. Опустившись на колени возле него, Ясон слушал.

— Они мне даже ненадолго понравились. Я рад. — Он закашлялся и закрыл глаза, отдыхая. Потом с заметным усилием поднял веки. — Удивительно было увидеть, как они выглядят. Такие миролюбивые. — Он облизал пересохшие губы. — Я ни к кому не питаю ненависти, даже к ним. — На этот раз глаза его остались открытыми, а щеки, напоминавшие старый гранит, ввалились.

Ясон встал. В амфитеатре садились вертолеты с полицейскими и медиками. Известная своей деловитостью администрация, которой рестайпинг так гордились, на этот раз допустила сбой. Помощь пришла слишком поздно. Госпитальные бригады быстро снова-

ли между убитыми и ранеными, полиция следовала за ними по пятам, убирая и подчищая. Добрались они и до Карлос, и не успел Ясон выразить протест, как в бедро ей уже вонзили иглу шприца. Может оно и к лучшему — успокоительное девушке не помешает.

Ясон уселся перед электронным советником. В последний раз он получил неудовлетворительные ответы. Вряд ли сегодня будет намного лучше, но теперь у него больше информации и, возможно, машина сумеет прийти к какому-то заключению.

Активизировав советника, он вербально передал ему всю дополнительно собранную информацию. Машине понадобилось много времени, чтобы логически осмыслить ее.

— Итак, Ясон, что ты об этом думаешь?

— Не знаю, что и думать, — устало сообщил он. — Поэтому и включил тебя.

— Конечно. Но есть такая вещь, как периферийная информация; ты не можешь передать ее мне, потому что не знаешь о ее существовании. Тем не менее, она зачастую влияет на твои решения. Например, ты не сможешь отнести к определенной категории выражение лица человека, но из-за этого выражения ты либо станешь доверять ему, либо нет. И обычно ты оказываешься прав.

Ясон отмел объяснения машины.

— Этого не должно было случиться, — сказал он. — Провокации не было.

— Провокация была. Это осталось вне пределов твоего восприятия, но она там присутствовала.

К нему пришло путающее ощущение того, что машина права.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. Здесь могла таиться первая зацепка.

— Ничего особенного. Слово, тон голоса, воспоминание. Внезапное движение, всего лишь игра света на листке, но кто-то решил, что метнули нож. Можешь ли ты утверждать, что ничего похожего не заметил? Это случилось, а значит, существовала причина.

Он не мог утверждать обратное, но ведь у всех есть воспоминания, и все видят листок. Если мир между ними зависит от такой малости, то его никогда не достичь. Машина что-то упустила. И он тоже.

— У меня алогичное чувство, что во всем виноват я, — сказал Ясон.

— Не алогичное, а сублогичное, — поправила машина. Похоже, с течением времени она мыслила все более эффективно.

— Пикник устроили крэнсиане, и твой дед прибыл на него, и в обоих случаях это связано с тобой. Но в смысле вины ты не прав. Ты не мог предвидеть результат.

Ясон и мысли не допускал, что ему требуется лечение у психиатра или даже незначительная помощь психолога, поэтому пропустил заверения машины мимо ушей.

— Я — связующее звено, — заявил он. — Проверь все, что знаешь обо мне.

— Есть и другое звено, о котором ты забыл, — возразил советник. — Рестап.

— Каким образом?

— Никаких конкретных данных. Однако Рестап контактировал с Мерхейвеном и Крэнси веками. Очевидно, они выработали для этой цели соответствующие технологии.

— Для каждого народа в отдельности у них, возможно, технологии существуют. Но это не говорит о том, что их подходы срабатывают, когда два народа встречаются лицом к лицу.

— Это правда. И я не подразумеваю сознательное манипулирование со стороны рестапийцев. Тем не менее, они могут добавить тебе данных, если захотят.

Электронный советник надолго замолчал. Ясон ждал, минуты шли. Машина безмолвствовала.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Ясон.

— Появились дополнительные данные, — отозвался советник. — Я изучаю их.

— На это требуется так много времени?

— В данном случае требуется. Неожиданно стали доступны записи разговоров твоего отца. Не менее одной беседы в неделю, и каждая продолжительностью в несколько часов. Весь период охватывает почти пятнадцать лет.

Целая гора информации, даже психокомпьютеру потребовалось довольно продолжительное время, чтобы просмотреть ее.

— Ты знаешь, почему теперь она доступна, а раньше мы не могли ею воспользоваться?

Машина вернулась к событиям недавнего прошлого.

— Когда корабль прибыл на Мерхейвен, техники по ремонту, среди прочего, проверили все микросхемы. Они настроили все функции, которые работали непра-

вильно, включая банк памяти.

Это могло иметь последствия, причем нежелательные.

— Они получали какую-нибудь информацию?

— Никакой. Они не интересовались, чем ты занимаешься.

Уже лучше, подумал Ясон. И вот доказательство, если оно требуется, что мерхейвенианцы в технике настоящие эксперты, хотя не подают вида.

— Это проливает свет на нашу проблему?

— Найдены два факта, — сказал советник. — Я обобщу, поскольку ссылки разбросаны на отрезке в несколько тысяч часов бесед, и тогда у тебя будут цитаты, относящиеся к делу.

— Достаточно и резюме.

— Хорошо. Твой отец родился на Мерхейвене и никогда не покидал его, пока не улетел на Рестап по делам бизнеса. Именно там он встретил твою мать.

Вот так новость — как встретились его родители. Даже если бы Ясон совсем перестал мыслить, то и тогда пришел бы к такому же заключению. Но факты весомее логики.

— Не вижу, что нам это дает, — сказал он.

— Только этот факт: мужчина с Мерхейвена встречается женщину с Крэнси на Рестапе. Такое случалось и прежде, в космосе и на планетах, и в каждом отмеченном случае ко времени, когда они расставались, один был уже мертв — в независимости от пола и прочих факторов. Но в данном случае конфликта не произошло.

Прикрыв глаза, Ясон подумал: это о чем-то говорит, а может, и нет. Предполагается, что нормальные люди

встречаются миролюбиво. Доказывает ли тот факт, что имела место всего одна такая встреча, что жители Крэнси и Мерхейвена ненормальны? Он склонялся к мысли, что доказывает, хотя и затруднялся определить, что понимает под нормальностью. Они встретились на Рестапе, и это важно. Что на них повлияло? Планетарное воздействие? Эту версию можно было бы принять за исходную. Но ведь остается еще пикник. Встретились представители двух рас. Напряжение поначалу прослеживалось минимальное, а потом посреди разговора что-то изменилось — и началась бойня. И позже, когда схватка завершилась, ситуация снова переменялась. Мир — конфликт — мир. Он не мог уловить, что же произошло. Периферийная информация, говорил советник, но Ясон сам видел, как его дед с Мерхейвена проходил через эти стадии. Подобное нельзя списать на планетарное воздействие. Не за такое короткое время.

Значит, действовал другой фактор.

— Гипноз? — открыв глаза, спросил Ясон.

— Ты хочешь сказать, со стороны рестапийцев? — спросил советник. — Включи голову. Конфликт между Мерхейвеном и Крэнси существовал еще до заселения Рестапа. Он начался раньше. Кроме того, массовый гипноз весьма труден. В планетарном масштабе вообще невозможен. Вдобавок, существуют простые способы его обнаружения, и они общеизвестны.

Конечно же, машина права. История подтверждала, что Рестап не мог вызвать первоначальный конфликт. Но от чего-то надо отталкиваться.

— Телепатия? — предположил Ясон.

— Что нам дает эта гипотеза? Может, человеческая раса и развивается в этом направлении, но пока нет ни одного индивида, владеющего данной способностью.

Действительно, гипотезой много не объяснишь. Если бы те или другие владели телепатией, то напряженность между двумя народами, скорее всего, пошла бы на спад. Никому, однако, неизвестно, по каким законам работает эта самая телепатия. А может, рестапийцы-телепаты? Это сделало бы из них прекрасных бизнесменов, а они такие и есть, значит, предположение правдоподобно. Целая планета покрыта порослью новых зданий, все выглядят довольным и упитанным. Но процветание не преступление; многие планеты процветают без всякой телепатии. Например, Земля.

Значит, телепатия и гипноз отпадают. Но он должен найти движущие силы. Лучшая отправная точка — Рестап, и перед ним стоит задача понять, с чего начинать.

Он встал и подошел к машине.

— Ты не хочешь узнать второй факт? — спросил компьютер.

О втором факте Ясон уже забыл. Машина сообщила, что в записях бесед отца имеются два относящихся к делу факта. Вдруг второй поможет.

— Что там? — спросил он.

Советник заколебался.

— Хочу подчеркнуть, что это всего лишь его мнение. Я не имею возможности проверить, соответствует ли оно действительности. Тем не менее, у меня по крайней мере пятьдесят упоминаний о нем.

— Давай послушаем, — сказал Ясон.

— Твой отец был убежден, что убил твою мать.

— Ерунда, — резко бросил Ясон. Он вспомнил отца и множество врачей в их доме. — После моего рождения она постоянно болела, но отец располагал средствами и обеспечил ей лучший в галактике медицинский уход.

В самом деле, лучший. Выдающиеся специалисты с десятков планет прилетали к ней, но не могли ничего поделать. Она так и умерла — очень молодой.

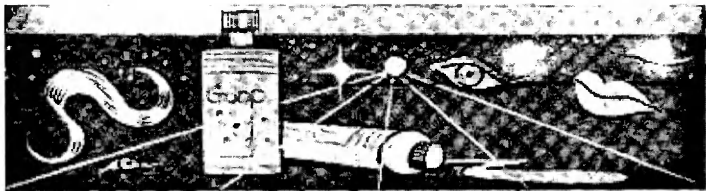
Ясон помнил тот день еще ребенком. Отец как раз приехал домой в один из своих редких визитов на Землю. Они любили друг друга, Ясон это точно знал, но не часто проводили время вместе.

Он выключил компьютер.

Весь день он анализировал проблему и, наконец, пришел к определенному решению. Он понял, что до разгадки далеко, но, кажется, нашел способ, как до нее добраться.

Рестап. Трудно сказать, что знают рестапийцы, но следует признать — они обладают уникальным опытом контактов и с Крэнси, и с Мерхейвеном. Неизвестно, как много они теоретизировали на этот счет. Возможно, приписали успехи своим выдающимся талантам и на этом успокоились.

Можно вызвать экспертов, но с чего им начинать? Материала хватит для всех — лингвистов, правоведов, культурологов и детективов, или как их там сейчас называют. Дай им достаточно денег, и они придут с ответом через год-другой, не двадцать же лет им на это требуется.

Ясон принял стандартные меры предосторожности и некоторые нестандартные тоже. Проверил антигипнотическое устройство — картридж показывал запас в несколько тысяч часов. На всякий случай заменил его новым. Предполагалось, что все антигипнотические приборы имеют антивандальную защиту, но он доверял только тем, которые возил с собой. Включив устройство, Ясон дал ему поработать, пока на новом картридже не замигал индикатор. Теперь он знал, что защищен от гипноза, и связался с Эйрстой.

— Я хотел бы отменить сегодняшние переговоры, — сказал он, глядя ей в глаза. Похоже, ему удалось не переусердствовать.

— Мне жаль, — ответила она и, помедлив, добавила: — Думаю, я вас понимаю. Я не любительница всяких похоронных ритуалов. И мне совсем не хочется даже близко подходить к мерхейвенианцам. — Тут экран замигал, изображение исказилось. Ясон нахмурился; кто-то вмешивался в сеанс связи.

Заметив выражение его лица, Эйрста сообщила:

— В районе действует нелегальный передатчик. Мы его отслеживаем, и он скоро перестанет работать. Если хотите, продолжим разговор позже.

Ясон пожал плечами.

— И это происходит на планете с самым эффективным управлением? — Он надеялся, что выглядит достаточно раздраженным. — Вообще-то я хочу совсем отказаться от переговоров. Сейчас у меня невыгодное положение. Через несколько месяцев ситуация выправится, и я сам позабочусь о своих интересах.

Сработало. Она из всех сил старалась не выдать растерянности.

— Почему бы не отправиться на планету отдыха? Одна из них совсем рядом, в соседней системе. Мы резервируем ее для нашего высшего руководства, но я могу устроить, чтобы вас приняли.

Он сделал вид, что обдумывает предложение.

— Если вам не слишком трудно...

— Вовсе нет, — заверила она. — Кому-то из «Интрейд» придется лететь с вами, но это не проблема. Я могу отлучиться.

Ясон даже надеяться на это не мог. Кто-то должен лететь с ним. Он так и думал. Но не рассчитывал, что это будет Эйрста. Ему даже жалко стало, что она вызвалась.

Не то чтобы это имело значение. Любой чиновник из «Интрейд» сгодится. И чем выше у него пост, тем больше информации Ясон получит. Но ситуация складывалась неловкая.

Эйрста неверно поняла выражение его лица.

— Вы ведь не антифеминист? — спросила она, слегка забавляясь. — Я думала, на Земле женщины приняты, как равные, во все сферы жизни.

Не успел он ответить, как экран пугающе ярко вспыхнул, и это напомнило ему атаку на подлете к Мерхейвену. Когда он открыл глаза, Эйрста исчезла, а на экране

появилась Карлос. Лицо расстроенное, волосы всклокочены.

— Они не пускают меня к тебе. Я пыталась, а они меня завернули.

— Кто тебя не пускает? — Никакой личной жизни от этих крэнсиан. Они вламываются к тебе и убегают, не спрашивая разрешения, как дети.

— Рестапийская полиция, — возмущенно ответила она. — Вокруг всего отеля охрана, и я не могу пробиться.

— Сейчас я очень занят, — объяснил Ясон. — У тебя срочное дело, чтобы поговорить со мной?

— Это про пикник, — сказала Карлос.

— Очень прискорбный случай, — произнес он. — Хотелось бы забыть о нем как можно скорее. — Он с некоторым сомнением посмотрел на нее. — Хотя, если ты считаешь, что из этого выйдет толк, заходи, поговорим.

— Но я же не могу, не пускают, — всхлипнула она и спрятала лицо в ладонях.

Она просто возбуждена и, конечно, шокирована, подумал Ясон, но у него нет времени утешать ее и приводить в чувства. Пройдет несколько дней, и успокоится сама.

— Я скоро улетаю. Но вернусь, тогда увидимся.

Пока гас экран, Карлос беспомощно смотрела на него.

Потом вместо нее на экране появилось другое знакомое лицо.

— Это нелегальный передатчик, — спокойно пояснила Эйрста. — Полиция его обнаружила, он больше не будет вас беспокоить, пока вы сами не захотите с ней поговорить.

— Не захочу.

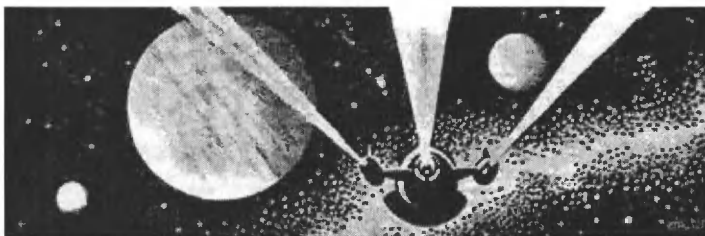
— Я тоже так думаю. Поэтому первым делом разместила охрану вокруг отеля. Одно ваше слово — и я ее уберу.

Он ничего не сказал. Карлос будет недовольна, но какое-то время ему придется работать в одиночку. А результаты, как он рассчитывает, окажутся важнее, чем уязвленные чувства Карлос.

— Не беспокойтесь о ней, — посоветовала Эйрста. — Мы никогда не выдвигаем против крэнсиан тяжелых обвинений. Так мы вынуждены платить за хорошие отношения с ними.

Понятно. Очень удобная для бизнеса политика. Интересно, подумал он, а той ли стороны я держусь? В чем-то я больше похож на рестайпйцев, чем на тех людей, которые числятся у меня в родственниках. Рестайпйцы такие здравомыслящие, уравновешенные люди.

Он закончил разговор с Эйрстой, а когда она отключилась, расслабился, чтобы подумать. На дорогу до планеты отдыха уйдет дня три-четыре. Придется использовать наркотики, когда она будет спать. Быстродействующие препараты станут забирать у нее по два-три часа отдыха, о которых Эйрста и не вспомнит. За несколько сеансов он получит информацию о Крэнси и Мерхейвене. К тому времени, когда они доберутся на место, никаких следов наркотиков в организме не останется. Потребуется чрезвычайно сложное обследование, чтобы узнать, что с ней случилось, но для этого нужно оборудование такого же качества, как на Земле. А его не так уж много, и у рестайпйцев оно вряд ли найдется.

Жалко, что выбор пал на Эйрсту, но ничего не поделаешь. Женщина ему нравилась, и он успокаивал себя мыслью, что полученная информация ничего не значит ни для нее, ни для Рестапа, просто они по привычке не хотят ею делиться.

Какой-нибудь ученый сумеет поработать с полученными сведениями и начнет распутывать проблемы Крэнси и Мерхейвена, а его дело — позаботиться о том, чтобы ученому представилась такая возможность.

Перед тем, как заснуть, Ясон думал о Карлос. И жалел, что не нашел времени повидаться с ней.

Корабль плыл в серой мгле межпланетного пространства. Ясон хмурился: сзади его нагоняла какая-то потрепанная посудина. Поразительно — у него хороший корабль, не такой скоростной, как лучшие военные крейсера, но не хуже любого новейшего коммерческого судна.

Открыв подачу энергии до упора, Ясон почти ничего не выиграл, скорость возросла очень незначительно. Чужак пошел на сближение даже быстрее. Потом, словно почувствовав, что корабль Ясона достиг своего

предела, в поле зрения появился ветхий летательный аппарат крэнсиан.

На экране возникло лицо Грэнди.

— Поздравляю.

Ясон помрачнел еще сильнее. Грэнди решил над ним посмеяться? От него никуда не деться — ни в отеле, ни в космосе, среди звезд. Ясон проигнорировал странное приветствие.

— Что у тебя в этом корабле?

— Ничего, — гордо ответил Грэнди.

Ясону было не до шуток; он надеялся, что это написано у него на лице.

Грэнди подмигнул.

— Совсем ничего, — твердо повторил он.

Значит, от рестапийцев они ничего даром не получают, кроме топлива, сопутствующего продукта при производстве гупа. По крайней мере, они считают, что за даром. Насколько мог судить Ясон, такое топливо не могло являться второсортным товаром, оно относилось к высшей категории качества. И он знал, что найдется масса людей, которые с ним согласятся. Это горючее придавало кораблю, готовому развалиться на части, невероятное ускорение. Чуть позже, когда Ясон разберется с этой запутанной историей, он поможет им выгодно продавать его — за пределами сферы влияния рестапийцев. Покупателей найти будет нетрудно.

— Поговорим потом, — сказал Ясон, спиной почувствовав, что кто-то вошел. В отсеке появилась Эйрста.

Грэнди облегченно кивнул; его секрет останется в тайне.

— Ты улетел, и мы не успели с тобой связаться. А потом услышали про это и решили сделать тебе подарок.

— Услышали про что? — не понял Ясон.

Грэнди являлся гением по части оглушения людей. Он мог простым заявлением поставить в тупик на несколько часов опытного лингвиста.

— Ты хочешь получить подарок или нет? — спросил Грэнди. — Если хочешь, выпускай захваты, мы его сейчас вытолкнем.

— Заберите его, — шепотом посоветовала Эйрста. — Потом можно будет выкинуть.

Ясон взглянул на нее: она отреагировала неправильно. Ей следовало заинтересоваться скоростью корабля крэнсиан, а она вместо этого хотела от него отделаться.

— Что там такое? — спросил Ясон у Грэнди.

— Увидишь. И будь осторожен. Оно редкое и хрупкое.

— Заканчивайте с этим, — поторопила Эйрста. Она стояла спиной к экрану, и Грэнди ее не слышал.

Подойдя к приборной панели, Ясон открыл грузовой шлюз. Потом подвел свой корабль как можно ближе к крэнсианскому. Следующие несколько минут ушли на то, чтобы осторожно принять посылку на борт своего судна. Завершив манипуляции, он закрыл шлюз.

Не успел Ясон связаться с Грэнди, как крэнсианин сделал разворот и, набирая скорость, умчался прочь. Ясон перевел полет в автоматический режим.

— Оставьте его в шлюзе, — предложила Эйрста. — Пусть там стоит. — Он пожал плечами:

— Грэнди сказал, там хрупкая вещь. — Ясон двинулся вниз, к грузовому отсеку; Эйрста последовала за ним.

В шлюзе стоял обычный контейнер для космических

посылоч. Если груз того требовал, он мог обогреться изнутри. Этот обогрелся.

Ясон открыл контейнер. Внутри стояла клетка, а в клетке сидело животное. На клетке висела карточка, на ней затейливыми, текучими письменами крэнсиане вывели одно слово. Ясон сумел расшифровать его.

— Поздравляем, — прочитал он.

Это слово произнес Грэнди вместо приветствия, и вот опять. И снова оно не понравилось Ясону.

— Что это значит? — спросил он у Эйрсты.

— Я думаю, здесь какая-то ошибка. — Она покраснела.

Конечно, она женщина, и в том, что происходит с капиллярами ее щек, нет ничего необычного, подумал Ясон. Ничего необычного, но он почувствовал тревогу.

— Какого рода ошибка? — Кажется, он начинал догадываться.

— Согласно нашим обычаям, — начала объяснять она, — когда женщина покидает Рестап вместе с мужчиной...

— Могу догадаться, — перебил он. — Считается, что она вышла за него замуж.

— Не совсем, хотя это рассматривается, как заявление о намерениях. Во всяком случае, мое положение в «Интрейд» перевешивает тот факт, что я женщина, а поскольку этот обычай не является вашим, то можно считать, что мы им не связаны.

— Вы правы, — согласился Ясон. — Это не мой обычай, и наше деловое путешествие — не предсвадебный полет. — Слова прозвучали резко, но он решил, что это к лучшему. Удачная мысль — с самого начала ясно изложить свою позицию. Она действительно очень

привлекательная женщина, и определенно весьма способная. При других обстоятельствах... Он с удивлением понял, что при других обстоятельствах он, скорее всего, не возражал бы. Совсем недавно он не замечал у себя таких намерений.

Она стояла, отвернувшись, и Ясон не мог точно определить ее реакцию, но чувствовал, что Эйрста не удивлена.

— Избавьтесь от этого, — сказала она, кивнув на животное. — Выбросьте вон. Я его видеть не хочу.

Само собой, она не хотела его видеть. Но зверь помог Ясону обратить внимание на одно качество Эйрсты, которое она по каким-то причинам скрывала. С причинами он разберется позже. Но теперь он мог добавить к характеристике Эйрсты, что если разозлить, она способна на жестокость.

— Ни за что, — отрезал Ясон. — Это живое, высоко-развитое существо. Вам известно, что это за животное?

— У нас есть такие в зоопарках, — ответила она нетвердым голосом. — Значит, вы его не выбросите?

Он не обратил на нее внимания. Эйрста скомкала поздравительную карточку и проследовала из грузового отсека вверх, в носовую часть корабля.

У Ясона накопилось много вопросов, с которыми следовало разобраться. Он присел перед клеткой и прочитал надпись на табличке:

РОСЛИНГ. Редкий вид животных, обитающий на Крэнси. Ценится как сообразительное и покладистое домашнее животное.

Ни на одном звере он никогда не видел столько шерсти — длинной, вьющейся и золотистой, как руно. Шерсть курчавилась по всему телу, но на морде животного казалась особенно густой. Оставалось загадкой, как оно могло хоть что-то видеть. Передние лапы были короче задних, и существо передвигалось прыжками, как кенгуру. Повернувшись к Ясону, оно просительно заскулило.

На табличке значилось, что это сообразительный и миролюбивый зверь, поэтому он открыл клетку. Животное прыгнуло на волю и потерялось о его ноги. Ростом с крупную собаку, оно не походило на остальных зверей, известных Ясону.

Он погладил рослинга по голове и тут же отдернул руку. Ладонь стала липкой. Из глаз животного текла влага. Возможно, оно заболело. Надо будет передать его в зоопарк, там оно получит необходимое лечение.

Сам по себе рослинг Ясона не интересовал, он только напомнил о главной проблеме. Эйрста провела на корабле уже два дня, а он еще ничего не сделал, чтобы получить информацию, за которой охотился. Почему он до сих пор ничего не предпринял? Если он вообще хочет чего-то добиться, то времени осталось совсем немного.

Раньше Ясон думал, что поступил умно, изолировав должностное лицо из «Интрейда», но теперь засомневался. Кто из них изолирован? Однако корабль принадлежал ему, и он мог ответить на этот вопрос. Ясон вышел из отсека в коридор; рослинг прыгал впереди, потом свернул в боковой переход. Пусть скачет, подумал Ясон, от него вреда не будет.

Закрывшись в лаборатории, он отключил экран. Всякий важный человек, покидающий сферу своего влияния, рискует. Хорошая лаборатория хоть и не обеспечивает полной защиты, но сводит риски до минимума.

Вставив руку в отверстие небольшого прибора, Ясон подождал, пока не почувствовал, как игла сначала вонзилась в плоть, а потом вышла из нее. Через несколько минут он уже читал результаты анализа: никаких следов наркотиков, гормональный баланс в норме. Заключение по наркотикам удовлетворило его, но вывод по гормональному балансу оказался неточен. Химически его тело не относилось ни к одной определенной категории, glandулярные реакции всегда оказывались выше или ниже нормы, но никогда ей не соответствовали. Он представлял собой гибрид, продукт слияния двух разных рас; неудивительно, что он ненормален, удивительно то, что вдруг стал соответствовать средним человеческим показателям. Ясон пожал плечами и решил примерно через час повторить анализ. Если он снова окажется нормальным, то появится повод для беспокойства. Наркотики, во всяком случае, не годятся для долгосрочного контроля над субъектом, на этот счет он не волновался.

Оставалось сделать другие тесты, и он выполнил их все. Ясон действовал с точностью и аккуратностью человека, не единожды проводившего их на себе. Окончательные выводы озадачили и встревожили его. Никаких следов гипноза, никаких элементов внушения ни в одном из участков мозга. Тем не менее, его рефлексy удивительным образом выровнялись, сгладились. Энцефалограф, который обычно скакал вверх-вниз, чертя

свою кривую на графике, теперь комфортно колебался, не выходя за пределы средних показателей. Ясон много раз видел свои анализы прежде; теперь это был не он. О гневе и восторге он забыл, уныние и озабоченность оставили его. Таких рефлексов достигают применением наркотиков либо самыми изощренными методами гипноза, больше никак. Но ему пришлось исключить оба этих варианта; оборудование в лаборатории выше всяких похвал, в этом он был готов поклясться.

Значит, все-таки есть другой способ контролировать индивида. Потому что кто-то подавил его рефлексы. Если требуется доказательство, которого не могут дать приборы, то вот оно: он до сих пор не получил информации от Эйрсты. Не получил и не получит, пока не страхнет с себя эту летаргию. Ясон не успел додумать мысль до конца: из задней части корабля донесся пронзительный крик. Он выскочил из лаборатории и за-

хлопнул дверь. Побежал к каюте Эйрсты, но наткнулся на нее в коридоре.

— Оно на меня набросилось, — произнесла она дрожащим от гнева голосом. — Ты должен его убить.

Эйрста стояла перед ним растрепанная и полутолая. Очевидно, все произошло, когда она переодевалась. Никаких ран Ясон не заметил, а учитывая что напоказ она выставила почти все тело, серьезных повреждений Эйрста не получила.

— Рослинг? — спросил Ясон. — Я его назад в клетку посажу.

— Ты должен его убить, — настаивала она, уже близкая к истерике. — Оно забралось в мою каюту и прыгнуло, когда я переодевалась.

Не успел он возразить, как рослинг появился и потихоньку запрыгал в их сторону. Эйрста с визгом убежала. Ясон понял, куда она направилась, и опередил ее. Схватил пистолет со стола и поднял руку, не позволяя ей достать. В конце концов, рослинг — покладистая тварь, и он не собирался смотреть, как животное напрасно погибнет.

За ними следом в отсеке появился и рослинг. Эйрста снова умчалась, увидела первую открытую каюту и спряталась в ней, захлопнув дверь. Ясон нервно покрутил оружие в руках и сунул в карман костюма. Рослинг больше не казался миролюбивым, хотя Ясон рассудил, что может отключить его одним подзатыльником, если придется.

К его удивлению, рослинг поднялся на задние лапы. Потом подошел ближе и прыгнул к нему на руки.

— Ясон, — всхлипнул он.

Этот голос он узнал бы где угодно.

— Карлос!

Она ткнулась мокрой мордой ему в лицо — видно, хотела поцеловать. Потом соскользнула с его рук и закрыла снаружи дверь каюты, в которой укрылась Эйрста. Ковыляя, вернулась обратно.

— Ясон... — захныкала она.

Он отвел ее назад в отсек и усадил. Ему совсем не хотелось, чтобы Эйрста подслушала их разговор. Пока он во всем не разберется, Эйрсте тут не место.

— Может, расскажешь, зачем ты это сделала? — спросил он, когда Карлос перестала дрожать.

— Эта одна из моих лучших композиций, — с гордостью ответила она. — С нею я даже эксперта смогу одурачить. — Композиция? Грэнди говорил, что она составляет животных. До конца он тогда не объяснил, но, похоже, ее талант все-таки имеет прикладное значение — вопреки тому, что подумал Ясон.

— Как ты это делаешь?

— Гуп отращивает волосы. Ты об этом знаешь. Но у него есть производная, которая делает кости эластичными. Мы ее используем при родах. Варьируя два химиката, я могу втиснуть свое тело практически в любую форму и удерживать в ней, сколько пожелаю.

Логично, что столь сложная субстанция, как гуп, имела множество производных, каждая из которых обладала особыми свойствами.

— Но зачем ты это сделала? — спросил Ясон.

— Мне пришлось, — выпалила Карлос. — Она собиралась женить тебя на себе.

— Мне кажется, я не собирался, — сухо заметил Ясон.

— Но ты уже женат! — воскликнула Карлос. — Ты женат на ней, и на твоём месте это произошло бы с любым, кто не является рестапийцем.

Эйрста его обманула. «Заявление о намерениях», сказала она. На самом деле, все серьезнее. Практически, он стал ее мужчиной, сожителем. И, с юридической точки зрения, принял на себя обязательства. Он не знал об этом нюансе рестапийского права, но знал о других. Одна из статей гласила, что в смешанном браке супруг, не являющийся уроженцем Рестапа, лишается законных прав. На Рестапе или любом из его владений богатство Ясона будет принадлежать Эйрсте.

К счастью, существовал еще межзвездный закон. Состоял он в основном из лазеек. Ясон мог успешно оспаривать претензии Эйрсты где угодно, кроме Рестапа. Теперь он никогда не сможет туда вернуться.

Он хорошо начал, приготовив свою ловушку, а сам попал в другую, расставленную ею. Если, конечно, это ее ловушка. С какой целью ее расставили? Происходящее наверняка связано с его интересом к Крэнси и Мерхейвену.

Ясон упрямо склонил голову.

— Расскажи мне про все остальное!

— Пожалуйста, позволь мне это сбросить, — попросила Карлос, извиваясь под своей густой шерстью.

— У меня есть лаборатория, — с жалостью сказал он.

— Но ты не найдешь там нужных химикатов.

— Чтобы вырастить, не найду. Но могу кое-что смешать, чтобы удалить.

Она ушла, а когда через четверть часа вернулась, Ясон снова смог узнать прежнюю Карлос. Коротко ост-

риженные волосы так и остались золотистыми — цвет она изменить не могла. Карлос подрезала свою шерсть до приемлемой длины, так что ее покров вполне мог сойти за обычный ежедневный наряд. Ее бедренные кости почти выпрямились — мускулатура нивелировала воздействие химиката, сделавшего их эластичными.

Наружный осмотр пришлось отложить на потом. Ясон сел рядом с Карлос.

— Расскажи мне все, что знаешь.

Она неуверенно взглянула на него.

— На пикнике в тебе что-то переменялось, — сказала Карлос. — Не знаю, что, но чувствую. Я думаю, Эйрста с тобой что-то сделала. — Она глубоко вздохнула. — Мы не смогли увидеться с тобой, чтобы рассказать про это, но потом узнали, куда ты летишь, и я уговорила Грэнди взять меня на борт. Из клетки я все равно бы выбралась, но ты облегчил мне задачу, выпустив наружу. Я забралась в каюту Эйрсты, но она меня выгнала.

Потом я прокралась туда снова, пока она не видела. Пряталась, сколько хватило терпения. А потом прыгнула на нее и укусила.

Ясон покачал головой и нахмурился. Он надеялся получить больше информации. Эйрста являлась частью большого заговора, а Карлос помешала ему проникнуть в него достаточно глубоко. Если он собирается распутать это дело, то должен узнать больше.

— Почему ты на нее напала? — спросил он.

Карлос скорчила гримасу.

— Потому что там, в каюте, когда она разделась, я почувствовала, что ненавижу ее. Я возненавижу любую

женщину, которая постарается заполучить тебя. — Она начинала задыхаться.

Тоже периферийная информация, но она добавляет кое-что к общей картине. В такой ситуации Эйрста не понравилась бы ни одной женщине.

— Думаю, тебе пора меня выпустить, — раздался голос Эйрсты.

Он поднял взгляд. Эйрста находилась в другом конце корабля, но экран работал. Не имеет значения, что она подслушивает; Эйрста заперта в каюте.

— В любое время. Только расскажи все, что я хочу знать.

Она расхохоталась, словно чувствовала себя совершенно раскованно. Ясон не ожидал такой реакции.

— Я подожду, пока рослинг сдохнет, — сказала Эйрста.

Ясон обернулся: Карлос оставалась на месте, но ему показалось, что ей трудно сохранять сидячее положение. Лицо осунулось и пожелтело, дыхание стало прерывистым.

И вдруг он почувствовал, что близок к ответу. Все обрывки и кусочки периферийной информации начали складываться в единое целое. Когда они сольются, решение будет найдено.

— Ты обрадуешься, если она умрет, — с расстановкой произнес Ясон. — Но я привлеку тебя к ответственности.

— Я ничего не делаю, Ясон. Если она умрет, то из-за тебя. Ты разве не знаешь? — Она шла ва-банк, и это было очевидно, но он не имел права недооценивать ее слова.

Организм Карлос на что-то реагировал — может быть, и на него. Если так продолжится, то реакция закончится летальным исходом. Такими темпами до него недалеко.

Внешность Карлос пугающе изменилась. Но он не может быть причиной — они проводили вместе по нескольку дней, и ничего подобного не происходило. Ясон мысленно поправил себя: они общались на Рестапе. Снова эта планета.

Он постарался поудобнее уложить ее, выпрямить сведенные судорогой ноги. Действуя наугад, провел ладонью по ее лицу. Она пыталась улыбнуться — не получилось. Он понял, что по крайней мере отчасти это состояние вызвано близостью с ним.

Ясон встал.

— Что я могу для нее сделать? — спросил он у Эйрсты.

— Ничего. Причина в тебе, но помочь ты не в состоянии. А я могу. И когда выйду отсюда, посмотрю, что в силах сделать.

Если это правда — а в такое предположение он еще не поверил до конца — то она легко окажет помощь отсюда, где находится.

— Сейчас посмотрим, — сказал Ясон и вышел из отсека, оставив Карлос лежать.

Полчаса назад, когда Карлос еще не выгнала Эйрсту из ее каюты, Ясон чувствовал какую-то вялость. А теперь она исчезла. Будь у него время, он повторил бы тесты и увидел бы разницу в анализах. Но этого и не требовалось, он точно знал, что чувствует себя иначе. Он снова стал самим собой — человеком, который может быть опасен для Эйрсты.

Карлос напугала Эйрсту в ее каюте. Кажется, с этого все началось. Если бы он мог расспросить Карлос подробнее... Но она не в состоянии говорить. Что ж, остается каюта Эйрсты. Надо ее обыскать.

Когда он туда вошел, Эйрста уже смотрела с экрана. Она равнодушно наблюдала, как он осматривает ее вещи. Дюйм за дюймом он обследовал всю каюту. Ничего не нашел и внимательно осмотрел одежду, которую она носила.

— Ты ничего не найдешь, — подала голос Эйрста. — Воздействие на Карлос — чисто психическое.

Ясон ей почти поверил, в этом она разбиралась.

— Гипноз? — спросил он, стараясь говорить непринужденно.

Эйрста весело рассмеялась.

— Именно это или нечто подобное ты хотел применить ко мне. Однако, это не гипноз, сам знаешь. Ты же тщательно проверял себя.

Приблизив лицо к экрану, она начала объяснять:

— Правда в том, что крэнсиане эмоционально неустойчивы. При контакте с другими расами у них начинается реакция, и если поблизости не окажется рестапийца, который готов оказать им эмоциональную поддержку, то дело кончится плохо.

Теперь она говорила, как мистик. Эмоциональная поддержка... Рестапийцы что-то делали, но совсем не то, что делает мать, обнимая ребенка. Ясон молча вернулся к Карлос. Ей стало хуже, но не настолько, насколько он ожидал. В том, что говорила Эйрста, содержалась крупица правды. Его влияние на Карлос имело накапливающийся эффект. Ясон мог замедлить про-

цесс, держась на расстоянии. Будь корабль достаточно велик, он поместил бы ее в одном конце, а сам остался в другом, и она бы выздоровела. Но корабль не обладал такими размерами.

Эйрста с экрана рассматривала Карлос.

— Время еще есть, — оценивающе сказала она. — Но немного.

Взглянув на Карлос, Ясон и сам понял это. Он зашагал по кораблю к каюте, где взаперти сидела Эйрста.

Та вышла в коридор, наведя в одежде легкомысленный беспорядок.

— Ты должен дать мне возможность одеться, — сказала она, делая попытки прикрыть обнаженные участки тела, в результате чего оголила себя еще больше.

Кивнув, Ясон сопровождал ее в каюту. Эйрста хотела добраться до какой-то вещи, которая находилась в ее каюте, а он ее так и не отыскал. Ее слова о чисто психическом воздействии на крэнсиан — простая маскировка. Эта вещь существует, она постарается забрать ее, но так, чтобы он этого не заметил.

У двери она остановилась.

— Ты имеешь полное право зайти, — хриплым голосом произнесла Эйрста. Ясон понял, чего она хочет, но сдержался, даже сумел усмехнуться ей в лицо, заставив Эйрсту прикусить губу.

Раздеваясь догола, она не переставала говорить. Глухим грудным голосом Эйрста произносила монолог, держа интеллектуальную планку достаточно высоко, чтобы уровень соответствовал совершенству ее тела. Философия и стриптиз. Рассуждение о долге Рестапа перед менее удачливыми народами в сопровождении

экспозиционного шоу; и тело у нее было достаточно красивое — в нормальных условиях оно могло завлечь кого угодно.

Время заканчивалось. Когда Ясон в последний раз видел Карлос, та лежала почти при смерти, но Эйрста не позволит ей умереть, во всяком случае, пока оружие остается у него.

Ясон достал пистолет из кармана и проверил, удостоверившись, что Эйрста видит его приготовления. Желатиновая пуля вылетала из ствола откалиброванной, а когда встречала препятствие, деформировалась и причиняла тяжелые повреждения, сравнимые с ударом кулаком великана. ударил. Одна пуля контузила человека, дюжина ломала в его теле все кости. Существовали и другие виды личного оружия, но те были милосерднее и сразу убивали.

Эйрста сделала вид, что ничего не увидела. Она наконец оделась, встала и беззаботно бросила:

— Пойдем, посмотрим на твою милую.

Фальшь сквозила во всем ее поведении, и Ясон оставался настороже. Наверное, она не ожидала результатов от своего шоу, просто хотела отвлечь внимание. Не удалось, потому что он следил за каждым ее движением. Она не прикоснулась ни к чему, кроме собственной одежды. И верхнюю надела ту же самую, которую снимала, когда Карлос прыгнула на нее. Он знал это наверняка, потому что переговорное устройство, выполненное в форме цветка, все еще украшало ее плечо.

И все-таки, добились ли она своего? Ясон не чувствовал раздражения и отметил это, потому что следил за своим состоянием. Может быть, она использовала

стриптиз, чтобы приковать его визуальное внимание, а сама тем временем концентрировалась на психическом воздействии? Он решил не думать об этом.

Следом за Эйрстой он прошел в отсек, где лежала Карлос.

— Ей уже лучше.

Он не мог не согласиться. Дыхание Карлос стало естественным, судороги больше не сводили мускулы. Она еще лежала без сознания, но постепенно выходила из обморока.

— Я заберу пистолет, — заявила Эйрста. — Пока ты здесь, ее жизнь под угрозой. Если меня не будет рядом, я не смогу помочь ей. Но у тебя могут быть другие планы. — И она слегка коснулась пальцами своего плеча.

Ясон почти физически ощутил удар. Ему сразу захотелось поверить Эйрсте. Все будет так хорошо и спокойно, если он поверит. Но это прикосновение к плечу все испортило.

Находясь в открытом космосе, она не могла связаться по своему коммуникатору ни с одной рестапийской станцией. Сейчас она не занималась вопросами бизнеса и нацепила цветок не для этого. Она использовала его против Карлос.

Ясон протянул пистолет левой рукой и спокойно ждал, пока она подойдет. Ему вспоминалось другое лицо, искаженное мукой и предчувствием смерти, как у Карлос. Таким было лицо его деда на Мерхейвене, когда он, Ясон, лежал той ночью в темной комнате.

И это тоже сработало против Эйрсты. Она протянула руку за пистолетом, и он ударил ее кулаком. Второго удара не потребовалось.

Карлос открыла глаза, увидела, что лежит в постели, а в окно светит солнце, и поняла, что находится не на корабле.

— Где я? — радостно спросила она.

— Это не Земля, если ты об этом подумала, — ответил Ясон.

— Скажи, — настаивала она, и глаза ее сияли.

— Мерхейвен, — сказал Ясон.

Она замерла, осмысливая услышанное.

— Поцелуй меня скорее. Нас сейчас убьют.

— Сомневаюсь, — сказал Ясон. Он подошел к двери и кого-то позвал. Вошел высокий худой парень.

— Это мой двоюродный брат по линии отца. Скажи нам, Буронс, каковы твои намерения?

— У каждого молодого человека имеются определенные намерения, — Буронс с восхищением посмотрел на Карлос. — Она замужем?

— Сговорена, — твердо ответил Ясон. — Что еще скажешь?

— Кажется, скоро у меня появится прекрасная родственница с Крэнси, — сказал парень. Он взглянул на Ясона, подмигнул Карлос и вышел.

— Что ты о нем думаешь?

Карлос смотрела широко открытыми глазами.

— Он мне понравился, — наконец ответила она. — Ты испугался?

— Я никогда ничего не боюсь.

Ясон говорил почти правду.

— Все улажено, — сообщил он. — Спи дальше.

— Я выпалась, — негодуя возразила она. — Ты должен рассказать мне, что произошло.

Он вздохнул; рассказывать пришлось долго, но Ясон постарался ничего не забыть. В середине повествования она подняла взгляд на переговорное устройство, закрепленное на стене.

— Это? — спросила она, указывая глазами.

Ясон кивнул.

— По виду не скажешь. Даже вскрыв его, я сначала подумал, что это простое переговорное устройство. Но при внимательном осмотре оказалось, что внутри на самом деле два излучателя, причем один принципиально отличается от другого. Исходящие частоты этого необычного излучателя не улавливаются ни стандартным оборудованием, ни специальным.

Ясон продолжал объяснять, а когда закончил, увидел, что Карлос безмятежно спит. Стараясь не разбудить ее, он тихо вышел из комнаты. Ясон не отходил далеко от дома — требовалось оставаться в зоне действия излучателя, висевшего на стене. Но мерхейвенианцы уже работали над такими же приборами, и скоро в действие будут приведены более мощные установки.

Когда тебе известно, какие силы вовлечены в ситуацию, все кажется простым. Человечество эволюционировало, но в какую сторону? Может, оно шло к телепатии, может, к чему-то другому. Во всяком случае, ни одна раса или часть расы до этого пункта пока не добралась. Но пройдет тысяча лет, и родится ребенок, и кто-то вдруг поймет, что дитя обладает невероятными способностями.

А пока совершались промежуточные шаги, и народы Крэнси и Мерхейвена отличились на этом пути вперед. Одним из следствий эволюционного процесса стало

продуцирование высоких нейронных частот мозгом представителей этих рас. И тут начались неприятности. Это излучение зачастую раздражало другой мозг, пусть такой же развитый, но совершенно по-другому настроенный. Чем чувствительнее был индивид, тем легче он терял способность к самоконтролю. Оказалось, что мозг нельзя отрегулировать до состояния полной статичности.

Это явление можно сравнить с еще одним примером раздражения — аллергией. Но данная аллергия не являлась телесной, ее нельзя было определить физическими средствами.

Ясон хорошо помнил свою мать и специалистов, посещавших ее. Теперь он знал факты, которыми не располагал раньше. Она умерла из-за присутствия своего мужа, уроженца Мерхейвена, и отчасти из-за него, Ясона. Его отец, измученный, снедаемый чувством вины, убил мать, но не тем способом, каким он думал.

Люди Крэнси и Мерхейвена на нейронном уровне реагировали друг на друга самым бесчеловечным образом. Они не могли постичь, почему, но всегда знали: чужака необходимо убить как можно быстрее, чтобы самому остаться в живых. Они приняли свою судьбу, и поэтому уничтожали друг друга, где бы ни встретились.

Давным-давно на Рестапе нашелся любознательный человек, который провел исследование и разобрался с причиной. Опираясь на полученную информацию, рестатипы создали излучатель, способный глушить раздражающие смертоносные частоты. Они сохранили секрет нейронного излучателя в глубокой тайне и, ловко используя его, добились богатства и экономической

власти. Только они могли успешно контактировать с Крэнси и Мерхейвеном и держали эти планеты под жестким, хотя и невидимым, контролем.

Ясон представлял для них угрозу. Кровные узы связывали его с обеими планетами, и если бы он продолжил расследование, то рано или поздно наткнулся бы на тайну рестапийцев.

Еще прежде угрозой стали его отец и мать. Они встретились на Рестапе, и, поскольку находились в зоне действия излучателей, то вполне могли влюбиться друг в друга. Так и случилось. Рестап вынудил их улететь, и им грозила быстрая гибель, но его родители интуитивно пришли к единственному решению, которое могло спасти их жизнь. Простому решению — встречаться только на короткое время. По этой причине Ясон так редко видел своего отца.

Все же мать прожила достаточно долго и успела родить его, а отец прожил еще дольше, заработал состояние и оставил ему богатство и положение в обществе.

Но когда Ясон вернулся на Рестап, его богатство стало для рестапийцев камнем преткновения. Нищий может исчезнуть без следа, но человек с его положением и экономическим статусом — никогда. Кроме того, Рестап не мог допустить какого-либо расследования.

Однако они не возражали бы, если бы Ясона убили на Мерхейвене, поэтому и позволили ему слетать туда. Предполагалось, что мерхейвенианцы отреагируют на него, как на уроженца Крэнси. И он погиб бы, если бы не его дед. Ясона спасло невероятное упорство старика, который, невзирая на искушение, не опозорил преступлением кровные узы.

Когда он вернулся живым, рестапийцы оказались у опасной черты и использовали свое тайное оружие — женщину, то есть Эйрсту. Вот почему исчез секретарь «Рестап интрейд» Моффл. Эйрста организовала пикник и даже приезд его деда. В нужный момент она синхронно выключила все нейронные излучатели в городе, подав команду со своего переговорного устройства. Остальное сделали сами мерхейвенианцы и крэнсиане — не могли не сделать.

Но он выжил, и даже не потерял уверенности, что многовековой конфликт между двумя планетами можно как-то разрешить, хотя Эйрста на это рассчитывала.

Поэтому им пришлось сделать следующий шаг. Эйрста получила задание заманить и соблазнить его и едва не добилась успеха. Если бы не вмешалась Карлос, то Эйрста, по меньшей мере, связала бы его по рукам и ногам бесконечными судебными тяжбами. Он занимался бы только самооправданием и защитой, а времени на разработку вопросов, представлявших угрозу для рестапийцев, у него просто не осталось бы.

Но и на этом они не собирались останавливаться. На планете отдыха Ясон оказался бы совершенно беспомощным. Его разум не относился ни к Крэнси, ни к Мерхейвену — понемногу к обоим мира. Возможно, очень сильное нейронное поле произвело бы на него эффект, который рестапийцы сочли бы желательным. Во всяком случае, ничего им не помешало бы просто экспериментировать над ним. И это тоже входило в их планы.

Не слишком приятно было бы попасть в такую ситуацию. Он невольно передернул плечами. Потом вернулся мыслями к Карлос.

Подойдя к окну, Ясон заглянул внутрь. Карлос спала. Его мозг продуцировал оба вида частот, тело Ясона привыкло к ним еще в детстве, когда обладало беспредельной пластичностью. Он мог жить с любой частотой, но Карлос не могла.

Когда Эйрста раздевалась и Карлос напугала ее, нейронный излучатель в переговорном устройстве случайно выключился. Потом у Эйрсты возникла проблема: как снова его включить, чтобы Ясон не заметил. Она его перехитрила, но не сумела правильно оценить эффект, который излучатель окажет на Ясона. А он получился не таким сильным. Ощувив умиротворение, как и другие, он сумел не потерять концентрации и за долю секунды проанализировать происходящее. Доли секунды ему хватило.

Вернувшись в комнату Карлос, он присел рядом с ней.

— Ты меня обманул, — сказала она, открывая глаза.

— Как это? — засмеялся Ясон.

— Ты не сказал, почему мы полетели на Мерхейвен вместо Крэнси.

— Давай меняться, вопрос на вопрос, — предложил он.

Карлос потянулась.

— Сначала мой.

— Согласен. — Посмотрев на излучатель на стене, он подумал, что эта вещь может нести смерть. Или жизнь — в зависимости от того, кто ее использует. — Я его

внимательно изучил и обнаружил, что очень немногие детали изготовлены на Рестапе. Остальное закуплено на Мерхейвене, а на Рестапе производили сборку. Поэтому я направился сюда — знал, что буду в безопасности, пока он включен. Раньше мерхейвенианцы изготавливали излучатели, не соображая, над чем работают. Теперь, когда знают, могут сделать их лучше. У твоего народа нет таких способностей к технике.

Карлос оторвала взгляд от стены.

— У нас они тоже кое-что покупали. Я жалела, что приходится им продавать.

— Мы это изменим, — пообещал Ясон. — Знаю, что они закупили гуп, а что еще?

— В основном, его. Хотя мы им продавали модифицированный гуп; он не годится для одежды, как у нас. На Рестапе его называли удобрением. В том виде, в каком они его получали, он больше ни для чего не подходил.

Про эту субстанцию говорил дед Ясона. Она может изменить Мерхейвен. Красивые долины с тощей почвой дадут планете пропитание. Над Рестапом начали сгущаться тучи.

— Я свой вопрос использовала, — заметила Карлос. — Но ты еще должен рассказать, что сделал с Эйрстой.

— Власти Мерхейвена объявили ее в розыск, и я передал ее им. На пикнике погибли двое граждан этой планеты. В худшем случае, Эйрста сошлется на то, что ее использовало руководство Рестапа, но это не стало бы возможным без ее согласия, так что она не уйдет от правосудия и свое получит.

Для нейронного излучателя Ясон уже продумал области применения. Когда мерхейвенианцы изготовят достаточно устройств для собственных нужд и для Крэнси, он передаст технологию в «Дружбу».

Фонду нужен сильный президент, а он не прочь превратиться из номинального руководителя в действующего. Несомненно, что ксенофобия существует на самом деле, но встречается она гораздо реже, чем принято думать. В основном мы имеем дело с реакцией, протекающей на таких уровнях, куда еще никто не заглядывал. Под его руководством все конфликты, считавшиеся ранее неизбежными, подвергнутся пристальному изучению. У него есть мощный инструмент, который ему поможет. Конфликты будут происходить и дальше — экономические и прочие, но не имеющие реальной подоплеки просто прекратятся.

— А у тебя какой вопрос? — спросила Карлос.

Он его задал, хотя, кажется, и сам уже знал ответ.

— Какое сырье используется для изготовления гупа?

— Ну, глупо же, — укорила Карлос. — Конечно, уран. Мы его преобразуем до полной неузнаваемости, пока не получим длинное органическое соединение; никто и не догадывается, что это производная одного-единственного элемента. — Робко посмотрев на Ясона, она вздохнула. — Его не так много на Крэнси, и никто его больше не использует. Наш единственный источник — Рестап.

Неудивительно, подумал Ясон. Главные жертвы Рестапа — Мерхейвен и Крэнси. Рестап сеял между ними рознь, но в соответствии с собственными нуждами развил из них интегрированную экономику. И ни те, ни

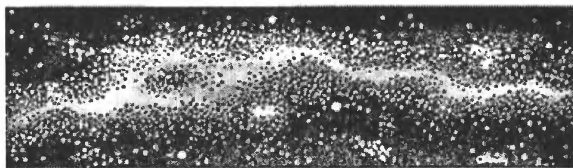
другие ничего не знали.

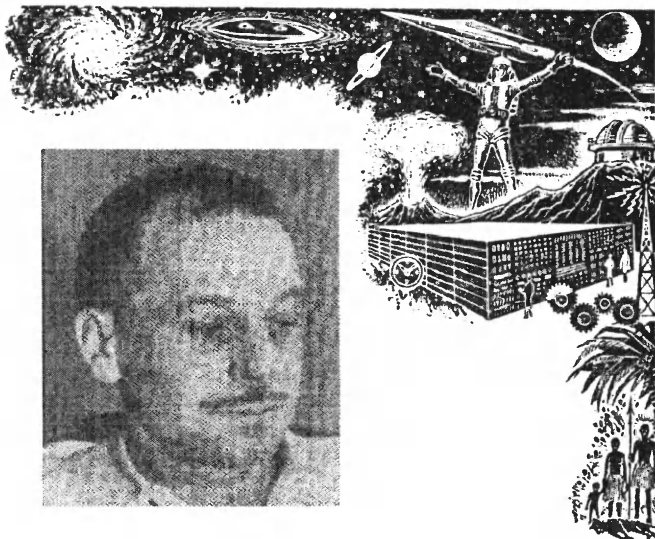
На Земле случалось нечто похожее, и все же больно было видеть, во что вылились мечты первопроходцев космоса.

Существовало межзвездное право, но Ясон считал, что бесполезно преследовать Рестап на его основании. И необходимости нет. Рестапийцы устроили ловушку, и теперь она с треском захлопнулась над их головами. Потому что Рестап не располагал запасами урана. Его завозили с Мерхейвена. Теперь они обречены начинать с самого низа экономической лестницы и подниматься — если сумеют. Товары, от которых они зависят, в полном объеме пойдут мимо их планеты. У них нет ни сырьевых материалов, ни промышленной техники, и они так долго жили за счет чужих усилий, что разучились трудиться. Придется учиться заново, а это нелегко.

Подняв глаза, Ясон увидел, как Карлос выбирается из постели; не обращая внимания на его ворчание, она свернулась у него на руках и снова заснула.

Он гладил и перебирал шелковистый мех, до сих пор покрывавший ее тело. Теперь он заметил, что это не совсем мех. Ясон долго не мог понять, о чем же он ему напоминает. Вьющиеся, мягкие желтые пряди ласкали пальцы. Теперь он точно знал, что это такое. Ясон и золотое руно.

Американский автор Floyd Lee WALLACE (16.02.1915, Рок-Айленд, Иллинойс — 26.11.2004, Тастин, Калифорния) окончил Университет Айовы. Жил в Калифорнии, работал инженером-механиком. В 1951-1961 годах в журналах опубликовал 24 рассказа и один роман вышел книжкой.

Флойд Ли УОЛЛЕС подписывал свои произведения сокращенно F.L. Wallace. На русском в публикациях встречается ошибочное написание «Фредерик Уоллес».

(Фото 1953 года)

Содержание:

Необычный полёт	7
Accidental Flight	
Galaxy Science Fiction, April 1952	
Иллюстратор Эд Эмшвиллер (Ed Emshwiller, в журнале подписан как Ed Alexander)	
Повторное посещение	116
Second Landing	
Amazing Science Fiction Stories, January 1960	
(без иллюстраций)	
Невозможное путешествие домой	
The Impossible Voyage Home	
Galaxy Science Fiction, August 1954	
Иллюстратор Дик Фрэнсис (Dick Francis)	
Не забывай меня	169
Forget Me Nearly	
Galaxy Science Fiction, June 1954	
Иллюстратор Эд Эмшвиллер (Ed Emshwiller)	
Сбалансированные миры	231
Worlds in Balance	
Science-Fiction Plus, May 1953	
Иллюстратор Том О'Рейли (Tom O'Reilly)	
Об авторе	317

На обложке использована картина Эда Эмшвиллера 1955 года

Ф.Л. Уоллес
Необычный полёт
Сборник рассказов

Перевод Сергея Самуйлова

Количество знаков 385 615
Тираж 30 экземпляров

Зарубежная

фантастика

